

Игорь Озеров

НА КАЛИНОВОМ
МОСТУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Озеров

На Калиновом мосту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66975618

SelfPub; 2023

Аннотация

В начале лета 2020 года, когда стало очевидно, что весь мир вступил в стадию грандиозных многолетних перемен, я рискнул по горячим следам написать роман о том, что, на мой взгляд, действительно происходит, кому это выгодно, кто за этим стоит и к чему это может привести. Естественно в моей книжке есть вирус, и есть герои, в которых можно увидеть черты тех или иных мировых лидеров. Но это не «тот самый вирус». Также абсолютно вымышленными являются все персонажи и события которые с ними происходят. Действие происходит в Китае и США, в Индии и Израиле, в Германии и в России. Как в любом романе есть любовь и война, предательство и самопожертвование. Скудную, но необходимую философию, я старался разбавить динамичным сюжетом с погонями и приключениями. Но самым важным в жизни любого человека, а значит и в романе, является то, какую дорогу выберут главные герои, чем для этого им придется пожертвовать и от чего они не откажутся ни при каких обстоятельствах. Содержит нецензурную брань.

Игорь Озеров

На Калиновом мосту

Пролог

– Зачем ты это делаешь? Ради денег? Я дам тебе больше! Ну что ты молчишь?.. Ради идеи? Мне жалко человека, которого идея заставляет убивать людей...

Так было всегда: они сначала пугали, потом предлагали деньги, а после призывали к милосердию и совести. Поэтому Иван старался не разговаривать с теми, на кого охотился. Об идеях хорошо размышлять дома на диване, а здесь просто работа. Если на работе будешь думать о чем-то постороннем, то о твоих благородных идеях расскажут в твоём некрологе.

Сегодня он сделал свое дело хорошо. Когда знаешь весь график передвижения Объекта, то проблем не возникает. А сегодня он знал все по минутам.

Ивану не рассказывали, почему какого-то человека надо вытащить из теплого гнездышка где-нибудь в Европе и доставить в Москву. Он знал только то, что было необходимо для работы. Чаще всего его целями были беглые олигархи и чиновники, активно работающие против страны.

Сегодня все прошло как по нотам. В 18.45 Объект поднялся на крышу офисного центра. Там, на площадке, ждал вертолет, который должен был доставить его в Барселону на футбольный матч со столичным «Реалом». Шикарный матч,

но посмотреть его было не суждено. В своем деле Иван был гроссмейстером.

Сейчас они летели на этом вертолете над морем вдоль побережья. Маленькие курортные городки отделяли друг от друга скалистые уступы с древними сторожевыми башнями и крепостными стенами.

Ивану нравился итальянский Leonardo AW109. Скоростной и маневренный а, главное, с хорошим автопилотом, которым он скоро собирался воспользоваться.

– Хочешь, я расскажу, что будет дальше? – неожиданно спросил Владислав Садовский, который и был сегодня тем самым Объектом. Он сидел рядом с Иваном в пассажирском кресле. Успокоившись и, казалось, даже смирившись с происходящим, он, прищурясь, смотрел на ярко-красное заходящее за морской горизонт солнце. На руках, опущенных между коленями, были наручники. – Ты снизишься насколько это возможно. Включишь автопилот. Вытолкнешь меня и выпрыгнешь сам, – спокойным голосом, как будто речь шла не о нем, произнес он. – Через несколько километров вертолет упадет, загорится и утонет. А нас здесь тихо подберут и поднимут на какой-нибудь ваш гражданский грузовой корабль. Меня спрячут на дне трюма в специальном отсеке для перевозки незаконного груза, где я просижу до самого Питера или Калининграда. По приезду тебе дадут премию, а на праздничном вечере 20 декабря, может, и медаль к празднику, а меня... в лучшем случае ждет мордовский

лагерь.

– А в худшем? – машинально спросил Иван.

– А в худшем – insult или падение с кровати головой о каменный пол тюремной камеры.

– Вы случайно не из нашей Конторы? – удивился Иван его хорошей осведомленности.

– Даже не знаю. Наша, ваша – сейчас не определишь. Но зарплату я когда-то получал в том же окошке, где и ты сейчас.

– А теперь где-то предложили зарплату побольше?

– Никто мне ничего не предлагал. Я уехал, когда меня вместе со страной выбросили на помойку. Сделал здесь бизнес с нуля. Выполнял кое-какие задания... Но теперь, похоже, мой бизнес приглянулся кому-то на родине. Вот поэтому тебя и прислали.

– С чего вы так решили? У вас есть доказательства или так... слова?

– Какие еще могут быть доказательства? Ты же, наверное, новости смотришь? Умному все и так ясно, а дураку... Контора давно уже не занимается безопасностью страны, а лишь участвует во всяких финансовых разборках.

– Что же вы не спрятались получше, если все так хорошо знаете?

– Не таракан я, по щелям прятаться, – усмехнулся Владислав Садовский.

– То есть вы в 91-ом году из Конторы ушли? – спросил

Иван, думая о чем-то своем. – А кто у вас тогда был начальником?

– Командиры и начальники у меня были разные, но в Краснознаменном институте КГБ СССР я с твоим отцом, Сашей Ясеновым, сидел за одной партией.

Иван чуть не потерял управление вертолетом.

– Откуда... Кто вам сказал? – он растерялся, все в голове смешалось. – Меня кто-то сдал?

– Просто похож очень. И часы Сашкины у тебя на руке. Их нам на выпуск вручали. А браслет к ним нам потом хороший человек делал. Таких браслетов всего два. Там на замке изнутри имя выгравировано. Чтобы не перепутать.

Иван принял решение почти мгновенно.

– Плавать умеете? До берега доплывете?

– Нас готовили Берингов пролив под вражеским огнем штурмовать, – будто бы равнодушно ответил Садовский.

– Я сейчас снижусь – прыгайте. Дома скажу, что вы утонули.

Иван расстегнул наручники.

– Ты так просто мне поверил?

– Поверил, – спокойно ответил Иван, снижая скорость. – Не тяните. Скоро корабль.

– Такое доверие дороже жизни стоит... Встретимся... – Садовский резко отодвинул дверь и, оттолкнувшись от подножки, прыгнул в воду.

Через несколько минут, повернув за береговую скалу,

Иван увидел большой траулер и высланный с него катер. Он включил автопилот и выпрыгнул.

Глава 1

С высокого уступа он первым увидел, как в залив вошли касатки. Три черных высоких плавника быстро приближались к берегу, где у самой кромки воды столпились молодые императорские пингвины, еще не поменявшие свой серый пух на красивую черно-белую раскраску. Среди них был его сын, который родился всего два месяца назад. Он закричал что было силы, пытаясь предупредить детей о приближающейся опасности, но крик получился странным, не таким громким, как хотелось. К тому же его заглушил рокот разбивающихся о берег волн.

Тогда он спрыгнул с уступа и побежал. На толстых коротких ножках бежать было очень трудно и, главное, очень медленно. Он бросился животом на лед, покрывающий берег до самой воды, и, отталкиваясь мощными крыльями-плавниками, заскользил к краю залива.

Когда до птенцов оставалось совсем немного, одна из акул вылетела на берег и, схватив ближайшего пингвина, сползла опять в океан. Птенцы начали разбегаться в разные стороны. Но некоторые из них, молодые и глупые, вместо того, чтобы уйти подальше от берега, поковыляли вдоль него, оставаясь в досягаемости акул. Он опять вскочил на ноги, чтобы закричать и увидел, как к кучке переваливающихся пушистых

пингвинов летит наперерез одна из касаток...

От собственного крика Генри проснулся. В спальне было темно. Чтобы быстрее отойти от кошмарного сна, он нащарил рукой пульт и нажал пару кнопок. Медленно начала открываться система жалюзи, закрывающая огромное окно, точнее целую стеклянную стену. В комнату сразу ворвалось яркое калифорнийское солнце, легко пробившееся через еще не до конца раскрывшиеся створки жалюзи.

Дом на западном склоне хребта Сьерра-Невада находился на границе национального парка. Он был спроектирован так, что снаружи, даже с любимой туристами смотровой площадки, расположенной совсем рядом на соседней горе, увидеть его было почти невозможно. Наружу выходило лишь огромное стекло, а покрытое специальным составом, оно не отбрасывало даже бликов. Сверху, снизу, слева и справа от дома были совершенно отвесные скалистые стены. Сам дом располагался внутри пещеры, от которой через хребет до обычной дороги был пробит специальный туннель.

Несмотря на то, что эта стеклянная стена была единственным окном, находясь внутри дома не было ощущения, что ты в пещере. Лишь в одной комнате была дверь с сюрпризом, открыв которую, гости попадали в огромный подземный зал и застывали в восторге: здесь все было так же, как и миллионы лет назад. Сверху свисали сталактиты разных форм и размеров. Под ними, за тысячелетия от падающих капель, росли вверх сталагмиты. В некоторых местах они соединялись, об-

разуя причудливые закручивающиеся спиралями колонны.

А в глубине зала притягивало бирюзовой деликатно подсвеченной водой небольшое круглое озеро. Оно наполнялось из множества мельчайших подземных ручьев и родников, которые соединялись здесь, в этом озере, чтобы затем с грохотом сорваться водопадом в глубокий каньон чуть левее дома.

Вид из единственного настоящего окна дома компенсировал отсутствие других окон. Прекрасная долина внизу, заросшая огромными многовековыми секвойями, с противоположной стороны была зажата таким же хребтом с серыми отвесными стенами. В центре ущелья серебряной змейкой извивалась река, которая начиналась от другого водопада на южном склоне. Эта долина, невероятно прекрасная в любое время суток и в каждое время года, по праву считалась одним из самых красивых мест на земле.

Но больше пейзажа за окном Генри Мидас любил зеркала. Пятый ребенок в семье обычного рабочего из Детройта, в этом году он вошел в десятку самых богатых людей мира. А ему не было и сорока. В гонке за местом под солнцем он, как подброшенный в гнездо кукушонок, очень быстро скинул вниз всех своих конкурентов.

Потомственные чванливые медиамагнаты конца 20-го века даже не успели понять, как неожиданно разогнавшийся мир оставил их на пыльной обочине. Их издательства, вместе со снобами писателями, и газеты с хамоватыми журнали-

стами, стали никому не нужны. За несколько лет люди перестали воспринимать мысль, для выражения которой требовалось больше тридцати слов. Вместо газет и журналов люди приучились проводить время рассматривая смешные картинки и любительские войны. Даже Голливуд, который десятилетиями формировал общественное мнение, скатился на обычную экранизацию комиксов.

И теперь Генри, придумавший первые социальные сети, контролировал это все. Несколько компьютерных программ в его сетях, отсекая тот или иной материал или наоборот, продвигая его наверх, увеличивая просмотры, позволяли легко формировать нужное мнение. Рекламодатели и политики платили за это огромные деньги. Но не это было главным.

Он фактически создал новый мир населенный новыми людьми, и эти люди ему не понравились. И чем больше он узнавал свое создание, человека программируемого – homo programmable, тем больше его презирал.

Сначала он радовался своим успехам в их легком переформатировании. Потом эта чрезмерная покладистость начала его раздражать. А когда понял, что легко может заставить людей делать и любить что угодно и кого угодно, он стал их ненавидеть.

Когда-то в детстве он посмотрел фильм про оживших зомби, и теперь, спустя много лет, глядя на людей, он невольно видел вместо них плетущихся неизвестно куда на полусогну-

тых ногах полуразложившихся мертвецов.

В какой-то момент он перестал смотреть людям в глаза. Ему было стыдно за них, за их потаенные желания и пошлые мечты, которые он хорошо знал.

Генри уже и сам не знал: где реальность, а где его проекты. Он сделал столько президентов, олигархов, звезд кино, что все они смешались, будто обычные торговые марки – «Пепси», «Форд», «Луи Виттон».

Разочаровавшись в людях, он все больше любил самого себя. Он смотрел на себя в зеркала, развешанные по всему дому, и видел не маленького невзрачного человека с большими залысинами и бесцветными рыбьими глазами, а властителя дум целого мира. А значит и его хозяином.

Но иногда зеркала не отвечали привычное: «Ты могущественнее всех на свете». А кривились ироничной улыбкой: «Ты всего лишь инструмент... Да, дорогой и сложный, но когда тебя включить и как тебя использовать решают другие люди. Не ты определяешь кого делать звездой экрана, кого президентом. Ты исполнитель чужой воли». Это мгновенно омрачало Генри, и уголки его тонких губ пренебрежительно ползли вниз. «Мы еще посмотрим, кто инструмент и кто его хозяин. Время играет на моей стороне. Я еще молод и у меня есть все, чтобы сбросить в эту пропасть всех оставшихся».

Когда-то давно все могло бы пойти не так, не завали он вступительные экзамены в университет. Он мечтал стать журналистом. На собеседовании в университете его спроси-

ли кто такой Дон Кихот. Он ответил коротко и честно: «Деревенский сумасшедший». Экзаменаторам ответ понравился, они долго смеялись, но в университет его не приняли. И после этого он решил: честность – одна из форм глупости.

Все, что ни делается – к лучшему. Кем бы он был, если бы ответил по-другому? Никем. Журналисты... Писатели... Сейчас эти профессии вымерли. Простая компьютерная программа очень быстро и точно находит индивидуальный подход к каждому человеку, исходя из его особенностей и пристрастий. Кому теперь нужен их Дон Кихот, когда есть «Твиттер» и «Ютуб», «Фейсбук» и «Инстаграм»?

* * *

Хотя дом окружали лес и горы, и непрерывно работала современная система вентиляции, даже внутри чувствовался запах гари. Уже месяц поджигали дороги дома в Беверли-Хиллз, окрестностях Малибу и Санта-Моники. А недавно загорелись склоны гор с вековыми калифорнийскими сосновыми лесами.

Хочешь испортить день – посмотри новости. Но когда дикторы рассказывают новости не о далекой войне за океаном на другом конце света, а о погромах в соседнем городе – от них нельзя спрятаться. На экране включившегося телевизора ночные проспекты Лос-Анджелеса, с перевернутыми горящими автобусами и автомобилями, напоминали районы боевых действий где-нибудь на Ближнем Востоке. Раз-

лившийся бензин образовывал горящие реки. Тысячи людей в натянутых на головы капюшонах били еще уцелевшие витрины магазинов и тащили из них тюки с краденными вещами. Даже через экран чувствовалось, как воздух пропитан злобой и безумием.

Генри Мидасу некого было винить в этих событиях. Это все сотворил он сам. Бунт начался с незначительного события, которое его главный заказчик захотел использовать в предвыборной борьбе за место в Белом доме. Генри часто выполнял его просьбы, организовывая беспорядки в разных странах с целью повлиять на выборы или просто дискредитировать и свергнуть неудобного политика. Иногда их компании ставили более глобальные цели: полностью сменить руководство в какой-нибудь стране, пусть даже ценой гражданской войны.

Но сейчас все пошло не по плану. Начавшийся как спланированный, якобы стихийный митинг, протест неожиданно за несколько дней превратился в неконтролируемый бунт. Брошенная на его усмирение полиция и национальная гвардия не смогли ничего сделать, а лишь подлили масла в огонь. Беспорядки перекинулись на все большие города США, и началась так называемая «цветная революция» – любимая забава американского руководства для свержения чужих правительств. Только теперь эти цветы распустились в их собственном доме.

Его размышления прервал телефонный звонок. «Только

тебя сейчас не хватало», – подумал Генри, посмотрев на телефон. Но звонивший был именно тот, кто имел власть дергать за ниточки, привязанные к рукам кого угодно. Поэтому не ответить на вызов он не мог.

– Здравствуйте, Доктор Кауперман. Рад вас слышать.

– Генри, ты мне нужен. Мой самолет ждет тебя на полосе через час.

Глава 2

Когда-то Доктору Альберту Кауперману нравилось быть покровителем Генри Мидаса. Он называл его своим учеником. Но только до того момента, пока этот ученик не стал самым молодым миллиардером в мире. Теперь Генри раздражал Доктора. Может быть, потому что напоминал, что свое огромное состояние Альберт Кауперман получил по наследству, не приложив для этого никаких усилий.

Он всегда очень завистливо и ревниво относился к чужому успеху. Из-за обостренной мнительности и раздутого самомнения с первых дней учебы в Колумбийском университете, куда он поступил вопреки воле родителей в далеком 1958 году, ему постоянно мерещилось, что за каждым углом все смеются над его внешностью.

Болезненно худой, с большой головой на очень узких плечах он стыдился своей внешности. Целые дни Альберт проводил в своей комнате в общежитии, мечтая о том, как когда-нибудь он сможет привлечь всеобщее внимание

не только своими тощими ногами и оттопыренными ушами, а грандиозными научными открытиями, которые изменят мир и сделают людей равными.

Хотя его семья была очень богата, он принципиально не брал деньги у родителей. Поэтому одевался довольно скромно, не устраивал больших шумных вечеринок, с помощью которых можно было улучшить свою репутацию. Ему было приятно думать о себе как о скромном парне, который хочет всего добиться своим трудом.

В то время у некоторых студентов стали появляться дорогие личные автомобили. Автовладельцы объединялись в свое закрытое общество и с пренебрежением высокомерно смотрели на остальных студентов. Альберт смотрел на их яркие красивые «бьюики», «шевроле» и «кадиллаки» с таким же вождением, как смотрят на прекрасных женщин. Ему так хотелось быть членом этой элитной компании, что он даже хотел нарушить свои собственные правила и попросить у отца денег. Но потом гордость взяла верх, и он остался пешеходом.

Еще больше всего он завидовал студентам-спортсменам. Попасты в сверхпопулярную бейсбольную команду университета он даже не мечтал. Однако, после долгих колебаний Альберт решил пойти в местную секцию бокса, надеясь, что сможет достичь результатов в своем легком весе и этим сократить количество насмешек в свой адрес.

Тренер, чтобы проверить возможности новичка, сразу по-

ставил его на спарринг со здоровым белокурый немцем, который с удовольствием на десятой секунде отправил Альберта в нокаут, к тому же, сломав ему нос. Еще окончательно не придя в себя, лежа на полу ринга разглядывая низкий потолок и тусклые лампы с засиженными мухами железными белыми абажурами, он твердо понял, что спорт не его путь.

Провалившись неделю в больнице, Кауперман сделал для себя важный вывод, что если где-то его и ждет успех, то только в общественной деятельности. А единственный способ легко и быстро добиться известности – выпустить собственную газету.

Через месяц у его будущей газеты появилось название: «Прожектор». И первый критик, его единственный приятель и сосед по комнате Джон Керук, сразу разбил все его мечты.

– Глупее названия ты не мог придумать? Какой ты «прожектор»? Куда ты будешь светить? Куда вести? Тоже мне, Моисей! Ты еще сам ничего не знаешь и ничего не видел.

– Ты предлагаешь дождаться опыта и старости? Но тогда уже ничего не захочется. Мне нужна слава сейчас, а не после смерти. Мир существует, пока существуешь ты сам.

– Это правильно. Поэтому на следующей неделе едем в путешествие, чтобы ты посмотрел настоящую жизнь.

– Ты же знаешь: у меня нет денег на путешествия.

– Мы едем без денег. В этом и смысл. Поедем в товарном вагоне. Сейчас так путешествуют многие мои друзья, – настаивал его сосед Джон.

– А если поймают?

– Ты хочешь выпускать газету или нет? Пока за тобой ничего нет: ни опыта, ни идеи. Ты – мыльный пузырь. И если так будешь всего бояться, то так всю жизнь и останешься мыльным пузырем. Если раньше не лопнешь. Твоя проблема в том, что ты хочешь усидеть на двух стульях: для всех быть простым парнем, но при этом одновременно стать уважаемым господином.

Альберт опешил и даже растерялся: так легко и точно Джон охарактеризовал его скрытые желания. Поэтому неожиданно для себя согласился на эту авантюру.

План у Джона был очень простой. Доехать в товарном вагоне из Нью-Йорка в Филадельфию и Балтимор. А затем дальше в Вашингтон. Но все кончилось гораздо быстрее. Охрана железной дороги, классово ненавидевшая таких людей, считая их грязными бродягами и бездельниками, сняла путешественников с поезда на каком-то полустанке, как только они выехали из Нью-Йорка. И не только сильно избила, но и позволила злым овчаркам немного покусать их тощие задницы. Это был второй момент, когда Альберт понял, что это не его дорога.

С этого дня он начал всем говорить, что пишет роман. На самом деле ничего он не писал, написать ему было не о чем. А его приятель Джон Керук все-таки осуществил задуманное и написал книжку про свои путешествия.

Самое большее, на что был способен сам Кауперман – это

писать стихи для студенческой газеты. В них было мало рифмы и размера, трудно было уловить смысл и найти хоть какую-нибудь мысль. Но зато было много запретных слов типа «блевотины» и «спермы». Много обнаженной плоти и секса, членов и вагин.

Альберт, неожиданно для самого себя, сделал вызов тогдашней пуританской морали. Главным в его стихах-выкриках было отрицание бога, оскорбление церкви и других основ американского общества. И почему-то это оказалось востребованным. Стихи стали популярны. Он послал несколько в нью-йоркские газеты. После этого ему позвонил какой-то человек и, представившись редактором, предложил встретиться.

В то время Альберт Кауперман постоянно носил засаленный черный свитер с протертыми локтями и длинные волосы до плеч. Мужчина же наоборот, был элегантен. На нем был классический, очень дорогой серый костюм в тонкую белую полоску. Мягкая фетровая шляпа с широкими полями была чуть сдвинута на глаза. В руках он держал трость с массивным серебряным набалдашником в виде собачьей головы. Кожа на его лице была необычайно смуглой и так сильно обтягивала череп на выступающих скулах, что он напоминал мумию египетского фараона. На узких, длинных и таких же темных от неестественного загара пальцах было несколько перстней с разноцветными камнями. В сочетании со строгим костюмом это выглядело очень сомнительно.

– Мы напечатаем ваши стихи во многих газетах и даже выпустим сборник. Но вы же меня понимаете, – тихо добавил он, наклонившись к Кауперману, – у нас есть небольшое условие.

– Продать душу дьяволу? – весело предположил Альберт.

– Ну, пока нет, – улыбнулся новый знакомый. – Вы угадали с темой. У молодых американцев есть запрос на протест. Но что будет, если этим кто-то воспользуется? Вы понимаете: весь этот бунтарский дух – это временное, возрастное. Но жизнь себе можно испортить навсегда. А вы из хорошей семьи. Зачем это вам?

– Конкретнее, что вы предлагаете?

У господина с тросточкой была изящная, безупречно постриженная узкая бородка и Кауперману было стыдно за жидкие нелепые волосы на своем подбородке, которые он недавно начал отращивать.

– У молодых людей всегда бывает желание что-то изменить. Кто в молодости не был революционером, у того нет сердца. Кто в старости не стал консерватором, у того нет мозгов. Иногда весь этот юношеский бунт начинается из-за обычного раннего семяизвержения и сопутствующих комплексов. Мы хотим отвести эту энергию в более безопасное для всех русло. Доступный секс, легкие наркотики и какая-нибудь музыка из африканского репертуара с ритмом, который отшибает мозги. Их шаманы знали, как управлять людьми.

– Наркотики – это более безопасное?

– Лучше наркотики, чем Маркс с Лениным и пролетарской революцией, как на Кубе. Это уже не где-то далеко, а у нас под боком. Может запылать вся Америка. Поэтому мы с вами доведем эти идеи до абсурда и этим сделаем их нелепыми.

– До абсурда... – немного растерянно повторил Альберт.

– А в остальном вы правы. Мы слишком пуританская страна. Слишком зажатая и это плохо. Посмотрите сколько у нас нервнобольных и сколько психиатров. Людям нужен выход энергии. И секс не самое плохое лекарство. Вы будете тем, кто провозгласит идеи свободной любви и секса, как естественной потребности, для удовлетворения которой не нужно годами петь серенады под чьими-то балконами.

Кауперман тогда попросил время на раздумье. Но, не дожидаясь его ответа, почти все известные газеты опубликовали его стихи. А одно большое издательство заключило с ним договор на выпуск целого сборника. Альберта стали приглашать с выступлениями и в студенческие аудитории, и в элитные концерт-холлы, где богатые господа кричали браво, когда он выкрикивал стихи про их развратных похотливых жен, про жадных лживых любовниц и про уличных шлюх с сифилитическими язвами.

В это же время неожиданно посадили в тюрьму его приятеля Джона Керука за участие в безобидной демонстрации каких-то «леваков» коммунистов. Больше он его не видел

и никогда не слышал о нем.

Так получилось, что Альбер Кауперман начал делать то, что от него требовалось: уводил людей от реальной борьбы в мир иллюзий, одновременно считаясь главным бунтарем страны.

Потом, уже в зрелом возрасте, он часто размышлял, что бы случилось, если бы действительно тогда в шестидесятых вместо секса, наркотиков и рок-н-ролла американцы выбрали бы революцию и коммунистическую идею?

Сейчас он понимал к какой катастрофе это могло привести. Подожженный фитиль социальных и расовых противоречий неизбежно взрывается кровавой гражданской войной, которая в этом случае стала бы мировой. Может этот странный господин в сером пиджаке, похожий на египетского жреца, тогда спас весь мир?

Но в то время Кауперману было не до этого. После публикации стихов появились деньги и слава. Он реализовал свою давнюю мечту – купил Buick Century, дизайн которого разрабатывался великим Харли Эрлом. Шесть тысяч долларов, которые он отдал за машину, были тогда очень большой для него суммой, но то удовольствие, которое он испытал даже просто сев на водительское сиденье, этого стоило. Он просидел в мягком кресле почти всю ночь, слушая автомобильное радио и попивая из горлышка сухое «Мартини». Это, наверное, была самая счастливая ночь в его жизни.

А потом стало очень много секса. Девушки, в похожих

черных узких длинных свитерах и черных беретиках, будто соревновались, кто быстрее затащит Альберта в постель. Он по праву первооткрывателя был первым, а потом щедро раздавал юных нимфеток своим последователям и прихлебателям. После долгих воздержаний и запретов Америка будто сошла с ума. Переспать с двумя или с тремя партнерами одновременно, было не сложнее, чем сходить в кино.

Но вскоре Альберт Кауперман затерялся. Появился рок-н-ролл и его король Элвис. Прогремел Вудсток, положивший конец морально-нравственным исканиям американской интеллектуальной молодежи и открывший эру сексуальной революции. Черные одежды были сброшены и забыты. Появившиеся хиппи предпочитали яркие радужные короткие платья и вытертые клешеные голубые джинсы. Уводящий в волшебные фантазии джаз сменился вышибающим мозги наркотическим рок-н-роллом. И люди забыли, ради чего все затевалось. А начавшаяся вьетнамская война окончательно все запутала.

Мир изменился, и Кауперману надо было определиться со своим будущим. Ни в каком научном предмете он сам не преуспел, поэтому решил стать специалистом по всему на свете, и даже придумал новую науку, в которой он стал профессором. Смесь кибернетики, философии, религии, лингвистики и психологии. Науку о познание всего и ничего одновременно. Было много слов об искусственном интеллекте, новой биологии и социальной ответственности. И вскоре его

стали называть исключительно «Доктор Кауперман».

Однажды под Рождество Альберт получил приглашение на благотворительный бал. Он, почти не глядя, отправил его в корзину для мусора. Но в этот же день ему позвонил человек, голос которого он узнал мгновенно. Это был тот странный незнакомец, напоминающий ожившую мумию.

– Доктор Кауперман, – вежливо, но твердо произнес он, – ваше присутствие на этом мероприятии обязательно.

Почему-то у Альберта Каупермана даже мысли не возникло его послушаться.

В то время в моду вошли сатанинские балы, на которых обычный разврат и похоть маскировали поклонением каким-нибудь религиозным культам. Считалось, что участие в них связывает людей общим постыдным грехом в касты с неписаными правилами взаимной поддержки. Каждая уважающая себя организация минимум раз в год устраивала что-то подобное.

Но если какой-нибудь профсоюз пожарных дружин просто брал девочек из соседнего бара и оплачивал им сексуальные танцы с грязным стриптизом в масках, оставшихся с празднования Хэллоуина, то более обеспеченные люди пытались сделать из этих мероприятий ритуально-мистические интерактивные порно-спектакли. Чем выше было общество в социальной иерархии, тем более острыми должны были быть их ощущения от этих шоу. Групповой секс, наркотики, педофилия уже не возбуждали богатых участников, и орга-

низаторам приходилось придумывать все более изощренные способы для их развлечения.

То, что на этом балу будет не просто сборище богатых выскочек, а мировая элита, Альберт понял, когда приехал по адресу, указанному в приглашении: Американский музей естественной истории.

«Не многие могут позволить себе снять для развлечений это место, – подумал Доктор Кауперман. – И дело не в деньгах, а в том, что известные попечители музея, в число которых входил и сам профессор, не любили когда в нем проходили подобные мероприятия».

Но Кауперман немного ошибся. Попав в музей, гости проходили мимо чучел и скелетов древних животных и первобытных людей к недавно построенному новому корпусу. В нем планировали проводить научные симпозиумы, конференции и фестивали. Внутри он напоминал римский коллизей, только под стеклянной крышей. Альберт был здесь первый раз и ему стало любопытно.

Некоторые гости уже занимали места в ложах высоко над сценой, а другие, видимо более низкого ранга, рассаживались в партере. Все были в ярких карнавальных масках. Кауперману тоже принесли на подносе на выбор несколько разных. Он взял маску злобного Арлекина. Девушка в меховом костюме белого кролика, предлагавшая эти маски тем, кто не принес свои, проводила его в ложу и осталась с ним.

Через минуту погас свет, и все прожекторы переключи-

лись на сцену застланную красными коврами.

Кауперман заскучал. Все, что будет дальше, он хорошо знал. Эротическое представление постепенно перейдет в откровенное групповое спаривание приглашенных актеров. Все это будет оформлено как религиозный обряд поклонения какому-нибудь верховному существу. Его золотой трон с высокой резной спинкой стоял в глубине сцены. Что-то похожее устраивал и сам Кауперман в студенческих кампусах. Только там было гораздо больше алкоголя и наркотиков. И меньше фальшивого, скучного пафоса.

Прожектора погасли, и в полной темноте внизу кто-то зажег несколько факелов вокруг сцены. Запахло копотью и керосином. Оркестр в одной из лож громко заиграл Шопена. Одна за другой на сцену вышли девушки в длинных черных накидках до пола, с большими капюшонами и ярким алым подбоем.

В это время Каупермана привлек разговор в соседней ложе. Он не видел спорящих, но легко узнал голос одного из них. Это был тот, кто его сюда пригласил.

– Может когда-нибудь человек и изменится к лучшему, но очень, очень не скоро, – убеждал он кого-то. – А пока египтянин, рисовавший иероглифы в долине Нила, своими желаниями ничем не отличается от американца, жующего булку в Макдоналдсе здесь, в Нью-Йорке.

– Ну а как же современные технологии? – пытался кто-то ему возразить.

– Ваши технологии – это всего лишь совершенствование каменного топора и палки-копалки, а не самого человека. Посмотрите на сцену... Посмотрите вокруг... Какие вам еще нужны доказательства?

В этот момент к девушкам на сцене, сбросившим плащи под которыми ничего из одежды больше не было, присоединились несколько обнаженных мужчин. Шопен сменился ритмичными звуками барабанов и бубнов. Для того, чтобы гостям было лучше видно происходящее, зажгли еще несколько факелов. Теперь на извивающихся блестящих от пота или масла обнаженных телах, имитирующих совокупление, мерцали блики от огня.

– Но разве не в этом смысл существования человека? Вы же сами этого хотели.

– Да я, собственно, и хотеть чего-либо не умею. Мне это не дано. Я лишь наблюдаю и оцениваю, – рассмеялся знакомый Каупермана.

– Другими словами, вы ни за что не отвечаете, – уже почти кричал кто-то за стеной. – А что же делать нам?

– Варианта только два. Или уничтожить планету и погибнуть вместе с ней, или уничтожить только эту цивилизацию, зашедшую в тупик, и сохранить планету для других.

– Я уверен, что есть и третий вариант, – ответил решительно кто-то за стенкой.

Постепенно вокруг становилось светлее. На сцене уже шла настоящая групповая оргия. Люди вокруг не сводили глаз

с этого зрелища и постепенно сами раскрепощались. Кое-где возбужденные зрители от простых поцелуев переходили к более откровенным ласкам. На первых рядах, которые были ближе всего к сцене, кто-то уже сбросил с себя одежду и присоединился к вакханалии.

Девушка-кролик в ложе Каупермана опустилась перед ним на колени и начала расстегивать его брючный ремень. В этот момент его позвали из соседней ложи.

– Доктор Кауперман, – услышал он опять голос человека, который когда-то представился ему редактором, – вам не трудно будет зайти к нам?

– Это мистер Фридрих Уотсон, – усмехаясь, представил он Кауперману своего собеседника, когда Альберт перешел в их ложу. – Как вы, наверное, слышали из нашего разговора – человек, еще верящий в прогресс человечества.

* * *

Родители Альберта Каупермана умерли от рака в один год. Он знал, что его семья очень богата, но когда осознал насколько она богата, то даже растерялся, не зная радоваться ему или нет. Теперь Кауперман один владел состоянием равным бюджету небольшой европейской страны. После получения огромного наследства он какое-то время говорил в многочисленных интервью, что планирует раздать его по благотворительным фондам, но чуть позже, рассказав журналистам, что там его могут просто разворовать, объявил,

что будет сам заниматься всемирной гуманитарной деятельностью.

Теперь Доктор Кауперман говорил, что его цель – создание общества гармонии и справедливости. И он стал кумиром. Его называли главным интеллектуалом мира. Альберт так легко в это поверил, что в мыслях иногда сравнивал себя с Христом. Мог же Христос быть Сыном Божьим и человеком. Почему бы и ему не стать? И теперь свои выступления он заканчивал фразой: «Мы все, в сущности, божьи дети и я такой же его сын, как и Иисус».

Он стал иконой социал-либерализма. Лидером глобального протеста: не тех грязных некрасивых революций с погромами, стрельбой и баррикадами, а с цивилизованными протестами интеллектуалов с красивыми добрыми лицами.

Встречаясь на Кубе с Фиделем Кастро, он отдыхал в бывшем дворце диктатора Батисты на берегу лазурной лагуны Карибского моря. В СССР, в котором он любил бывать, его принимали на высшем уровне. Он подолгу жил в бывших царских покоях и в дворцах новых Генсеков, получая дорогие подарки в виде картин любимых им Кустодиева, Лентулова или Малевича. Советским вождям льстило внимание американского миллиардера, а он за это часто помогал им в вопросах признания их борьбы за мир и социальную справедливость.

В 1975 году в Риме на большом мероприятии по проблемам экологии он увидел Фридриха Уотсона. После глав-

ного доклада «Пределы роста нашего развития» выступали известные люди: политики, писатели, ученые с требованиями глобально сократить промышленность, транспорт, строительство. Все это чтобы спасти планету от неизбежного скорого истощения природных ресурсов. А потом на сцену вышел Мистер Уотсон и задал несколько простых вопросов:

– А что будут делать простые люди, которые после этого потеряют работу? На что они будут жить? Чем кормить детей? Осознаете ли вы, что своими предложениями вы обрекаете на смерть миллиарды людей? И не в этом ли ваша тайная цель?

После этого произошел грандиозный скандал. Неделю все мировые информационные агентства занимались только тем, что почти двадцать четыре часа в сутки травили Фридриха Уотсона, не жалея злобных эпитетов. Его обвинили во всех возможных грехах, и даже имя его не произносили, заменив звучным ярлыком: «этот фашист». После такой травли Уотсон, который в это время уже стал самым успешным американским промышленником, все свои заводы перевел в коммунистический Китай.

Из этого Кауперман сделал вывод, что свои мысли надо держать при себе. И что из любого приличного человека за пару дней можно сделать изгоя и олицетворение всемирного зла. Поэтому, когда его самого спрашивали о целях и задачах, он скромно отвечал: «Я не могу сказать вам об этом, это тайна, но на данном этапе наша задача так запутать тех, кто

нам противостоит, чтобы они не могли нас понять и принять мер. Чтобы они не знали, как с нами бороться!»

На самом деле никаких целей у него и не было. Доктор Альберт Кауперман, признанный лидер борьбы за общемировые социальные и гуманистические ценности, входящий в десятку самых богатых людей мира, по сути выполнял желания того господина в сером костюме с красивой необычной тростью с серебряной ручкой в виде головы собаки – уводил протесты в нужное русло.

Может быть и сейчас, в глубокой старости, он не догадался, что даже его последний грандиозный проект, вообще-то, не его идея.

Глава 3

До Генри Мидаса доходили слухи о странных поступках своего бывшего наставника Доктора Каупермана, но когда он, прилетев по его просьбе в Южную Америку, увидел в морском порту сильно постаревшего Доктора у трапа огромной черной подводной лодки, то решил, что это ему снится.

– Ну что, удивлен? – приветствовал его Доктор. – Врачи запретили мне бывать на солнце, и я теперь вместо яхты взял это. Советская атомная – проект «Акула». Подарили за большие заслуги перед СССР и новой Россией. Она у них числится списанной, а я немного усовершенствовал и чуть добавил роскоши. Ну ты проходи...

Генри Мидас никогда не был не то что на подводной лодке, но даже на обычных военных кораблях. А попав внутрь, он сразу это забыл. Обстановка внутри ничем не отличалась от интерьеров фешенебельных домов. Интерьер был спроектирован точно не в СССР. Великолепная итальянская мебель, штучный паркет из дорогих сортов дерева, шикарные бронзовые и хрустальные светильники и повсюду известные картины на стенах.

– Это что, подлинники? – удивился Генри.

– Естественно. Не сомневайся, у меня здесь все подлинное. И ракеты в пусковых шахтах, и атомные бомбы в их головных частях. Двадцать ракет по десять «Хиросим» в каждой.

– Вы шутите? – не поверил Генри.

– А вот обижать меня не надо. Стар я сказки придумывать. Я с одной такой лодкой могу правительство любой страны на место поставить.

«С вашими деньгами это легко сделать и без этих страшных игрушек», – подумал Генри, а вслух сказал:

– Все это так неожиданно...

– А еще, я здесь прячусь от журналистов и наследников, – улыбнулся Кауперман. – Последнее время каждая сучка, которую я шлепнул по заднице полвека назад, решила урвать часть моего пирога и рассказывает об этом на каждом углу. Да еще подсовывает прессе какого-нибудь грязного оборванного наследника. Видишь, как все вышло: мы хотели

дать всем свободу и равные права, а теперь они нас этим же и бьют... Присаживайся. Что будешь пить? Хочу устроить небольшое путешествие. Надеюсь, ты не против?

– Ну-у... – растерялся Генри. – А сколько времени займет это путешествие? – ему не хотелось и часа проводить в компании с этим сумасшедшим стариком, а про путешествие он, вообще, не думал, тем более на какой-то подводной лодке.

– Я думаю, за неделю обернемся. Обратного ты сможешь вернуться самолетом. Поверь мне, то, что я хочу тебе показать, ты никогда не видел и никогда не увидишь. Ты не сказал, что будешь пить...

Генри был в шоке. Он никак не планировал тратить больше одного дня на старика, а тут неделя. Но отказаться он боялся. К тому же в нем начало просыпаться любопытство: что же хочет ему показать Доктор Кауперман? Может он и начинает сходить с ума, но вряд ли при этом будет тратить время на то, чтобы показывать какие-нибудь банальные достопримечательности.

Альберт Кауперман сел в роскошное кресло, обитое светло-бежевым шелком. Он опять, как в молодости, был в традиционном черном свитере с высоким воротом, из которого торчала длинная гусиная шея и в джинсовой куртке, которая висела на его узких костлявых плечах как на вешалке. Доктор взял чашку из белоснежного мейсенского фарфора и чуть трясущейся рукой поднес ее ко рту, в котором блестяли такие же белоснежные фарфоровые зубы. Генри пока-

залось, что если зубы и чашка соприкоснутся, то что-то из них обязательно разобьется. Сейчас в Альберте Каупермане трудно было узнать икону протеста. Генри вздохнул, попросил официанта принести виски и сказал бывшему наставнику, что он в его распоряжении.

Доктор кивнул в сторону телевизора на стене, на экране которого шли новости с той же самой картинкой лос-анджелеских погромов, пожаров и грабежей.

– Мы проиграли, Генри. И это надо признать. Равенство, свобода, братство – все это лишь красивые лозунги. А на деле все сводится к простому – отними у ближнего своего.

– Для вас это была игра?

– Ну, в принципе, да. Кто-то играет в футбол, кто-то в шахматы. Мы с одним человеком играли в игру: как нам лучше благоустроить этот мир, – Доктор замолчал, вспомнив Фридриха Уотсона. – И я со своей либеральной идеей проиграл. Человек – прежде всего животное, которое переделать невозможно.

– Вы столько сделали. Мир изменился благодаря вам. Сколько тоталитарных режимов пало благодаря вам. Сколько диктаторов отправилось на виселицу...

– И что? Вместо диктатур тиранов пришла диктатура анархии. Власть перешла к обычным бандитам и жуликам. Так что стабильные диктатуры для многих стран лучше, чем кровопийцы, способные на все за пригоршню долларов... Мы об этом еще поговорим. У нас будет время. А сейчас

располагайся. Тебе покажут твою комнату.

– Так куда мы едем... или плывем? Вы мне скажите все-таки?

– В Антарктиду.

– Куда? – упал в кресло, чуть привставший Генри.

– Я решил немного реабилитироваться перед человечеством. И построил то, о чем так долго мечтали люди.

– Коммунизм?

– Нет, конечно. Я построил «Рай». То о чем мечтал люди тысячи лет – Царство Божье.

– В Антарктиде Царство небесное?

– Да... Но всему свое время.

На следующий день Генри встретился с Кауперманом только за завтраком. Доктор был молчалив и, сославшись на занятость, быстро куда-то ушел.

Генри почти весь день провалялся в своей комнате. Попробовал посмотреть какие-то новые фильмы, но даже детективы были предсказуемыми и скучными. Он пожалел, что согласился на эту авантюрную поездку. Да еще эти сумасшедшие бредни о каком-то построенном «Рае». Когда-то Кауперман помог сделать ему имя и это стало главным активом Генри.

Сам Генри Мидас ничего не изобретал и не придумывал, а был хорошим менеджером с большим штатом юристов. Под его имя давали деньги, и чтобы ни создавала его компа-

ния, хорошо раскупалось, принося громадные прибыли.

«Как бы эта посуда не пошла ко дну, – слушая постоянные зловещие скрипы где-то в перегородках, пришло ему в голову. – Любопытно, а какой здесь уровень радиации? Вряд ли русских волновало здоровье экипажа...»

Отказать Доктору было нельзя. Он создавал новые имена. Во власть денег верят только те, у кого их нет. Сегодня ты всем известен и твои акции на бирже стоят дорого, а пара заказных статей и твой имидж испорчен навсегда и твои акции никому не нужны. Ты нищий и в долгах. А кто есть кто в этом мире решали всего несколько человек исходя из своих, неведомых никому, планов. Попасть в высшую элиту было самым главным желанием Генри. А дверь туда для него может открыть только Альберт Кауперман.

Рано утром, на третий день путешествия, Доктор позвонил в каюту Генри и пригласил на завтрак. В этот раз он был весел, возбужден и болтал без перерыва.

– Человек – это желания, – говорил он. – Скажи мне какие у тебя желания, и я скажу кто ты. Кончаются желания – кончается человек.

– Некоторые же живут без желаний всю жизнь, – возразил Генри.

– Данте таким людям не нашел места ни в раю, ни в аду. Да и люди ли они? Неужели миллионы поколений жили просто ради того, чтобы воспроизводить себе подобных?

– Сохранить человечество – не самая плохая задача, – ответил Генри.

– И превратить его в это огромное бессмысленное стадо пожирателей, которое скоро, как жуки-короеды... как термиты, сожрут все на земле. Нет... – Доктор задумчиво посмотрел на Генри. – Думаю, что был какой-то другой смысл, который мы даже не поняли. Где-то человечество свернуло не туда. Точнее свернуло в тупик. Начался отрицательный отбор. Наверх, к власти, выбирались обычные бандиты, воры, мерзавцы, подлецы, негодяи...

– Вообще-то, последнее время в цивилизованных странах всю власть выбирает народ.

– Мы оба с тобой знаем, что стоят эти выборы. Ничего циничнее не придумано. Благодаря выборам лишь сняли ответственность с власти. Если раньше какой-то придурок-идеалист захватывал власть, то он хотя бы отвечал за свои действия. А теперь: «Ну вы же сами нас таких выбрали. А мы не справились. Что поделаешь? Бывает. Выбирайте следующих».

– Любой социальный процесс обусловлен законами и правилами, – прибавил Генри. – Каждый народ заслуживает своего правительства. Да и человечество оказалось в этой точке по той же причине. Что посеешь, то и пожнешь.

– Да-да... – взгляд Доктора был опять где-то далеко со своими мыслями. – Пришло время собирать камни. Об этом я и говорю. А собирать нечего. Поэтому проект «Мировая

цивилизация» закрывается как неудачный. В своем развитии мы продвинулись не дальше ленточного червя.

– И что же будет вместо нашей цивилизации? – усмехнулся Генри.

– Когда разрушится дом твой на земле, то господь приготовил нам дом вечный на небесах. Царство Небесное – это начало и конец всех времен, всего развития человечества логический конец.

– Скоро мы все окажемся в раю? – Генри окончательно решил, что Доктор выжил из ума, если прожив всю жизнь злостным атеистом, начал цитировать Библию.

– Все, да не все... Много званых, да мало избранных. Что такое «рай» в твоём понимании?

Генри улыбнулся. Ему стало все понятно. И теперь главной задачей стало быстрее вернуться домой без каких-либо последствий. Поэтому он решил не обострять и не спорить.

– И как же выглядит этот «рай»? – ответил он вопрос на вопрос.

– «Рай» выглядит так, как мечтаешь именно ты, как ты егообразишь, таким он и будет. Он не может быть одинаковым для всех. Понимаешь?.. Главное, что никто не будет чувствовать, что его рай хуже или лучше соседского. Для того чтобы все стали счастливыми, надо просто убрать зависть, а значит соперничество.

– Ну не будет зависти, не будет желаний, – не удержался Генри, – что будут делать те, для кого счастье это борьба

и преодоление? Для кого счастье быть лучше, богаче, сильнее других...

– Для них будет особое место, – Доктор Кауперман встал, показывая, что не хочет больше это обсуждать и что он давно принял свое решение. – Все мое время, мой друг. Скоро ты все узнаешь. А сейчас нам пора на выход. Через тридцать минут мы прибываем.

Глава 4

Когда Генри вышел из рубки лодки, то ему пришлось прикрыть глаза рукой от ослепительного необычного сияния. Чуть привыкнув к яркому свету, он осмотрелся. Лодка пришвартовалась у пирса, расположенного в снежной пещере. Она была настолько огромной, что он даже не смог точно оценить ее размеры. Высота сверкающего голубыми кристаллами ледяного свода позволяла построить здесь приличный небоскреб. Зал, в котором они находились, где-то вдалеке, изгибаясь, переходил в другой.

– Мы в Антарктиде, Генри! Земля Королевы Мод, – восторженно объявил вышедший за ним Доктор Кауперман.

Ярко было из-за прожекторов, поставленных на узкой полоске берега, тоже ледяного, и направленных в свод зала. Там свет отражался и заполнял все пространство. Генри удивило, насколько было тепло. Конечно не как в Майами, но температура была явно плюсовая. Притом, что вокруг был лед, это казалось странным и неестественным.

– Течения. Теплые течения, – угадал его ощущения Доктор. – Это вода подогревается вулканами, которые находятся в сотне километров отсюда в глубине материка... Теплая вода здесь смешивается с океаном, создавая свой микроклимат и эту уникальную систему пещер – самую большую в мире. А над нами... ты только не пугайся... пять километров льда, – и, помолчав, невозмутимо добавил: – Можешь не верить, но часть этих залов и многокилометровые туннели искусственные, и сделаны не нами.

– А кем? Фашистами? – рассмеялся Генри, вспомнив какие-то легенды про нацистские эксперименты в Антарктиде.

– И не ими. Это точно. Я не знаю, кто их сделал, но возраст этих залов – несколько тысячелетий... Может быть, сделаны теми, кто создал нашу цивилизацию. Они же подготовили вариант как ее закончить. Но ты об этом не думай. Не это главное.

Они перешли на небольшой катер.

– Какие у тебя ощущения, Генри? – внимательно глядя на молодого миллиардера, с любопытством спросил Кауперман.

– Ощущения необычные. Умиротворение... Даже счастье. Как будто я только что получил Нобелевскую премию и сразу же занялся сексом с очаровательной девушкой в бирюзовой лагуне. А главное, я... мне трудно выразить эти ощущения словами... Мне легко думать... Мои шестеренки в голове не скрипят как раньше, а крутятся, как в дорогих

швейцарских часах. Вы подсыпали мне в завтрак какой-то наркотик?

– Нет, конечно! Такой здесь воздух. Мы долго исследовали, но ничего необычного в нем не нашли. Все как везде, только, естественно, гораздо чище. Но дело не в экологии. И не в наркотиках. Просто здесь почему-то мозг работает по-другому. В другом ритме. Быстрее получает информацию, быстрее усваивает и, что самое главное, здесь человек всегда счастлив.

– Мне кажется, что за нами кто-то наблюдает...

– Достаточно об этом. Все тебе знать не надо. Я хочу тебе совсем другое показать. Более важное... Понимаешь, к старости я решил реабилитироваться перед человечеством за свои прошлые грехи.

Они подплыли к другому пирсу: меньше размером, но гораздо лучше обустроенному. Сразу от пирса начиналась рельсовая дорога, которая уходила от воды в сухой тоннель. Здесь их уже ждал небольшой поезд. Через несколько минут они были в другом зале, самом большом из виденных Генри ранее. Здесь было еще теплее, было много людей, много оборудования. Под высоким сводом растекалось что-то напоминающее туман или облака. Лестницы и лифты, расположенные вдоль стен, вели на многочисленные площадки и в застекленные комнаты, похожие на лаборатории, пункты управления или что-то еще. Но самым поразительным было не это. Прямо в центре зала, ни на что не опираясь, ви-

сел кристалл яйцевидной формы такого гигантского размера, что его вершина пряталась в тех искусственных облаках.

В первую секунду Генри принял его за глыбу льда. Но присмотревшись, понял, что он и по цвету, и по внутреннему строению отличается от замерзшей воды. Он был более матовым, молочным и не сиял голубым блеском, как лед. Когда они подошли ближе, Генри увидел, что кристалл пронизан мириадами внутренних прожилок, нитей, граней и более мелких кристаллов, которые постоянно меняли конфигурацию и светились изнутри явно своим, а не отраженным светом. Не ярким, но бесконечно многообразным, очень теплым и мягким. Казалось, внутри все жило. Узор прожилок менялся, и менялись, переливаясь, их цвета.

– Что это? – удивился Генри.

– Это «Рай», Генри, – в глазах Каупермана отражалось сияние, исходящее от кристалла. – Здесь мы создали тот мир, который у каждого из нас в лучших воспоминаниях и в самых волшебных фантазиях. Он не статичный, он для каждого свой, откликающийся на нашу память: на первый материнский поцелуй, на первый взгляд на окружающий мир, первую любовь, первую мечту. Все, что любил человек, все, о чем мечтал, будет здесь с ним. Кристалл – это тот рай, про который нам рассказывали тысячи лет, это наш новый дом, наша новая вселенная! Через неделю мы все сюда переселимся.

– Кто все?

– Все человечество. Здесь будет действующая копия нашего мира... только без болезней, без боли, без смерти.

– Вы хотите сделать большой семейный фотоальбом? – не понимая, о чем говорит бывший наставник, решил пошутить Генри.

– Да нет же, Генри! Ты не понимаешь? Это будет спасательный корабль для всего человечества. Мы создадим точные копии каждого человека. Повторяю – характеры, воспоминания, желания и надежды – все сохранится. Все программы, которые делают нас человеком, все жизненные приоритеты: свобода, безопасность, желание совершенствоваться, обучаться, общаться с другими людьми – все перейдет сюда.

– Вы уверены, что у вас все получится? – скептически спросил Генри.

Доктор Кауперман посмотрел на него с досадой.

– Чуть позже ты поймешь, что выбор у человечества не очень большой.

– И что же, в этом новом мире мы сохраним свою личность?

– Личность?.. Вчера, к примеру, ты был беден как церковная крыса, а завтра забытый дядя оставил огромное наследство. Или наоборот. Сегодня тыходишь в пятерку «Форбс», а завтра шьешь варежки в русской тюрьме. Что произойдет с твоей личностью?

– Уверен, что я ничуть не изменюсь.

– Тогда и здесь, в Кристалле, ты точно не изменишься.

Они подошли к группе людей, что-то обсуждающих в той части зала, где стояло оборудование.

– Вот эта милая девушка тебе все расскажет более подробно. Для меня это слишком сложно. Но ты же сам ученый. А тем более о компьютерах ты должен знать все – это же твой бизнес. Поэтому разберешься, – с нескрываемой иронией сказал Доктор. – Наш юный гений все тебе расскажет, – он указал на молоденькую девушку, подошедшую к ним.

Рашми Амрит, родом их нищих северных районов Мумбаи, хорошо знала кто такой Генри Мидас. Во многом он определил ее будущее. Дома, в Индии, еще в детстве она как-то увидела его по старому телевизору, который стоял на полу их небольшой комнаты. Он рассказывал о том, какой легкой и красивой станет жизнь после внедрения компьютерных технологий. Рашми поверила ему и дала себе слово, что сделает все возможное, чтобы стать полезной этому замечательному человеку и его новому миру.

Ее родители почти постоянно были на работе, но все равно денег в их большой семье не хватало даже на самое необходимое. Первый раз настоящий компьютер она увидела только в школе. И после этого все свободное время проводила, изучая его возможности. Ей очень повезло. Молодой учитель математики, сразу оценивший ее способности и поверивший в ее мечты, поговорил со своим институтским преподавателем, и в 16 лет девочка попала в институт в Де-

ли, а через три года оказалась в Массачусетском технологическом университете. Там она поняла, что ее идола, Генри Мидаса, абсолютно не волнует жизнь бедных людей, и его выступления – обычный пиар. Все новейшие технические достижения он использует только ради личной выгоды. Для этого создаются специальные программы и социальные сети, охватывающие почти все население планеты, с единственной целью – заставить их выбрать то, что нужно заказчику. И абсолютно неважно, что это – стиральный порошок, гигиенические тампоны или президент страны. Вместо расширения применения технологий в образовании или медицине, происходит простое превращение людей в однородную, легко управляемую массу. И все это ради интересов ничтожной группки людей.

Девушка уже решила вернуться к семье в Индию. Но именно в этот момент ее нашел доктор Кауперман и пригласил принять участие в своем фантастическом проекте.

«Почему же я не знал обо всем этом?» – подумал Генри.

– Все это очень интересно. Ведь мы тоже занимаемся созданием искусственного интеллекта, – обратился он к молодой индианке.

– То, что вы делаете, это не искусственный интеллект, – обрезала его Рашми. – Что бы вы ни делали, у вас получается большой калькулятор. Мы не пытались просто научить считать, говорить или думать электронную машину. Ведь скопировать человеческий мозг невозможно. Мы создали новый

мир и хотим переместить в этот волшебный мир человека.

– Вы с Доктором так много об этом говорите, но, наверное, для меня это сложно. Не могли бы вы объяснить чуть попроще. На что это похоже?

– На утренние сны, – улыбнулась девушка-гений. – Бывает, человек еще до конца не проснулся и досматривает великолепный сон, и именно в этот момент он уже может немного влиять на происходящее. У вас такое бывает?

– Ну да, конечно.

– Так и здесь. Отличие в том, что сон обычно очень хрупкий...

– Если это не кошмар. Кошмары кажутся бесконечными, – перебил ее Генри, вспомнив свой сон про пингвинов и акулу.

– Да-да... И влиять на него не всегда получается. А здесь все очень легко моделируется. Не вы следуете за сном, а сон следует за вашими желаниями.

– Уже гораздо понятнее, – улыбнулся Генри.

– Мне не просто вам объяснить за пять минут то, над чем мы работаем несколько лет. И кто-то работал до нас, – продолжала объяснять Рашми. – Вот, к примеру, вы захотели покорить Эверест и через мгновение вокруг вас величественные вершины, вы уже в базовом лагере в Непале. Вы проходите весь маршрут, получая совершенно четкие и реальные ощущения. Потом вам захотелось погреться у теплого моря. И вы в Италии. В маленькой таверне пробуете великолепное рагу из баранины и запиваете отличным красным вином.

Вам захотелось развлечений – вы в Бразилии на карнавале с очаровательной девушкой.

– Как вы красиво все рассказываете. А когда все это надоест?

– Если у вас такие скудные желания, то вы можете и здесь, в «Раю», просто остаться дома на диване и смотреть футбол по телевизору – все как в реальной жизни. Но я сомневаюсь, что это может наскучить. Ведь воображение, мечты, фантазии – все это не имеет границ. Вы можете быть кем угодно. Кем вам захочется. Вы можете представить себя капитаном пиратского корабля или голливудской суперзвездой, затворником философом или кокеткой с Монмартра.

– Даже так? Я могу менять пол? – не смог скрыть своего удивления миллиардер.

– Вы можете выбрать любой образ, любое занятие, любой пол и возраст.

– А как же знания?

– Знания вам имплантируются вместе с образом.

– То есть без всяких усилий? – допытывался Генри.

– Если в ваших фантазиях появится желание реального обучения, то вы будете по-настоящему читать книги, выискивая крупицы знаний. Но вы можете и сразу получить весь багаж знаний, если, к примеру, вам хочется не учиться, а сразу изобретать и конструировать. Все зависит от ваших желаний.

– А если мне захочется... Ну, что-то такого... что не при-

нято в вашем обществе?

Рашми Амрит снисходительно посмотрела на него.

– Мы немного модифицировали наш мир. Поэтому, попадая в него, человек теряет все плохое, что у него было от животного, что мешало ему быть человеком, быть счастливым.

– Что же вы убрали?

– Наши ученые и философы пришли к выводу, что корень всех проблем на земле в строгой запрограммированности человека на воспроизводство себе подобных. Фактически это главная и единственная цель его жизни. Остальное все следствие.

– Вы убрали основной инстинкт?

– Не до конца. Мы его немного модифицировали, – сдержанно ответила Рашми.

– Зачем? Вы же создаете «Рай.» А разве не в этом источник большинства райских наслаждений?

– За эти наслаждения человек платит слишком большую цену. После того, как человек выполнил эту задачу: создал потомство – запускается процесс самоуничтожения. Постепенно человек выключается эмоционально и физически: он теряет способность радоваться жизни. Поэтому, чтобы человек жил вечно, не старея, и все время мог радоваться жизни, надо, прежде всего, убрать программу воспроизводства себе подобных как главную и единственную цель.

– А разве рождение детей это само по себе не бесконечная жизнь? У меня, кстати, их пять.

– Вот-вот. Продолжение именно своего гена является целью любого животного, и человека в том числе. Это закон эволюции.

– Что в этом плохого? Родители видят в детях свое продолжение, – настаивал Генри.

– Это обман, заложенный в нас на уровне программных инстинктов. На самом деле человека определяет индивидуальная память и его личные мечты и желания. В новом человеке появляется новая память и новые надежды, поэтому ребенка трудно считать продолжением, а тем более одним и тем же существом только на основании общих генов и хромосом, как бы родителям этого не хотелось, – невозмутимо пояснила девушка-ученый.

– Но родители об этом не думают. Они счастливы и им этого достаточно.

– У них просто нет выбора: такая программа. И из-за этого начинаются все проблемы. Желание привлечь лучшего самца или самку приводит к тому, что ради этого человек готов на все. Это причина всех комплексов неполноценности и причина большинства отвратительных вещей. Чтобы добиться своего, человек готов обманывать, воровать, убивать, развязывать войны.

– Все плохое в мире из-за секса? – рассмеялся Генри Мидас.

– Как вы не понимаете! Причины в том, что человек запрограммирован на выживание только своего генома. И по-

этому других детей он рассматривает как конкурентов. Его главная цель сделать так, чтобы именно у его детей были преимущества перед другими. И он готов для этого сделать все что угодно. Некоторые, – она гневно посмотрела прямо в глаза медиамагнату, – продают чужим детям бессмысленные вредные игры, подсаживают их в отупляющие социальные сети, отучают их самостоятельно думать, чтобы свои дети вечно жили во дворцах и им ничего не угрожало...

– То есть все проблемы из-за желания устроить жизнь своим детям, – не стал спорить Генри. – А что же вы улучшили?

– Все, что отличает нас от амебы, – обиженно ответила Рашми. – Например, умение мечтать.

– То есть вы создали мир для бездельников-мечтателей. Не получится ли у вас здесь оранжерея для выращивания овощей, у которых даже секса нет?

– У нас сохранится и секс, и любовь, но без цели воспроизводства себе подобных, – невозмутимо ответила молодая индианка.

– Вы знаете, у меня пять детей, и я люблю свою жену как мать своих детей.

– То есть, как человек она вас не интересуется, а лишь как...

– А разве человек после ваших изменений остался человеком? – невозмутимо перебил Генри. – Не потерялся ли смысл его существования? Ведь все, что он делает – это, в конце концов, соревнование. Как вы говорите: соревнование за самку. Искусство, живопись, книги... Все красивое,

что нас окружает – это, как вы правильно говорите, в конечном итоге борьба за самку.

– Человека выгнали из рая именно из-за желания размножаться и в наказание заставили трудиться в поте лица. Может для вас это и соревнование. Но большинство людей зарабатывает хлеб в поте лица своего, и поэтому мечтает посидеть на диване. Вы вряд ли поймете бедняка из Бангладеш и миллиарды других людей. В нашем «Раю», не сходя с дивана, он может стать владельцем яхты, ученым, писателем, летчиком, спортсменом, – парировала Рашми.

– А если для твоей мечты даже не нужно сходить с дивана, то какая же это мечта и какой смысл в ее осуществлении?

– Мы не можем создать программу для всех – мы создаем программу для большинства, для подавляющего большинства. На одной чашке весов вечная жизнь, справедливое общество, реализация всех фантазий и мечтаний. А на другой – болезни, старение, осознание бессмысленности жизни и смерть.

– А что делать остальным, которые не захотят в ваш «Рай»? Тем, которые привыкли к свободе?

– Ваша любовь к свободе на самом деле – обычное желание выделиться. Выделиться перед другими и за счет других. Это и явилось толчком к той ветви эволюции, когда человек свернул не на ту дорогу. Это вы завели человечество в тупик!

– Хорошо-хорошо, – примирительно сказал Генри. – А если что-то пойдет не так?

– Если система контроля заметит что-то негативное...

в систему встроены тысячи программных датчиков... мы вернемся к заводским настройкам, то есть с чего начали.

– Хорошая функция, жаль это нельзя в реальной жизни применить.

– Почему нельзя? Мы как раз это и делаем.

– По сути, мы и сбрасываем мир на заводские настройки, – добавил подошедший Доктор Кауперман.

– Так все-таки, что будут делать остальные? Те, которые не хотят в ваш «Рай»? – спросил Генри уже у него.

– Дело в том, Генри, что у человечества фактически нет выбора. Мои ученые пришли к выводу, что этот аварийный корабль, – он показал рукой на гигантское яйцо, – создан теми, кто все здесь на земле начал. Мы смоделировали ситуацию и выяснили, что нас ждет. События последнего времени показывают, что человечеству осталось совсем немного: ограниченные ресурсы, вирусы и болезни, социальная несправедливость уничтожат человечество в ближайшие несколько лет с вероятностью сто процентов. И эти последние годы будут очень мучительными. Паника приведет к массовым беспорядкам. Начнется голод, ужасающая преступность. Власть захватят религиозные фанатики-шарлатаны и безмозглые диктаторы. Люди будут умирать в страшных муках от неизлечимых болезней, – Доктор сделал большую паузу и, не поднимая глаз на Генри, продолжил: – Поэтому гуманней будет помочь людям красиво и безболезненно уйти из жизни, чтобы они даже не успели ничего понять. Это

ведь только очень недалекие люди мечтают о легкой жизни. Те, кто поумнее, мечтают о легкой смерти.

– Где-то я про это слышал, – растерялся Генри.

– Библия, мой друг. Откровения Иоанна. Все давно предсказано. В том числе и четыре всадника Апокалипсиса. И, к сожалению, это предсказание точное. Поэтому, исходя из гуманных соображений, мы сами запустим проект «Апокалипсис». Но об этом, Генри, тебе знать не надо. А то мало ли чего... Меньше знаешь – лучше работаешь.

– То есть те, кто не захочет уйти в ваш «Рай», будут попросту уничтожены?

– Да. Для спокойствия тех, кто пойдет с нами. Есть опасность, что оставшиеся в живых смогут добраться до тех, кто в «Раю»... Разрушить его... Но мы поможем им уйти не только ради нашей безопасности, а ради них самих.

– А не стоит ли рассказать человечеству, что его ждет, если оно не примет ваш проект?

– А зачем? Каждый человек знает, что он умрет. Многие ли, обладая этим знанием, ценят отпущенное время? Да почти никто! А ведь каждый день, каждая минута нашей жизни бесценна... Ну и ради чистоты нашей идеи никто не должен знать, что у него нет выхода. Согласитесь: что стоят те решения, которые приняты под страхом смерти? Поэтому никто ничего не узнает и не поймет. Все произойдет максимально быстро и безболезненно. После того, как наш портал в вечную жизнь закроется, а это произойдет в следующее воскресе-

сенье, мы выпустим вирус... За ночь с человечеством будет покончено. Без всяких мучений люди исчезнут, просто потеряв сознание.

– А дальше? – опешил Генри.

– Дальше – земля очистится, – спокойно ответил Доктор Кауперман. – Вирус действует только на человека, даже мартышкам не передается. Может быть, через пару миллионов лет на земле опять появится что-нибудь разумное. И если оно будет действительно разумным, то есть шанс что цивилизация пойдет по другому пути.

– А как технически будет выглядеть... этот ваш исход?

– Мы уже приготовили по всему миру огромные запасы необходимого оборудования, – Кауперман взял со стола что-то похожее на большой браслет и нацепил его на свою большую голову. – С виду это обычные обручи... С их помощью мы возьмем каплю крови и другой необходимый генетический материал у каждого, кто захочет пойти с нами. Эта информация будет передана сюда, – Доктор махнул рукой на бесчисленные этажи. – Здесь расшифруют и воспроизведут геном каждого человека. Но главное не это. Браслет сканирует мозг человека и собирает всю находящуюся в нем информацию. Даже то, что человек сам давно забыл или не помнит, потому что был в детском, еще бессознательном возрасте. Все это тоже передается сюда. Потом объединяется и на основании генома и полученной при жизни информации создается портрет личности, который переносит-

ся сюда, в Кристалл.

– Как все просто...

– Мы изготовили необходимое количество браслетов – любой может их получить. Они очень просты. Мы опробовали эту технологию на якобы фитнес-браслетах, которые в тайне от всех считывали необходимую информацию. Но сейчас все будет происходить на совершенно другом уровне. Мир – это наше воображение, мой друг, и наша память.

– Хорошо, это я понял. А дальше?

– После того как мы все считаем, идет обратный сигнал на мозг и человек выключается.

– Что это значит?

– Мы выключаем мозг и человек перестает работать. Все это совершенно безболезненно. Перестают работать все рецепторы одновременно...

– И куда же девается его душа? – зачем-то спросил неверующий Генри.

– Душа? – Доктор удивленно посмотрел на него. – А души в человеке мы не нашли. Но если она все же есть, то ничто не мешает ей отправиться туда, куда ей нужно.

Кауперман подошел очень близко к Кристаллу и прижал к нему обе ладони.

– А здесь человечество может находиться вечно, – он обернулся и радостно воскликнул: – Мы победили смерть, Генри!

– А какая моя задача?

– На шестой день объяснить все это людям. Ты же великолепный организатор.

Кауперман опять повернулся к Кристаллу и стал бормотать заученные библейские фразы:

– Не станет нечестивого; помотришь на его место, и нет его. А кроткие наследуют землю... Беззаконные будут извержены и потомство нечестивых истребится... Притеснителя не станет, грабеж прекратится, попирающие исчезнут с земли... Радость вечная над головой праведников. Праведники найдут радость и веселие. Печаль и вздохи удалятся... Не слышно будет более насилия в земле твоей, грабежа и разрушения... Изменится сердце живущих и обратится в чувство иное. Ибо зло истребится и исчезнет лукавство; процветет вера, побеждено будет растление, явится истина, которая столько времени оставалась без плода...

Генри Мидас не понимал, что говорит Кауперман и уже почти не слушал. Он считал и планировал. Мозг его работал так, как умел, как привык.

«Старый болван Кауперман совсем выжил из ума. Ему, как и всем эгоистам, страшно умирать одному и он хочет угробить вместе с собой все человечество. Если он хочет содохнуть и попасть в свой «Рай», пожалуйста... Но мне и здесь пока неплохо. Его вирус – это проблема. Но у меня еще полно времени. Уничтожить человечество я ему не дам. Необходимо срочно узнать, как он его собирается распро-

странить. И не позволить ему его применить. А если где и будут утечки, то на прививках можно заработать огромные деньги. Но это все мелочи... Прививки, вирусы – это ерунда. Главное в том, что если я выиграю, то смогу выдавать людям индульгенции за грехи и решать: кому из них в рай, а кому в прах. А это стоит дорого... Нет, билеты в «Рай» не имеют цены. С помощью этого Кристалла я могу руководить миром. Нет... Я смогу стать Богом. Ведь у кого ключи от рая, тот и Бог!»

Глава 5

– Ну, наконец-то! Я уже думала, что ты родную мать заблокировал. Звоню, а мне все «абонент не абонент».

Иван глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Разговор с матерью всегда требовал максимальной выдержки.

– Здравствуй, мама. Я только прилетел и, вообще-то, сейчас спал.

– Я три дня не могу дозвониться. Все три дня спал?

– Ну, мама... Я все-таки еще и работаю.

– По поводу работы я и звоню. Ты подумал над моим предложением? – строгим голосом бывшей учительницы, проверяющей выполнение домашнего задания нерадивым учеником, спросила мать.

– Еще не успел.

– О чем здесь думать? Надеюсь, ты всю жизнь, как твой отец, в шпиона играть не собираешься? Престарелые Джейм-

сы Бонды выглядят, по крайней мере, глупо. Особенно нищие. Надо уходить вовремя и, главное, успеть монетизировать свои заслуги.

Его мать уже второй созыв избиралась депутатом Государственной думы. Вдова героя России, погибшего при выполнении задания, сильно изменилась за последнее время. Стала считать себя посвященной в глобальные проблемы страны и мира, верила в мировой заговор против России. Поэтому была патриоткой и строила дом не на Лазурном берегу Франции, как большинство депутатов, а в новом элитном поселке около Фороса в Крыму. Больше всего она любила летать на стройку и устраивать там внезапные проверки. То ей казалось, что кирпич не того оттенка, то раствор не очень густой. «Арматура не должна быть ржавой, – отчитывала она прораба-армянина. – С плохой арматурой крепкого дома не построишь».

Ивану все это не нравилось. Ему казалось, что она слишком часто спекулирует на имени отца, и как-то, сильно повздорив с матерью, он переехал в Питер.

– Мама, я подумаю, – ответил он на ее вопрос, – а сейчас можно я еще немного посплю.

– Надо все решить сегодня, – резко и недовольно сказала мать. – Я, чтобы найти тебе эту должность, очень многих людей побеспокоила. Очень важных людей, – добавила она многозначительно. И потом, чуть смягчившись: – Сынок, будем с тобой каждый день встречаться. Нечего в твоём Пите-

ре делать. Вся настоящая жизнь в Москве.

Перспектива встречаться с матерью каждый день совсем не радовала Ивана. Ведь именно из-за ее чрезмерной опеки он и уехал из Москвы, и возвращаться не планировал.

– Если ответ надо дать сегодня, то мой ответ – «нет».

– Это большие деньги и большие перспективы, – уже понимая, что уговаривать бесполезно, по инерции напомнила мать.

– Я и так хорошо зарабатываю. И деньги для меня не главное.

– Просто ты не хочешь быть рядом со мной, – обиделась она окончательно. – Ладно, делай как хочешь. Весь в отца, – и бросила трубку.

Спать больше не хотелось. Он включил чайник и подошел к окну.

Когда в первый раз девушка-риелтор привела его сюда в квартиру в новом доме на Морской набережной, и Иван увидел, какой вид открывается с 22-го этажа, то сразу понял, что это именно то, что он искал. Был солнечный день. Девушка что-то рассказывала про инфраструктуру, которая скоро появится в этом новом районе, а он, как зачарованный, смотрел на бескрайний Финский залив. Для москвича из спального района, привыкшего к унылым панельным домам напротив окна, этот вид показался фантастическим. Вдалеке уже ввинчивалась спиралью в небо газпромовская башня Лахта Центра. Справа от дома, за тонкими пилонами ван-

тогового моста с футуристическими фонарями, виден был новый великолепный футбольный стадион. Но главным, конечно, было море, которое начиналось сразу перед домом. Море всегда обещает новые встречи и новые открытия. А именно за этим он сбежал в Санкт-Петербург.

Сегодня было пасмурно и казалось, что залив налился серой свинцовой тяжестью. Рваные тяжелые облака спрятали газпромовский небоскреб, и горизонт был едва различим. Ивану почему-то сейчас пришло в голову, что, наверное, при строительстве этой башни украли столько, что позавидовал бы основоположник питерского воровства Сашка Меньшиков. А уж этот соратник Петра Великого отправил в голландские банки почти годовой российский бюджет.

«Ничего в стране не изменилось», – грустно подытожил он свои размышления.

Еще до командировки в Испанию Иван думал, что пора увольняться. Но не из-за выгодного предложения матери, которая материнским чутьем почувствовала его настроение. И не только потому, что давно понял, что занимается не защитой Отечества, как мечтал с детства, глядя на отца, а участвует в разборках каких-то полумафиозных транснациональных финансовых групп.

Главной причиной, из-за которой ему захотелось изменить свою жизнь, была Маша – девушка, с которой он познакомился три месяца назад, когда только переехал в Санкт-Петербург.

Она тоже была приезжая. Родилась в небольшом поселке на берегу Онежского озера. Сколько себя помнила, Маша мечтала быть актрисой. Пока она росла, Дом культуры, куда она ходила в театральный кружок с первого класса, закрыли и начали восстанавливать женский монастырь. В поселке еще работал старый лесопильный завод, открытый лет двести назад питерскими купцами. В 1918 году после революции завод национализировали. Почти все жители поселка так или иначе были с ним связаны. Кто-то там работал, кто-то учил детей заводских рабочих, кто-то лечил. А недавно завод обратно приватизировали. Новые собственники набрали на работу непьющих и неприхотливых мигрантов из Средней Азии. Местные, кто смог, разъехались по большим городам. А те, кто остался доживать здесь, перебивались на нищенские пособия, что-то выращивая на огороде, что-то вылавливая в озере или собирая в лесу.

Маша, скорее всего, так и осталась бы в деревне рядом с матерью, местным фельдшером, если бы та сама, понимая какие перспективы ждут ее дочь, чуть ли не вытолкала ее поступать в Санкт-Петербургский институт культуры. Больше всего на выбор повлияло наличие общежития при институте и то, что в этом общежитии работала хорошая знакомая мамы, которая могла присмотреть за Машей.

Но долго приглядывать не пришлось. Уже на втором курсе Маша вышла замуж. Все произошло неожиданно даже для нее самой. Думать, что причиной были деньги, ей не хоте-

лось. Да и не было таких уж больших денег у молодого инженера с Васильевского острова. Зато была хорошая квартира, оставшаяся от бабушки и вполне приличная для Питера зарплата.

Маша решила, что любовь не главное в жизни и быть хорошей матерью и женой она сможет и без нее. Правда, завести детей они решили только после того, как Мария закончит институт.

Первый год упрекнуть ее было не в чем. Муж души в ней не чаял. О такой заботливой бережливой скромной жене он даже не мечтал. Маша сама сделала небольшой ремонт в квартире. Завела кошку. Прочитала кучу литературы для будущих мам со всевозможными советами и рекомендациями и книг по домоводству, как правильно и экономно заниматься домашним хозяйством. Даже попробовала вышивать бисером.

Но однажды после ужина, записывая в тетрадь дневные расходы, она вдруг ясно осознала, что живет не своей жизнью. И в эту же минуту она почувствовала, что жить без любви невозможно. И как будто рельсы, по которым ехал паровозик их семейной жизни резко закончились. Маша вспомнила, что хотела стать актрисой, сниматься в кино, ходить по красным дорожкам кинофестивалей. И главное, хотела любить, как в кино и книжках: восторженно и трагично, неистово и безрассудно, парить от счастья и страдать от боли.

Она закрыла свой бухгалтерский журнал, прошла в ван-

ную, включила воду по сильнее, чтобы никто ничего не услышал, и заплакала.

* * *

Утром она не пошла в институт, а свернула в свой любимый сквер около Смоленки. Без каменных набережных река текла свободно и естественно. Старые ивы опускали в воду длинные ветки. Здесь Маша чувствовала себя как дома в деревне. Там за поселком тоже лениво текла река, чуть дальше за лесом, впадая в Онежское озеро.

Иван сидел на скамейке, вытянув ноги, и с мечтательной улыбкой наслаждался ярким весенним солнцем. Маше он понравился еще издалека. Если бы ее спросили «чем» – она бы не нашла что ответить. Но если бы он не заговорил первым, то она бы сделала это сама. Ей не пришлось искать повод для этого: Иван ее опередил.

– Мне показалось, что если вы пройдете мимо, то произойдет что-то непоправимое.

Маша не стала ничего отвечать, но остановилась, дожидаясь продолжения фразы. Она надеялась, что если он сумеет найти нужные слова, то вся ее жизнь изменится. Иван встал. С наслаждением почувствовал запах ее рыжих, разогретых солнцем волос, и показал рукой в том направлении, откуда она пришла.

– Когда вы появились из-за того поворота, я заметил как изменилось ваше лицо. Оно засияло. Вы то улыбались, то

прятали улыбку, но с этого мгновения вы уже знали, что идёте именно ко мне. И знали, что наконец-то нашли кого искали.

Маша оглянулась и посмотрела куда он показывал. На мгновение она закрыла глаза. Почему-то ей хотелось сказать: «Да, все именно так». Но она сделала усилие и ответила по-другому:

– Не слишком ли вы самоуверенны? – спросила она. – Посмотрите внимательно, – Маша всегда старалась объяснить все четко и понятно, даже когда этого не требовалось, – я вышла из-под тени деревьев липовой аллеи на яркое солнце, поэтому лицо, как вы сказали, «засияло». А потом я никак не могла привыкнуть к яркому солнечному свету и от этого улыбалась. Но вы всего этого видеть не могли: отсюда далеко. К тому же вы смотрели себе под ноги, греясь на солнце как мартовский кот. И пока я шла, думали, как со мной познакомиться, – Маша сделала паузу, повернулась к Ивану, посмотрела снизу вверх ему в глаза и неожиданно добавила: – А непоправимым было бы то, если вы бы так и не решились.

За эти несколько секунд она решила, что этот молодой человек, мгновение назад абсолютно незнакомый, ей послан судьбой после бессонной вчерашней ночи. И потерять его она не имеет права.

На мгновение у нее мелькнула мысль: «Маша, ты хорошо подумала?» Но тут же она сама себе и ответила: «Думают пусть те, кому это положено, а я женщина – я не думаю, я

чувствую. И сейчас я чувствую, что делаю все правильно».

Они немного погуляли. Оба чувствовали себя неловко и больше молчали. Так бывает, когда чувства и мысли ушли гораздо дальше сделанных дел. Маша собирала выскочившие повсюду из зеленой травы желтые одуванчики и плела из них весенний венок.

– У меня есть предложение, – сказал Иван, когда они дошли до конца аллеи. – Есть один способ узнать друг друга чуть быстрее.

– Надеюсь, вы не предложите заняться сексом вон в той беседке, – Маша остановилась. – Даже предложение выпить водки выглядело бы более оригинально.

– Нет, конечно. Но нам придется поехать за город. Вы согласны?

«Я бы, может быть, и на беседку согласилась и на водку», – пронеслось у Маши в голове неожиданная веселая мысль.

– Если вы обещаете к вечеру вернуть меня в целости и сохранности, то я не против, – без ложного жеманства ответила Маша и водрузила венок молодому человеку на голову.

– Я, конечно, постараюсь, – пожал плечами Иван, – но обещать не могу. Мы же хотим узнать лучше друг друга, а для этого придется чуть выйти из привычной реальности.

Через полчаса они вышли из такси у маленького синего деревянного домика на краю леса. Иван постучал. Дверь резко распахнулась и из нее вывалился крупный мужчина. От него прилично пахло перегаром, и Мария подумала,

что пить ей сегодня все-таки придется. Но мужчина, не приглашая их в дом, спрыгнул с крыльца и быстро пошел куда-то в сторону.

– Только не как в прошлый раз, – видимо продолжая какой-то разговор, крикнул он на ходу. – А то я тебя больше не допущу...

Иван взял Марию за руку и пошел за ним. Они дошли до железного вагончика, раскрашенного красно-белыми полосами. Мужчина открыл дверь, на минуту скрылся в нем и вышел с двумя брезентовыми сумками.

– Вот, возьмите, – он протянул Ивану эти сумки и, почти не обращая внимания на Марию, обратился к нему: – Ваня, очень прошу, только без хулиганства.

Иван взял сумки и, приложив свободную руку к груди, ответил:

– Дядя Петь, ты же меня знаешь. Все как учили: строго по уставу.

– Знаю, поэтому и предупреждаю, – потом повернулся и быстро пошел обратно к домику, будто там его ждало что-то важное. – Только самолет будешь, если что, сам отмывать.

Когда они остались одни, Маша удивленно посмотрела на Ивана.

– Он о чем говорил? О каком самолете?

– Вон о том, – Иван показал на маленький зеленый самолет у леса и пошел к нему. – Вот, Маша, спортивная гордость

советского авиапрома – Як-52. На нем столько рекордов поставлено, столько чемпионатов выиграно, один из них, кстати, выиграл именно этот дядя Петя, – продолжил он уже у самолета. – А сколько на нем пилотов выучили, не считаешь.

– Значит надо его на пьедестал, что он здесь гниет? – спросила Мария, разглядывая зеленый самолетик с большим винтом. Он был похож на те, что она видела по телевизору в фильмах о войне. И на боку у него чуть облезшей красной краской была сделана надпись «За Родину», на крыльях нарисованы большие пятиконечные звезды.

– Рано ему на пьедестал. Еще полетает, – ответил Иван и протянул ей одну из сумок. – Вот... надевай.

– Это что? – растерялась Мария.

– Это парашют, а мы сейчас на этом самолете полетим смотреть на мир и друг на друга.

– Я не полечу, – категорично ответила Маша. Только сейчас она все-таки поняла, куда и зачем они приехали. – Я согласна на водку и даже на секс, но я не полечу на этом древнем самолете.

Прожившая в маленьком деревенском домике почти всю жизнь, она поругалась с комендантом общежития, когда ее на первом курсе заселили в комнату на девятом этаже. Смотреть в окно ей было страшно. Она даже в метро на эскалаторах спускалась, закрыв глаза.

– Ты очень много говоришь о сексе. Поверь мне, его сегодня точно не будет. Самолет – это гораздо лучше. Так что

или садимся в самолет или едем домой и...

– Не надо условий, – прервала его Маша. – А ты что летчик?

– Да. Учился в училище на военного пилота. Но на последнем курсе отчислили: врачи что-то нашли.

– Про врачей мог бы не говорить, – медленно сказала Маша. Посмотрела на маленькое колесо самолета. Потом подняла глаза на Ивана и спросила: – А ты сделаешь как в прошлый раз?

– В какой прошлый раз, – не понял ее Иван.

– Твой, этот, дядя Петя предупредил – «только не как в прошлый раз».

– А-а... Ты об этом, – Иван улыбнулся. – Тогда я был один и мне было нечего терять. Не знаю, получится ли сейчас...

– Уже на попятную? Помоги лучше надеть этот твой парашют.

После короткого разбега по узкой бетонной полосе, разрезающей надвое зеленую березовую рощу, самолет резко поднялся вверх. Всего лишь несколько секунд он летел над лесом, потом промелькнула песчаная полоска, и открылось море. И сразу же самолет накренился на правое крыло, сделал резкий вираж и помчался над берегом.

Всего этого Мария не видела, потому что еще до взлета закрыла глаза и крепко до боли сжала пальцами свои колени. Когда она забиралась в самолет, ее удивили крохотные размеры кабины. Короткая инструкция как покинуть, как вы-

браться из него в случае аварии на крыло и как пользоваться парашютом не сильно успокоили. Иван посадил ее на переднее сидение, и она надеялась, что он не увидит закрытых глаз. Но скоро после взлета он тронул ее за плечо и сказал:

– Глаза лучше открыть. Незнание всегда пугает больше. А реальность бывает очень даже симпатичной.

Маша досчитала до трех и огляделась. Они летели совсем низко над берегом. Слева, далеко в море по насыпи уходила кольцевая автодорога. Рядом с ней, если присмотреться, на маленьких островах можно было различить полуразрушенные крепости-форты. Заболоченный берег с правой стороны напоминал, что Питер северный город и строить его было нелегко.

Больше всего Машу удивило то, что ей было не страшно. Она понимала, что сидит в узкой трубе с крыльями и под ней сотни метров пустоты, но страха не было. Она обернулась. Иван одной рукой держал ручку управления, а другой, улыбаясь, показал ей на маленькое зеркало, наклеенное на лобовое стекло. В нем она увидела его отражение и поняла, что он также видит ее. Перед ней тоже была ручка управления, но Маша старалась держаться от нее подальше.

– Ну как? Привыкаешь? – спросил Иван.

– Не страшнее чем в лифте, – ответила Маша, стараясь перекрыть шум тарахтящего двигателя.

– Сейчас мы посмотрим на Петергоф. Таким ты его еще не видела.

Самолет несколько раз качнуло, он начал снижаться и одновременно поворачивать в море. Потом, опустившись почти до воды, опять развернулся и понесся прямо к берегу. Маша уже хорошо видела нижний парк, пристань и сам дворец. Они летели прямо на него так низко, что было ощущение, что они на огромной скорости мчатся на лодке. И когда дворец был совсем рядом и стали видны золотые фигуры вокруг каскада фонтанов, самолет взмыл вверх, пролетел над верхним садом, над городом и повернул опять к морю.

Они летели прямо на солнце. Но закрывать глаза больше не хотелось, хотя оно ослепляло, отражалось в воде ярким факелом.

Самолет поднялся высоко в небо и летел медленно. Казалось, что он застыл в бескрайнем небе. Где-то далеко внизу по морю плыл белый теплоход, казавшийся ненастоящим.

Маша давно перестала думать о том, правильно ли она поступает. Все сомнения остались на земле. Она знала: все что произошло, началось не сегодня в сквере и не вчера, когда она ревела в ванной. Может быть, такой поворот в ее жизни был запрограммирован, еще когда она в пятом классе взяла в библиотеке не ту книжку или переключила телевизор не на тот фильм. Возможно, когда смотрела на свою мать, которая ушла от мужа через год после свадьбы.

«Так или иначе – все уже решено. И обратного пути нет. Не важно, переспала ты с кем-то или нет. Измена начинается, когда выходя из дома, думаешь о том, какие трусы тебе

выбрать. А обманывать себя еще хуже, чем обманывать мужа».

– Сейчас будет немного веселее. Ты готова? – услышала она за спиной голос Ивана.

– Да, – ответила Маша. Она чувствовала себя легко и спокойно. – Только у меня просьба – рассказывай мне обо всем что делаешь. Я должна все знать.

– Тогда поехали. Не волнуйся, все будет хорошо.

Маша не волновалась. Она так доверяла Ивану, что если бы он сказал «прыгай», она бы открыла кабину и, выбравшись на крыло, без страха сделала все, как он ей объяснял на инструкции.

– Начинаем с пикирования, – продолжил Иван.

И тут же горизонт перед ней взмыл вверх, а самолет сорвался к земле. Она почувствовала невесомость, видела, как приближается море, потом, как быстро приближается скала, в которую они точно врежутся, если ничего не изменится. Она уже могла разглядеть как волны разбиваются о черные камни, когда перед ней опять появилось бескрайнее синее небо и ее тело налилось свинцовой тяжестью.

– Теперь горка, – комментировал Иван.

Маша смотрела на белые облака перед собой, и скоро самолет залетел в них. Ей казалось, что она летит между снежных горных вершин. Самолет сильно накренился и опять вылетел в чистое небо.

– Это вираж.

– Все как в жизни, – прокричала Маша, – вниз, вверх и поворот...

– А в жизни есть такая штука, как мертвая петля? – спросил Иван.

– Конечно. Это когда ты на что-то долго-долго решаешься, чуть попытался, а потом испугался и вернулся на прежнюю дорогу – это и есть мертвая петля.

– Хорошее объяснение. Тогда попробуем.

Маша почувствовала, как самолет начал сильно разгоняться.

– Скорость триста двадцать, – объявил Иван.

Она увидела облака. Ее вжало в кресло, и самолет помчался вверх. Дальше произошло что-то непонятное. Сердце замерло. Ей первый раз стало страшно. Маша нашла силы посмотреть в окно и поняла, что они летят вверх ногами. В этот момент они начали падать вниз. Не так, как первый раз по прямой, а с креном, закручиваясь как на горном серпантине. Она смотрела на винт самолета и ей показалось, что он стал крутиться в обратную сторону. Она начала задыхаться. Когда море было совсем близко, самолет выровнялся и полетел так низко над водой, что она оглянулась посмотреть, нет ли за ним брызг.

– Ну как тебе мертвая петля? – спросил Иван.

– Так же, как в жизни – лучше без нее.

Оказавшись опять на земле, они долго гуляли по песчаному берегу, который с высоты казался узкой полоской. Рядом

с ними, переваливаясь с боку на бок, ходили жирные чайки, что-то выискивая в выброшенных на берег водорослях. Их беспокойные задиристые крики смешивались с протяжными и трагичными гудками военных кораблей в порту. А когда они пили красное вино в кафе на Якорной площади любуясь византийской роскошью Морского собора, Маша спросила:

– Ты был женат?

– Нет.

– А я была.

– Давно?

– Не очень. Еще утром.

* * *

Опять зазвонил телефон. Иван решил, это мать что-то забыла сказать, но из трубки раздался голос Маши:

– Привет! Очень занят? Так выпить хочется, а одной как-то не то настроение. Можно к тебе приехать?

– Как ты вовремя! – обрадовался Иван. – Можно конечно, но у меня, кажется, пустой холодильник.

– Я нынче при деньгах. Так что не беспокойся.

Иван был уверен, что Мария в лучшем случае доберется до него не скоро и очень удивился, когда через полчаса она перезвонила уже от его парадной.

– Ваня, я немного не рассчитала свои возможности, и все деньги потратила на вино и закуску. Теперь не могу с таксистом расплатиться. Я у твоего дома. Спустись, пожалуйста.

То, что Маша добралась так быстро, было очень ей не свойственно, а вот непрактичность была ее стилем. Она легко сходилась с людьми, любила поболтать и повеселиться. Поэтому Иван не удивился, когда спустившись на лифте на улицу, увидел свою подругу непринужденно беседующую, как будто со старым знакомым, с пожилым таксистом, который, видимо, так же любил поговорить обо всем на свете.

Водитель стоял рядом с машиной, курил и объяснял де-вушке:

– Человека портят не деньги, а власть, – наставительно говорил он Маше, – особенно если власть достается дураку. Вот у меня сосед в деревне пока участковым работал, еще ничего был мужик. А когда народу в деревне совсем не осталось, его вдруг главой сельсовета назначили. Сразу стал смотреть на нас, как на вредных тараканов. Забор себе двухметровый построил. Издал постановление – запретил косить траву по субботам и воскресеньям. Чтобы тихо было и мы ему думать о нашем же благе не мешали.

– В России те, кто до власти добиваются сразу как будто национальность меняют. Не хотят они с нами щи лаптем хлебать, – с улыбкой вступил в разговор Иван, протягивая деньги. – Всегда так было. Поэтому в Кремле такие стены высокие: от нас, россиян, отгородились.

– Это точно, – обрадовался поддержке и деньгам таксист. – Наш участковый только год командует, а эти в Кремле уже сотни лет сидят. Только вывеску меняют. И все это

время твердят про единство власти и народа.

– Это как единство клиента и проститутки во время секса, – рассмеялась Мария. – Вроде бы одним делом занимаются, а задачи разные.

Таксист тоже рассмеялся, сел в машину и умчался, даже не вспомнив о сдаче.

– Любого таксиста можно сразу в президенты, – заметил Иван.

– Ага. Они при приеме на работу проходят курсы президентского резерва, – добавила, рассмеявшись, Маша.

Куда бы Мария ни собиралась пойти, она всегда одевалась как на самое торжественное мероприятие в своей жизни. Даже совсем не разбирающийся в этом, Иван оценил ее на первый взгляд скромное, но очень изящное короткое черное платье, безупречно облегающее ее стройную, чуть угловатую, почти мальчишескую фигуру. Коротко постриженные рыжие волосы и озорные карие глаза добавляли сходства с молодым парнем. Но врожденная грация и манера двигаться были настолько женственны и сексуальны, что Иван, любясь ею, сразу почувствовал тех самых бабочек внизу живота.

Маша знала свои возможности и никогда не красилась, чтобы не мешать искоркам, вылетающим из-под ее ресниц, ослеплять всех вокруг. Она сама была очень открытым человеком и поэтому любила смотреть людям в глаза, пытаясь сразу распознать: свой это человек или обычная сволочь.

– Ты похожа на тонкую хрустальную рюмку: хрупкая, красивая и ранимая, – не удержался от комплимента Иван.

– Поэтому красивые рюмки стараются не ронять лишний раз, – ответила Маша и поцеловала его в щеку.

После той первой встречи прошло три месяца, но Маша так и жила с мужем. То, что сначала считала после их первой встречи правильным и естественным: прийти домой и все рассказать, оказалось не таким уж и простым делом.

Вернувшись в тот вечер домой, она увидела счастливого мужа.

– Я так соскучился, пять раз тебе ужин разогревал. Мои руки и за стол, а то без тебя кусок в горло не лезет, – обрадовался он ее возвращению, даже не спросив, где она была и почему вернулась так поздно.

Маша присела к столу и долго смотрела на мужа. В этот раз смелости все сказать ей не хватило. Не хватило и на следующий день, и через неделю. Каждый раз, встречаясь с Иваном, она обещала ему и, главное, самой себе, что сегодня точно все расскажет. Но каждый раз при возвращении домой ее смелость улетучивалась.

Причина была не только в том, что она не хотела расстраивать мужа, зная, что для него это будет сильным ударом. Ей казалось, что Иван не уверен в том, что готов расстаться со своей свободой.

Кто-то в своих решениях опирается на логику и факты,

а кто-то больше на свою интуицию и чувства. В отношениях между мужчиной и женщиной не всегда можно определить что надежнее.

Маша не ошибалась, сомневаясь в полной готовности Ивана взять на себя ответственность за ее жизнь. Сам же он говорил себе, что нельзя на нее давить, что она сама должна сделать выбор. Но это было не главным. В глубине души он действительно не был уверен, что справится, что созрел до семейной жизни. Он убеждал себя, что в этом деле ошибаться нельзя ни в коем случае. Ведь решаешь не только за себя. При этом он ни секунды не сомневался, что любит Машу. В том, что эта любовь – самое важное в его жизни.

Вот и сегодня, оказавшись в лифте, Иван первый раз пожалел, что тот едет так быстро. От поцелуев земля уходила из-под ног и кружилась голова. А когда они залетели в квартиру, то все было как в кино: разбрасывание одежды по полу и прижимание к стенам. В комнате из мебели была лишь огромная кровать прямо напротив окна во всю стену и этого им вполне хватало.

Через час Иван сидел в углу кухни и любовался ее фигурой. Так эротично присесть у холодильника в его рубашке могла только она.

– Ну хотя бы здесь у тебя есть какая-то мебель. И в комнату тоже давно пора что-нибудь купить. Что там у тебя одна кровать...

– Мебель на кухне была в подарок к квартире, – объяснил Иван. – Сейчас у меня свободного времени будет побольше, куплю все что надо.

– Тебе, кажется, немного и надо, – улыбнулась через плечо Маша, нарезая ветчину.

– На свете полно вещей, которые не нужны. Представь, лет через тридцать ты спросишь себя: «На что я потратил отпущенное мне время? На покупку мягкого плюшевого дивана, большого телевизора и на бесконечные сериалы о том, как другие люди наслаждаются жизнью...»

– Тебе идут длинные волосы, – перебила Маша.

Иван аккуратно вытащил штопором пробку и разлил по приготовленным бокалам красное вино. Несколько капель из горлышка упали на стол. Маша взяла губку и сразу их вытерла. Потом, так и держа губку, не присаживаясь, свободной рукой подняла бокал.

– Давай тогда выпьем за то, чтобы не ошибиться с выбором! Кажется, мужчина должен вырастить сына, построить дом...

– И посадить дерево, – подхватил Иван. – И потом всю оставшуюся жизнь гордо выпивать под ним с друзьями с осознанием выполненного долга.

– А может это и правильно. Зачем человеку напрягаться со сверхзадачами? От этого болезни всякие, – улыбнулась Мария и сделала маленький глоток. – Я когда много думаю, то потом всегда плачу. Надо просто жить и радоваться.

– Значит, нам многое надо успеть, – он поднял свой бокал, встал, поцеловал Марию в щеку и добавил: – За то, чтобы сбылись все мечты!

– Хорошо, – улыбнулась Мария и, не останавливаясь, выпила бокал до дна, и тут же, чуть поморщившись, спросила.

– Ты не будешь против, если я сегодня к тебе перееду? Мне кажется, мы слишком с этим затянули. Моя мечта быть рядом с тобой. Я могу всю оставшуюся жизнь вот так сидеть здесь и смотреть на тебя.

– Если мы вместе будем здесь сидеть, то кто тогда будет родину защищать? – попробовал отшутиться Иван, чтобы не показать, что растерялся.

Маша поняла, что он сейчас не хочет говорить о серьезном и расстроилась.

– Никакой родины не существует. И даже того Кремля с высокими стенами, о котором ты сейчас говорил с таксистом. Это иллюзия, виртуальная голограмма, – Маша почувствовала усталость, накопившуюся за эти полгода неопределенности. – Наливай еще!

– А что за этой голограммой? – наливая, спросил Иван.

– Ничего там нет. Пыльный пустырь. А на пустыре торговая лавка из фанеры... Ваня, а я тебе совсем не нравлюсь? – неожиданно спросила Маша.

– Ты мне очень нравишься... – Иван вдруг почувствовал: эта девушка самый близкий ему человек и уже было собрался сказать что-то большее...

– Ну если нравлюсь, то наливай, – она быстро перебила его, – Выпьем за это. Только сегодня говорить про любовь больше не будем.

– А про что будем, – спросил Иван. Его решимость пропала.

– Будем пить и веселиться. Кстати, а почему у тебя скоро станет много свободного времени?

– Я собрался писать рапорт об увольнении. Если ты говоришь что родины нет, то тогда и защищать нечего, – ответил он.

– Тогда давай сейчас еще выпьем и поедем в клуб. Отметим это и потанцуем. Ты как?

– Я не очень люблю многолюдные и шумные места.

– А я люблю. Я же мечтала стать актрисой и сыграть Джульетту. Как ты думаешь, я не очень для этого стара?

– Ей же вроде четырнадцать было?

– Вот так, – театрально надула губки Маша. – Думаешь, мне пора Анну Каренину играть? А я, кстати, могу быть кем угодно, особенно для тебя. По запросу. А запроса то и нет... Ты вот все ищешь свой выдуманный мир. А может твоего мира не существует? Правильного мира, правильных женщин...

– С чего ты взяла, что я ищу какой-то мир и каких-то женщин?

– Ну, я же не совсем дура – я же вижу. У меня был приятель, компьютерный гений. Красивый, умный, востребован-

ный, – Маша грустно вздохнула. – И вдруг ушел в монастырь. Сказал, что только там он живет в своем измерении. Когда все мужики спрячутся в своих выдуманных мирах, что нам, девушкам делать?

– Хорошо. Едем в клуб. Только еще выпьем, – согласился Иван.

В клубе было красиво и совсем нешумно. Но пробыли они там недолго. После того, как заказали еду, Маша пошла в туалет, а к Ивану с соседнего столика, где сидела компания молодых ребят, подошел сильно выпивший, очень толстый, потный парень, держа в руках недопитую бутылку виски.

– Вот что, приятель, – сказал он развязанным голосом, растягивая слова, – я тебе бухла шикарного подгоню. Вот, пей, – он с шумом поставил бутылку рядом с Иваном, – а баба твоя пусть к нам идет.

– Ты бы шел на свое место, – сдержанно ответил Иван.

– Ты кому на место указываешь? – взорвался парень. – Ты знаешь, кто я такой?

– А должен знать? – Иван понял, что конфликта скорее всего не избежать и посмотрел на компанию этого приятеля. Двое других за столом были такими же пьяными и вряд ли будут представлять какую-то угрозу.

– Я здесь хозяин! – продолжал незванный гость.

– Бармен что ли? – машинально спросил Иван.

– Ты охренел что ли? Я не в баре хозяин – я в городе хозяин! И страна эта моя! А ты в ней пыль, грязь на моих ботин-

ках. Поэтому у меня на твою бабу право первой ночи, – он мерзко захохотал противным, пьяным смехом, – на первую, вторую и на все остальные... А ты будешь с ней трахаться, когда она мне надоест и когда моим друзьям надоест. Понял? Но я хороший хозяин и поэтому я ей денег дам, а она с тобой поделится... Если захочет...

Маша ударила пьяного хулигана по голове его же бутылкой совсем без размаха. Стекло было толстым и не разбилось. «Хозяин города» сполз на пол и растекся по нему как мешок с говном. Подскочивших двух других Иван мгновенно положил рядом, постаравшись не нанести заведению большого ущерба.

– Пойдем, – он взял Машу за руку и дал подбежавшей официантке денег.

– Сейчас, – вырвалась она и вернулась к лежащему парню. Покачав его ногой и убедившись, что он в сознании Маша одной рукой очень ловко и быстро, чуть приподняв платье, сняла трусики, а другой включила камеру на смартфоне. – Ну что, герой-любовник, готов? – спросила она у парня. – Сейчас мы из тебя будем звезду «Ютуба» делать.

– Ты что, сука... У меня отец генерал ФСБ, мне нельзя в интернет... Я найду тебя, если выложишь... Убью, паскуда.

– Ты рот открой и молчи, а то я тебе глаз выдавлю, – твердо сказала Маша и решительно поставила ему на лоб свою ногу в туфельке с длинной шпилькой. Потом быстро нагнувшись и, снимая все на телефон, засунула свои трусики пар-

ню в рот. – Счита́й уже трахнул. Можешь гордиться и сделать рассылку друзьям и знакомым. Чтобы легче найти, тег будет – «сын генерала ФСБ», – потом, повернувшись к удивленному Ивану, улыбнулась ему и пояснила: – Где-то в кино видела.

От клуба они шли молча. Потом Мария остановилась, положила руки Ивану на плечи и произнесла:

– А ты никогда не хотел уехать отсюда?

– Куда? Здесь наша страна, – ответил Иван, пожав плечами.

– Какая она наша? Тебе же сказали сейчас, – рассмеялась Маша и пошла дальше, – она тех, у кого деньги. И никаких «наших» среди них нет. А значит ты для них лишь возможность заработать. Как обычная дойная корова или баран. А если найдутся бараны с шерстью получше и характером поспокойнее, то они не задумываясь поменяют здесь одних баранов на других.

– Да мы и в другой стране не очень то нужны.

– Чужие люди нигде никому не нужны. А с близкими все же лучше жить там, где теплее и безопаснее. Я не хочу, чтобы моему любимому человеку где-нибудь в кафе какой-то подонок воткнул нож в спину.

– Чтобы этого не случилось, у меня есть ты. Будешь прикрывать мою спину. У тебя это хорошо получается.

Три дня Иван с Машей не выходили из квартиры. Из-за летних белых питерских ночей, вина и секса они совсем потерялись во времени. Поэтому, когда Ивану позвонили и вызвали на работу в Москву, он не сразу сообразил какой сегодня день.

– Ты же хотел уволиться? – Маша, не открывая глаз и не отрывая головы от подушки, протянула руки к любимому мужчине, не желая его отпускать.

– Вот там рапорт и напишу, – поцеловал ее Иван. – Я быстро. В Москву и обратно.

– А билет на самолет с серебристым крылом у тебя есть? – прошептала Маша сонно.

– У меня есть ты, а значит все не так уж плохо на сегодняшний день, – рассмеявшись, пропел Иван и стал собираться.

– Я люблю тебя, – вдруг, окончательно проснувшись, серьезно произнесла Мария и посмотрела на него.

Иван растерялся.

– И я тебя, – машинально ответил он, стоя в дверях комнаты. Потом на мгновение задумался и, решив для себя, что на бегу обсуждать это не стоит, перевел тему: – Ты подожди меня здесь. Я вернусь вечером или завтра. Хорошо?

– Хорошо, – Мария понимала, что ее чувство сильно отличается от того, что испытывает к ней Иван, хоть и называется одним и тем же словом.

* * *

В Москве Контора Ивана располагалась не на Лубянке в известном всем здании рядом с «Детским миром», а в чудом сохранившемся лесу на юго-западе Москвы. Он приехал чуть раньше назначенного времени для того, чтобы встретиться с человеком, который был его наставником и хорошим другом его отца.

Сейчас для генерал полковника Сергея Андреевича Вахромеева специально сделали целый отдел, главной задачей которого был надзор за Конторскими учебными заведениями. Но на самом деле таким способом его просто и почетно отодвинули от возможности влиять на работу Конторы.

Сергей Андреевич ждал Ивана в своем кабинете. Он утром уже выпил рюмку, помянув всех погибших товарищей. Они погибали в разные месяцы и годы, но в августовские дни он всегда вспоминал ту последнюю операцию, когда они все были вместе и под одним флагом одной страны.

Тридцать лет назад, вечером семнадцатого августа его вызвали с дачи. Уже через два часа он летел в потрепанной сто тридцать четвертой «тушке» вместе со своими бойцами, сопровождая четырех молчаливых товарищей в гражданской одежде. В 23.00 они приземлились на аэродроме в Вильнюсе. И сразу же на трех ждавших их автобусах помчались в резервный командный пункт на окраине города недалеко от аэропорта. Быстро установили связь с командирами крупных воинских частей и довели до их командиров план действий.

Никаких вопросов ни у кого не было. Большинство армейских офицеров устали от творившегося в стране бардака. Поэтому без сомнений и даже с радостью каждый приступил к выполнению своей задачи. Потом группа Вахромеева на тех же автобусах выдвинулась в город и спокойно заняла все, что было нужно: здание администрации, Верховный совет, телевидение и ту самую телебашню, вокруг которой зимой устроили непонятный цирк. В общем, все ключевые точки, необходимые для функционирования города.

Никто не осмелился оказать хотя бы видимость сопротивления. Зато было много желающих сотрудничать и ожидающих раздачи новых должностей и хлебных мест.

Советская власть в августе 1991 года в Прибалтике была восстановлена не то что без единого выстрела, но и даже без намека на недовольство подавляющего большинства населения. При желании утром можно было организовать многотысячные демонстрации поддержки с цветами и радостными слезами. Об этом и было доложено в Москву.

Но тут случилось совершенно непредвиденное. Тот самый человек, их непосредственный руководитель, который и послал сюда, повел себя довольно странно и непонятно. Казалось, он ждал совсем другого и был недоволен тем, что задача была выполнена так быстро и главное бескровно. Он начал кричать, как будто не он сам санкционировал операцию, а они все сделали по своей инициативе:

– Что вы там творите? Уходите немедленно! – визжал он

истерично.

– Как уходить? Мы же все сделали! Они очухаются, поймут, что мы уходим, и будут нам в спину стрелять. Это же как собаки: всегда нападают на бегущего.

– Мне плевать, как вы будете уходить! Через час чтобы вас там не было!

И совершенно определено, что кто-то в это же время пообещал местным оппозиционным «лесным братьям» полную защиту и безнаказанность. Тут же из всех щелей как крысы и тараканы полезли прикормленные из двух рук, Москвы и Вашингтона, провокаторы.

Крысам сказали: «Не бойтесь, вас не тронут. Забирайте все в свои руки». И они, как их учили, прячась за спинами, стали выводить на улицы для прикрытия обманутых людей.

Это было первое явное и открытое предательство, с которым столкнулся тогда еще майор Сергей Андреевич Вахромеев. Предательство с самого верха. Это было самым страшным: не вероятность оказаться в полном окружении, а в том, что те, кто должен защищать Родину, уже не боятся торговать ею открыто.

По дороге в аэропорт их пытались остановить непонятные толпы людей, уже быстро получивший откуда-то оружие и военную технику. Но на борту самолета все, казалось, было спокойно.

– Кто-то вас, ребята, хотел здесь оставить. Нам приказали улетать без вас, – сказал второй пилот. – Наверное, решили

сделать козлами отпущения.

– И что ж не улетели?

– Русские своих не бросают! – повернувшись из-за штурвала, ответил, рассмеявшись, командир корабля.

– Ринат, ты же татарин...

– Совсем забыл, – шутливо вскрикнул он. – Ну-ка, выматывайтесь из моего самолета!.. Ладно, ребята, пора уносить ноги-крылья. А то если им и ПВО отдали, то могут и сбить. Бортинженер... Гена, у нас спирт остался? На посошок?

* * *

Сейчас на фото в кабинете они еще все живые и, главное, все вместе под одним флагом страны, которой больше нет. Страны, которой они присягали и клялись защищать до последней капли крови...

Первый, кого Иван увидел, поднявшись на свой этаж, был начальник отдела Михаил Калган, отец того самого парня из бара.

– Ты напал на трех наших сотрудников, которые находились на задании. Избил их. А потом еще и выложил это в интернете. Ты понимаешь, сколько статей ты нарушил? – сразу набросился он на Ивана, еле сдерживая себя, чтобы не ударить.

– Я только защищался. А вы плохо готовите своих сотрудников, – отодвинулся от него Иван, – и отвратительно воспитываете сына.

– Ты кого учить вздумал, щенок? – почти завизжал Калган, – Ты просто пыль, ты никто!

– Ваш сынок тоже про пыль говорил, – усмехнулся Иван. – Кстати, трусы ему по размеру подошли? А то могу прислать другие.

– Хамишь, сука, – зло выпалил рассвирепевший папаша. – Смелый? Да ты жив потому, что тебя Вахромей прикрывает. Но ничего... Я терпеливый. Ты главное знай: я всегда рядом с тобой и держу пистолет у твоего затылка...

Через минуту Иван был в кабинете Сергея Андреевича Вахромеева.

– Пугал? – сразу спросил генерал-полковник и вместо приветствия по-отечески обнял Ивана. – Раньше его бы уволили с волчьим билетом, а теперь тебе самому придется объясняться.

– Обидно, конечно, но объяснюсь.

– Вся Контора ваше видео уже посмотрела. Сильнее унижить было невозможно.

– Этот парень сам виноват.

– Миша был хороший мужик. Сын для него все... Жена его давно умерла. Да и вообще... Жизнь иногда ломает людей.

– Если любит, то почему так плохо воспитывает?

– Как сейчас что-то объяснишь – интернет вместо папы и мамы. Но понять, что дело твоей жизни, воспитание сына провалилось – это трагедия. В любом случае, врага ты себе

нажил серьезного.

– Одним больше, одним меньше...

– Ты сильно-то нос не задирай, – осадил его Вахромеев. – Тебя сегодня все ищут. Велика страна, а какхватишься что-то серьезное сделать, то толкового человека не найдешь.

– Вообще-то, я приехал писать рапорт на увольнение.

– Даже думать не смей! – Сергей Андреевич резко повернулся. – Ты что, меня бросаешь? Страну бросаешь?

– Никого я не бросаю. Я перестал понимать, какую власть я защищаю и на кого работаю. Я в Испании встретил одного...

– Знаю-знаю, – перебил его Вахромеев. – Мы об этом потом поговорим. У нас здесь сегодня сумасшедший дом. Поступила информация о готовящемся теракте.

– Что в этом необычного?

– Необычен планируемый ущерб.

– А какая цель теракта?

– Цель? – Вахромеев отошел к окну и посмотрел на лес. – Цель – уничтожение почти всего человечества. Так что ты с увольнением не вовремя. Ваня, все более чем серьезно. А сейчас иди куда тебя вызвали, тебе начальство объяснит. И, да... – решил добавить он, отошел от окна и приблизился к Ивану, – никогда не путай власть с Родиной. Знаешь, Ваня, и сильные люди иногда болеют, и страна иногда болеет. А мы – доктора, обязаны лечить.

«Где они берут эти зеленые ковровые дорожки? – думал Иван, шагая по пустому коридору. – Неужели и их из Китая возят?»

Он дошел до приемной, доложил и сел на черный кожаный неудобно-глубокий диван с жесткой спинкой. И почти сразу его вызвали в кабинет.

Когда-то в детстве он очень любил фильм «ТАСС уполномочен заявить» про работу советских контрразведчиков. В том фильме свои совещания наши генералы, во главе с любимым Вячеславом Тихоновым, проводили в точности в таком же кабинете. Тот же длинный полированный стол, стулья с высокими, обшитыми черной кожей, спинками, листочки бумаги и карандаши перед присутствующими. И почти все те же портреты на стенах. Новым был лишь портрет руководителя страны и непонятно зачем здесь оказавшаяся «Тайная вечеря» Тициана.

Калган и Вахромеев тоже были здесь.

– ...если мы вмешаемся, то все это может кончиться грандиозным международным скандалом, – услышал Иван продолжение обсуждения со всех сторон.

– Было же предупреждение и не раз. Никто этих экологов серьезно не воспринял. А за ними были люди серьезные.

– Да все знали кто за кем стоит. В Римском клубе в семидесятых годах наших больше половины было, еще те сталинские кадры. Так что все это нашими людьми и делалось.

– Получается, что та девочка-ангел из Норвегии, которую

кто-то полгода назад в ООН притащил, была последним предупреждением.

– Точнее – объявлением начала войны.

– Значит война. И если опять раздвинем булки, то от страны не останется даже воспоминаний, – ответил на это незнакомый Ивану человек, сидевший не за столом, а на стульях, расставленных вдоль стены.

– Прекратить обсуждение! – громко приказал сидящий во главе стола руководитель Конторы Владимир Тушин. – Капитан Яснев, – обратился он к Ивану, – ваша задача отправиться в Китай и организовать... – он на секунду задумался, – пока только слежение за двумя объектами. Их самолет уже готовится к вылету. Мы можем задержать его максимум на час, но все равно они, скорее всего, вылетят раньше вас. Так что спешите. Вам понятно?

– Не очень. Что мне с ними делать?

– Ничего. Смотреть, докладывать и ждать распоряжений. Но сначала догнать и попробовать узнать план их действий.

– Ясно, – удивляясь непонятным формулировкам, ответил Иван. – А за кем надо следить?

– Разве ты еще не знаешь? – удивился Тушин и посмотрел на Вахромеева. – За Чуком и Геком, – сказал он, чуть улыбнувшись.

– Не понял, товарищ генерал.

– За заместителем премьер-министра Чернухой и главой финансового контроля Горемыкиным.

– Извините, а при чем здесь Чук и Гек? – еще больше удивился Иван.

– Потому, что это они сейчас члены правительства. А в молодости были нашими агентами со служебными именами: Чук и Гек. Приступайте. Время не ждет.

* * *

«Может Иван прав? Надо увольняться... Все так запуталось, что даже на совещании в Конторе больше врагов, чем друзей», – думал через час в своем кабинете Сергей Вахромеев, когда в дверь без стука вошел Михаил Калган.

– Сколько у тебя телефонов на столе! – воскликнул он. – Красненькие, желтенькие, черненькие. Неужели все работают?

– Телефонов много, а звонить некому.

– Это вы после Вильнюса? – спросил он, глядя на ту же фотографию, на которую недавно смотрел Вахромеев.

– Да.

– Лихо мы тогда там порядок навели. Сейчас так не умеют.

– Пока мы там наводили, здесь в Москве тогда тоже лихо порядок наводили.

– Ты о чем?

– О том, как помогали понимающим людям из окон выпрыгивать, из наградных пистолетов стреляться и на люстрах вешаться.

– Не говори глупости... Они сами...

– Сами-сами, конечно, – не стал спорить Сергей Андреевич. – Я постоянно вот о чем думаю: ты же свои первые звездочки на погоны зарабатывал в боевых операциях, а не в кабинетах, вылизывая чужие задницы... Когда ты свернул не туда?

– Как власть свернула и я за ней. Идея умерла, а мертвые идеи быстро начинают плохо пахнуть.

– Это кто решил, что умерла, ты? У нас на эмблеме не баба с повязкой на глазах и дурацкими весами, а щит и меч с серпом и молотом.

– Ты о чем?

– Мы не судьи. Мы не судить были должны: «умерла, не умерла», а страну защищать. Ту, с серпом и молотом... До последней капли крови... Как обещали на присяге.

– Да ты совсем с ума сошел! Сила была не на нашей стороне. Было бы много крови и мало толку.

– А в чем сила?

– Сила во власти.

– А у кого власть?

– У тех у кого деньги.

– А у кого деньги?

– Дураком не прикидывайся и журнал «Форбс» посмотри на досуге... У них и власть, и деньги, и сила.

– Деньги, власть... все это пыль...

– А что не пыль? – усмехнулся Михаил Калган, вспомнив свой разговор с Иваном.

– Что останется с тобой за час до смерти. О чем ты будешь думать, уходя навсегда. И ты это не хуже меня знаешь. Поэтому и боишься оказать на девятом кругу. Поэтому и пришел.

Глава 7

– Неплохо мы вчера погуляли... Но только ты, Эдик, поручи этим своим бесам, которые у тебя эскортницами занимаются, привозить девок попроще... а то эти... – Михаил Борисович вспомнил, как мелькнуло на несколько мгновений отвращение в глазах девушки, которой он накануне предложил уединиться, – слишком высокомерные.

– Миша, а ты вообще в своей жизни когда-нибудь с нормальными бабами пробовал? Или ты их боишься? – хихикнул его собеседник и старый приятель Эдик, ныне глава финансового контроля Эдуард Горемыкин. – Каких тебе попроще? Плечевых из-под дальнобойщиков?

– Да хоть бы и этих... А то я вчера к одной подкатил, а она смотрит на меня, как на говно, – заместитель премьер-министра Михаил Чернуха был уже сильно пьян – несколько рюмок водки на пустой желудок сделали свое дело.

– А как она еще должна на тебя смотреть? – с презрительной ухмылкой спросил Эдуард. – Ты вчера и был в говно... Упился как колхозник после полочки. А ведь серьезно – я тебя никогда с нормальной женщиной не видел, а только проститутки-эскортницы.

– Это про каких нормальных ты говоришь? – развязано ответил Чернуха. – Не про одну ли бездарную актрису самарского театра, которая вдруг стала московской светской львицей, писательницей и звездой инстаграма сразу после того, как стала твоей женой? Да она бы там так и трахалась по примеркам с помрежами и осветителями, если бы какие-то люди не надоумили продать квартирку, да дать кому надо денег, чтобы ее пару раз к нам в высшую лигу пустили. А здесь уж она свой шанс не упустила. Но она и сейчас о своем самарском колхозе мечтает, – громко захохотал Чернуха, – потому что у помрежа...

– Прекрати! – взвизгнул Горемыкин. – Моя жена меня любит. А ты и в колхозе никогда не был, – добавил он непонятно зачем.

Михаил Борисович Чернуха, конечно, был в колхозе и как раз там впервые и решил пообщаться с нормальной женщиной. Они, студенты второго курса, строили там колхозный свинарник. Он поехал, чтобы заработать денег, которых ему больше взять было негде. Мать, работая уборщицей на двух работах, могла его лишь накормить и одеть, но на карманные деньги уже ничего не оставалось.

Работать физически он не любил, да и делать ничего не мог, поэтому в отряде был при кухне. В его обязанности входило поднести-унести, убраться, почистить картошку и съездить в город за продуктами и заодно купить ребятам кто что попросит. Зарабатывал он меньше чем другие, но за-

то не нужно было прыгать по стропилам и таскать кирпичи. Да и времени свободного было больше.

Может от безделья он и решил приударить за местной библиотекаршей. Библиотека находилась в том же здании, где и размещался их стройотряд.

Первые дни Миша просто ходил туда каждый день поменять книжки, которые даже не читал. Наконец решив, что время уходит и деревенская девушка будет счастлива от внимания москвича, прошел за ней за стеллажи, прижал ее к стене и попробовал поцеловать. Даже сейчас, спустя много лет, он слышал в ушах звон от ее пощечины.

Это его не остановило, а лишь необычайно сильно раззадорило. Он решил, что надо идти другим путем. На следующий день он съездил в город и купил тоненькую золотую цепочку. Специально не оторвал бирку с ценником и вечером вручил ее девушке.

– А теперь согласна?

Она несколько секунд изучала ценник, где было написано: «Цена 85 рублей». Столько она получала на работе за месяц. Вдруг девушка молча встала и вышла на улицу. Обойдя здание, она вошла в комнату к командиру отряда и передала ему цепочку.

Инвентаризация на кухне показала недостачу. Мишу не били. Но ночевать ему пришлось в недостроенном свинарнике...

– О чем задумался? – прервал его воспоминания Горемы-

кин. – У тебя лицо стало, как будто ты убить кого-то решил.

– Подлая тварь... – прошипел Михаил. – Это я не тебе...

Так, вспомнилось кое-что. А ты не думал, почему Кауперман выбрал именно нас? – быстро сменил он тему разговора.

– Потому что доверяет, – пожал плечами Горемыкин.

– А мне кажется, что хотят нас сделать крайними, козлами отпущения. А вся это хрень – какая-то большая финансовая афера.

– Да что ты понимаешь в мировых финансах? Ты же в институте все у меня списывал. Если б не я, то тебя бы выгнали.

– Нас бы обоих выгнали, если бы... – Михаил опять вспомнил институт. – Все ты со своими бизнес-проектами. Забыл, как ты у гостиницы «Россия» сначала жвачку выпрашивал у иностранцев, а потом решил рубли на доллары менять?.. Идиот. Там нас и поймали... Самое смешное, что сдали нас эти самые твои любимые западные туристы. А ведь ты им готов был жопу целовать. Бизнесмен хренов! За валютные операции тогда могли и расстрел организовать... Хорошо тот кагэбэшный майор нас тогда у милицейского следователя перехватил.

Даже сейчас они не смогли найти в архивах и изъять свое дело. Там, кроме всего прочего, хранилась их расписка о согласии сотрудничать с КГБ в информировании того, что творилось в их студенческой группе и, вообще, в институте. Но это было давно и почти забылось. Теперь они были уважаемыми людьми: одними из главных руководителей страны.

Сейчас Чука и Гека беспокоило совсем другое. Три часа назад позвонил Доктор Кауперман, их не то чтобы куратор из-за рубежа, но человек, просьбы которого они выполняли беспрекословно. Он сказал, что у него к ним архиважное дело и в самое ближайшее время с ними встретится его доверенное лицо и все им объяснит. «Вы будете моими ангелами Апокалипсиса», – как-то очень серьезно сказал Доктор. И уже через пять минут позвонил поверенный Доктора и попросил о встрече. Через полчаса он был у них. Абсолютно не запоминающийся мужчина в темно-сером костюме объяснил, что от них требуется. Они согласно кивали, хотя понимали мало, а переспросить стеснялись.

– Все равно я не понимаю, – Михаил Чернуха встал с кресла вместе с фужером в руке и, подойдя к бару, в очередной раз наполнил его почти доверху. – Зачем нас привлекать к такой ерунде? Ты вообще понял, что мы должны сделать?

– Получить шесть контейнеров и развести их в шесть стран. Что здесь непонятного? Там к нам должны подойти люди и забрать их. Обо всем мы должны докладывать только Доктору Кауперману.

– Вот я об этом и говорю. Мы же по другой части, а для этого полно всяких других служб.

– Дело настолько важное, что никому нельзя доверить. Он же так и сказал: «Только вас я вижу своими всадниками Апокалипсиса».

– Эдик, посмотри на себя в зеркало, какой ты всадник

Апокалипсиса? Всадник, наездник... – Михаил Борисович сделал большой глоток и даже не поморщился, как будто пил не водку, а обычную минералку. – Ты на хорошей бабе больше десяти секунд продержаться не можешь. Тебе же сексом заниматься можно только с кардибригадой за стенкой.

– Не хами, – обиделся Эдуард.

– Ладно-ладно. Но все равно мне кажется, что это подстава. Думаю, нас хотят вывести из игры и поставить здесь, в России, на наше место кого-то другого.

– Так сложно? Могли бы придумать варианты попроще. В конце концов, просто сказать и мы бы сами с радостью переехали в теплые края, – Эдуард обиделся теперь на Каупермана, не поверив, что Доктор не может с ними поступить так по-хамски. – Никто нас убирать не будет. Мы столько для них сделали. И к тому же мы иконы российского либерализма – просто нас не уберешь.

– Не обольщайся. Нас под Большим Москворецким мостом утопить – это народу праздник устроить. Поэтому нас и берегут, как балласт на воздушном шаре. Чтобы сбросить в самой критической ситуации. Народ отвлечь.

– Не выдумывай. Это задание подтверждает, что нас очень ценят. И почему ты решил, что нас все ненавидят? Все опросы показывают...

– Ненавидят потому, что живем хорошо, – оборвал его Михаил.

– А им кто мешает?

– Они думают, что мы с тобой и мешаем. А на самом деле – лень и трусость. Чтобы хорошо жить, смелость нужна.

«Почему моя семья всегда хотела блага для этой страны, а в ответ получала лишь ненависть?» – подумал глава финансового контроля Горемыкин. Он вспомнил черно-белые старые фотографии с митингов рабочих, специально организованных после суда над его прадедом. Рабочие в первых рядах держали плакаты с лозунгами: «Пристрелить этих бешеных собак», «Смерть английским шпионам». А его прадед всю жизнь посвятил улучшению жизни этих самых рабочих. Он даже сидел в царской тюрьме, был в ссылке в Сибири и много лет вынужденно жил в эмиграции в Швейцарии и Италии. В детстве Эдик и сам часто ощущал эту зависть и скрываемую ненависть своих сверстников, которые видели, что в школу его отвозит правительственная «Чайка».

– Им всегда кто-то мешает жить хорошо, – поддержал он приятеля. – То царь-батюшка, то Сталин, то Брежнев, а теперь вот мы. Может, Сталин был прав с лагерями: только так их можно заставить работать и не воровать, – зло сказал Эдуард.

– Ты аккуратнее с такими комплиментами, – рассмеялся Михаил Борисович. – Ты же либерал. Ты Сталина должен ненавидеть.

– А я и ненавижу. Он моего деда в 37-ом к стенке поставил.

– А скольких твой дед до этого к стенке поставил? – ух-

мыльнулся заместитель премьер-министра.

– Это к делу не относится. Время такое было, и Сталин был прав: быдло надо в трудовые лагеря загонять. Но вот элиту ему было трогать не надо.

– То есть таких, как я, из рабочей семьи, надо было в лагерь, а таких, как ты, в Лондон?

– Какой Лондон?

– Ты дурачком не прикидывайся, – вдруг разозлился Михаил Чернуха. – Если бы он твою элиту не трогал, она уже тогда всю страну продала бы и на Запад убежала. За этим их сюда оттуда и прислали. А Сталин своих коллег-революционеров хорошо знал. Только мало он ваших большевиков-ленинцев на тот свет отправил. Еще бы пару лет и может действительно придушил бы и вас, а потом и Запад ваш вместе с этими Кауперманами.

– Это ты сейчас поменьше языком трепи, – так же резко ответил Горемыкин. – А то Кауперман тебя быстро опять нищим сделает.

– Надоело его бояться. Его время прошло. Мы ему сейчас можем ракету прямо в форточку прислать. Пора плюнуть на всех этих Кауперманов. Мы и сами можем свое стадо стричь, ни с кем не делись...

– Идиот ты, Миша. Был идиотом и помрешь им. Он нас раздавит легче, чем клопа... Вместе с твоими ракетами.

– Почему это?

– Из гнилых досок и кривого кирпича дом не построишь.

– Это ты про наш народ?

– А то про чей же... А ты что кипяتيشся? Патриотом вдруг стал?

– А почему бы и нет? У нас свой культурный код. Толстой, Достоевский...

– Ты откуда слова-то такие знаешь? – ехидно рассмеялся Герман. – Телевизор посмотрел? В том-то и беда, что код этот бракованный. Тот же Достоевский всю жизнь мечтал старуху ограбить, а деньги в рулетку в европейском Бад-Хомбурге просадить. А Лев Николаевич праведником стал, когда всех своих крепостных девок перепортил. А перед смертью оба так перепугались своих грехов, что к богу приползли – хоть маленькая, да надежда...

– То есть ты не веришь в бога? – вдруг очень серьезно спросил Михаил.

– Будто бы ты веришь? – удивился вопросу Горемыкин.

– Я верю. Но не в того юродивого, которого жрецы придумали, чтобы народ утешать. А того, который создал человека. Сильного, смелого, решительного. Не отягощенного понятиями греха и несуществующей морали, который твердо знает, что сила – это хорошо. А слабость и сострадание – это смерть. Такого человека он задумал и сотворил. А это жалкое подобие, чем является человек сейчас, создали попы, чтобы им народом управлять легче было. А цари их поддерживали.

И как только он закончил свою речь, зазвонил телефон.

– Опять Кауперман, – поглядев на экран, шепнул Эдик и взял трубку.

– Я забыл вам сказать о маленьком бонусе. Ну и о том, что будет, если вы не выполните мое поручение. Если коротко: справитесь с заданием, получите в награду вечную жизнь. А не справитесь... – Кауперман закашлял где-то далеко-далеко, – не справитесь, то сдохните вместе с остальными.

* * *

Доктор Кауперман конечно неслучайно выбрал этих людей для своего плана. Старого Доктора мучила совесть. Сколько людей выберут его «Рай»? По прогнозам не больше миллиарда. Это около десяти процентов. Больные, старые, отчаявшиеся. Остальные просто не поверят. Не поверят потому, что слишком необычной и чудовищной для них покажется правда. И что с теми, кто не выберет? Оставить их жить в этом мире? Но они угроза... Когда они узнают о проекте, о спрятанном в Антарктиде «Рае», они непременно найдут его и уничтожат: так уж устроен человек. «Я сделал все что мог. Я дал им выбор. Что я еще могу для них сделать? Но если кто и должен зачистить оставшийся мир, пусть это будут русские».

Может оттого, что он сам иногда не верил в свой проект, Кауперман подсознательно искал крайних на случай неудачи. Тех, на кого можно будет повесить вину. Он вложил много денег, чтобы сделать из России образ зловещего Мордо-

ра, а русских представить миру, как безмозглых орков, которые ненавидят эльфов западной цивилизации. Поэтому теперь, в случае необходимости, легко можно заставить всех поверить, что это именно они хотят уничтожить весь мир. Уничтожить без всякого повода. Просто из-за своей звериной ненависти к красивому, доброму и чистому.

Глава 8

Даже внутри здания аэропорта, где работали сотни кондиционеров, ощущалось, что за стенами тропики. Немного странно было смотреть на толпы возбужденных радостных туристов за несколько дней до предполагаемого конца света.

«Может плюнуть на все прямо сейчас, заехать за Янлин и уехать на маленький остров с белоснежным песком? И пусть весь мир летит в пропасть, – думал Иван, глядя на пальмы за окном. – Только Янлин я не звонил уже три месяца. Может ей и без меня есть с кем поехать... А еще теперь у меня Мария... Так что остров пока отменяется...»

Бесконечный траволатор в аэропорту китайского Гуанчжоу неспешно плыл вдоль панорамных окон. Здание специально спроектировали так, чтобы вид из них сразу поражал приезжающих. Из марева выхлопных газов тысяч автомобилей, смешанного с утренним туманом, как готовые к бою солдаты терракотовой армии, выступали разноликие гигантские небоскребы.

Но еще интереснее было внутри: огромные плазменные

экраны и миллионы светодиодных огней ежеминутно меняли реальность вокруг. Сначала туристы оказывались на коралловом рифе тропического моря и плыли вместе со стаями разноцветных рыб. Неожиданно рыб сменяли гигантские динозавры, а булькающий кипящей лавой пейзаж пугал своей потрясающей реальностью. Динозавров сменяли фантастические драконы и первые дворцы китайских династий. При этом изображения на экране может быть и были только изображениями, но водопад, падающий с каменистых заросших лианами скал в бирюзовое озеро в центре зала прилета, был настоящим.

Но даже, несмотря на то что брызги этого водопада падали на лицо, он, как и весь мир вокруг, казался ненастоящим, а быстро собранным макетом из какого-то гигантского лего-конструктора. Схожесть с конструктором добавляли запах пластика и дизайнерские решения оформления аэропорта. Будто бы большой ребенок спланировал так, чтобы было ярко, весело и богато.

Все это лишь ненадолго отвлекло Ивана от мыслей. Совершенно неясно было с чего начать, да и вообще что делать. Когда Иван выполнял какое-нибудь задание в Китае, ему всегда оказывал поддержку бывший генерал китайской народной армии Джан Юн. С виду это был совершенно обычный китаец: старенький, маленького роста, очень скромно одетый и всегда с угодливой улыбкой на лице. Последнее время он отрастил узкую седую бородку и стал похож на де-

душку-монаха, сошедшего с древних китайских акварелей.

Но за этой невзрачной внешностью прятался один из лучших выпускников советской Военной академии имени Фрунзе. Многие десятилетия он был членом военного совета Китайской народной республики. Но в какой-то период его отодвинули от руководства, и теперь на пенсии он работал в чудом сохранившемся со старых времен обществе российско-китайской дружбы. Точнее числился смотрителем здания, принадлежавшего этому обществу, которое сейчас больше напоминало музей. Но даже на этом месте его влияние, благодаря сохранившимся связям, было очень большим.

«Бойся китайцев, дары приносящих, – говорил о нем Сергей Андреевич Вахромеев. – У китайцев другой менталитет. Они не считают обман конкурента чем-то плохим и оскорбительным. Для них это просто один из способов вести дела».

Сегодня Джан Юн решил для Ивана проблему с транспортом. Арендовать машину в китайском аэропорту было невозможно. Но сейчас на стоянке его ждал серебряный Renge Rover Evoque, точнее его китайская копия Landwind X7.

Даже по звуку мотора было очевидно, что лошадиных сил в половину меньше. И еще запах. Если национальное животное Китая – панда, то национальным запахом надо сделать ядовитый запах пластика.

Иван позвонил генералу, поблагодарил за автомобиль и обещал быть у него через 30 минут. Но на половине пути,

увидев с высокой эстакады остатки старого города, передумал. Он резко притормозил, перестроился через два ряда, чем вызвал шквал раздраженных сигналов и свернул на маленькую улицу. Эта дорога вела в ежедневно сжимающийся, как шагреновая кожа, последний в Гуанчжоу хрущево-трущобный район. Не то, чтобы он ностальгировал по унылым панелькам, которые сейчас активно сносили, чтобы освободить место ультрасовременным небоскрегам, просто там жила и работала его хорошая знакомая Янлин. Фантастически красивая и воспитанная по китайским традициям строгой и очень уж правильной, она долго сопротивлялась его напору. А когда решила сдаться, то сделала это так, что Ивану показалось, будто он попал в древние китайские сказки. Год у них был бурный роман, но теперь все затихло. Поэтому Иван решил, что если конец света близок, то неплохо было бы попрощаться.

Иван много раз был в Гуанчжоу и всегда останавливался здесь в старом городе. Да, вокруг бегали крысы, было много мусора на узких улицах, но не воняло пластиком. Из бесчисленных уличных кафе разносились по кварталам живая китайская речь. Расплывались запахи жареного мяса и рыбы, свежего кофе и неизвестных Ивану специй, создавая пряный аромат древнего Китая.

Заехав в старый квартал, он почувствовал голод и теперь, окунувшись в этот праздник еды, не смог удержаться, тем более, что и без того узкую улицу рядом с рынком переого-

родила тетка с передвижной кухней. Конструкция была проста и немислима где-то, кроме Азии. К обычному велосипеду сбоку была прикреплена коляска, в которой прямо на ходу грелась дровяная печь. На ней кипела вода, и готовились манты, которые бабушка лепила прямо здесь. Несмотря на полнейшую антисанитарию, ее манты, необычно острые и с изумительным вкусом, пользовались большим спросом.

От нетерпения Иван быстро припарковал автомобиль поближе к стене, чтобы не загораживать проход для пешеходов, выскочил из машины и заказал у тетушки большую порцию.

В этот самый момент сквозь гул большой толпы он услышал негромкий взрыв, больше похожий на хлопок традиционной китайской петарды. Он мгновенно бы забыл об этом, но увидел, как вокруг его автомобиля начала собираться толпа. Китаец, стоявший к ней ближе всех, найдя взглядом Ивана, показал пальцем на что-то произошедшее в салоне. Судя по тому, что он, да и все вокруг, засмеялись, произошло что-то веселое. «У китайцев особенное чувство юмора», – подумал Иван.

Он рассчитался с хозяйкой, взял из ее рук прозрачный пакет с едой и поспешил к машине. То, что он увидел, его сильно озадачило. Кожа на руле была разворочена и болтались куски взорвавшейся подушки безопасности.

– Да, это совсем не Renge Rover. Китайцы-китайцы! Если вы копируете вещи, то делайте их хотя бы более-менее хорошо, – пробормотал Иван. А потом задумался: «Любопыт-

но, подушка могла сработать из-за неисправного датчика, но почему она потом взорвалась? Пиропатрон не той мощности поставили? Не слишком ли много брака, даже для Китая... Странно все это...»

Озадаченный, Иван поднял взгляд на толпу и заметил девушку, которая смотрела на него как-то слишком внимательно. «Она просто европейка. А в этом районе европейцев мало, вот и смотрит на почти земляка. Ей же любопытно, что я буду делать». А делать что-то было надо. Ехать к Янлин он передумал и, обрезав куски подушки взятым у продавщицы уличной еды ножом, поехал к генералу Джан Юну.

Отъехав десяток метров, сам не понимая зачем и почему, Иван остановился и оглянулся. Толпа расходилась, и девушки он больше не увидел. Иван вспомнил ее взгляд. «Нет. Не похоже на простое любопытство. Что-то другое было в ее глазах».

Уже выезжая на магистраль, ему пришло в голову: «Если бы не заехал в старый город, то подушка взорвалась бы на трассе на скорости под сто километров на какой-нибудь бесконечной эстакаде. Тогда бы я с вероятностью сто процентов куда-нибудь врезался с паршивыми последствиями. И стала бы полиция потом разбираться, что было раньше: взрыв подушки или авария? Что за машину организовал этот старый китайский товарищ? Сейчас разберемся!» Он надавил на педаль и смешался с потоком куда-то спешащих машин.

Глава 9

Чем больше Иван думал о взрыве подушки безопасности, тем очевиднее ему становилось, что это не заводской брак. Значит, кто-то решил его устранить. А так как машину предоставил Джан Юн, то выходит, кроме него сделать это было больше некому.

Еще час назад Иван хотел все бросить и умчаться на тропический остров. А теперь ему стало интересно, зачем старому китайцу понадобилось портить отношения, которые он выстраивал несколько десятилетий. Значит все очень серьезно и важно. Иван представил, что мог бы сейчас лежать не на белоснежном хрустящем пляжном песке, а в каком-нибудь китайском морге на холодном железном столе.

«Так вот вы какие, китайские друзья! – разозлился он. – Значит, генерал Вахромеев был прав. Для китайцев главное – это достижение своих целей. А товарищи-попутчики лишь инструмент, который можно поменять в любой момент или просто уничтожить».

Вспоминая всегда крайне любезное, почти заискивающее поведение старого китайского генерала, Иван разозлился еще сильнее: «Сейчас я послушаю, что ты скажешь, старый хрен. Наверное, не думал со мной больше встречаться?»

Дом Дружбы находился в так называемом колониальном районе Гуанчжоу. Несколько шикарных кварталов отделили от остального города и быстро благоустроили, когда Китай в 19-ом веке был оккупирован Британской империей.

Иван поставил машину в двух кварталах от нужного здания и пошел пешком. Вокруг были особняки в стиле ампира, традиционном для тогдашних европейских носителей гуманизма в дикие народы.

Для тех, кто не принимал новые порядки добрых западных миссионеров, всегда быстро находились пушки с картечью, концлагеря и расстрельные команды. Дворцы и замки и сейчас поражали своей роскошью. Массивные колонны ограждали высокие парадные двери от посторонних глаз. Вычурные лепные гирлянды на фасадах и наборных наличниках вокруг больших окон говорили о неожиданно свалившемся богатстве. И о том, что хороший вкус за деньги не купишь. Высокие ротонды и бельведеры, венчающие крытые позеленевшей медью крыши, намекали на желание возвыситься над окружающими. А с постаментов вокруг здания и с высоких карнизов на людей грозно смотрели охраняющие дворцы грифоны, горгульи и химеры, рассказывая всем, что их хозяева, как и все преступники, живут в постоянном страхе, понимая, что от расправы их не спасут ни высокие кованые заборы, ни мифические хищники.

«Рублевка, она и в Китае Рублевка, – вспомнив Россию, пришло в голову Ивану, – даже если английская».

Тех европейцев из Китая давно выгнали и сейчас в тени древних платанов и вязов гуляли туристы. Все это было очень нехарактерно для Китая и было больше похоже на театральные декорации к спектаклю о какой-то чужой жизни.

На высоком каменном заборе Дома Дружбы висела гранитная табличка с текстом о вечной дружбе Китайской Народной республики и Советского Союза написанная на трех языках: русском, китайском и зачем-то на английском. «Вечного ничего не бывает», – подумал Иван. Он нажал на кнопку вызова и чугунная калитка сама открылась. Через ухоженный сад вдоль красивого пруда с цветущими лотосами он прошел к крыльцу, где на ступеньках его ждал Джан Юн.

Иван хотел понять по лицу китайца, как тот отнесется к его появлению. Но быстро убедился, что это затея была бы абсолютно бесполезна даже для психолога-физиономиста. Джан Юн как обычно излучал радушие, а глаза старого китайца светились искренней радостью от встречи.

– В машину, которую вы мне предоставили, кто-то подложил взрывчатку! – резко сказал Иван. – Она только чудом не сработала на трассе. Если бы я не изменил маршрут, то, скорее всего, погиб бы. Не рассказите, любезный Джан Юн, кто так хочет меня устранить?

– Я вижу, что мой хороший друг сильно расстроен. А злость не самый лучший советчик. Смею предложить вам сначала отдохнуть и восстановить силы после долго перелета и неприятных событий, которые с вами произошли. А когда вы успокоитесь, мы вернемся к нашему разговору.

Иван решил, что китаец прав. Все произошло слишком быстро. Сначала вызов в Москву, непонятное задание, потом сразу перелет в Китай и здесь это покушение.

Он знал, что за зданием Дома Дружбы находится флигель. Что-то похожее на клинику народной медицины, где еще в советские времена по китайским древним методикам восстанавливала здоровье партийная элита СССР. Сейчас, конечно, все изменилось, и часть флигеля занимала частная фирма, но кое-что все-таки осталось и использовалось для встреч и обслуживания редких гостей.

– Баня и массаж с ароматерапией – лучше средство чтобы восстановить ваше самочувствие. Оставляю вас под наблюдение наших врачей.

В саду у небольшого искусственного ручья их уже ждали две девушки в красных, расшитых золотыми цветами китайских национальных одеждах, сложив руки в приветственном жесте.

– Хочу лишь напомнить китайское правило, – хитро улыбнулся Джан Юн, – сформулированное еще в нашей философии мудрецом Лао-цзы. Хорошие стремления стимулируют и вдохновляют, помогают мозгу хорошо работать, а достижение цели истощает. В конечном итоге цель неважна, главное путь к ней.

Уже через несколько минут, лежа на массажном столе, Иван понял, что имел в виду старый китаец. Девушки своими чуткими руками и иглами доводили его до крайнего возбуждения, а потом сразу остужали, не давая желанию победить все остальные чувства.

Через час, когда Иван, завернутый в махровый халат, пил

ароматный чай, расположившись на низком диванчике, пришел Джан Юн. Иван заметил, как китаец быстро оценил его состояние и, прибавив свои личные наблюдения к докладу девушек-врачей, остался явно доволен.

– Тому, кто участвует в деле – все потемки, тому, кто смотрит со стороны – все ясно, – пробормотал китаец себе под нос и потом произнес громче, – вот такие дела, Ваня...

– Вы это к чему?

– Я, Ваня, знаю, что ты торопишься, – Джан Юн перешел на «ты», показав, что хочет вернуться к прежним дружеским отношениям, – и поэтому перейду сразу к делу. Кто-то очень хочет нас поссорить... И не только лично нас с тобой, но и два наших великих государства. Ты же знаешь их метод – разделяй и властвуй.

– Но откуда кто-то мог узнать, что я приезжаю? И уж тем более узнать про машину и ухитриться заложить в нее взрывчатку? – спросил Иван, все еще не доверяя генералу.

– О твоём задании они могли узнать от твоих же начальников. К сожалению, не все могут удержаться от больших денег. А вот с машиной могли поработать только мои люди. Скоро я узнаю, кто это сделал и сразу тебе сообщу.

Иван знал, что генерал Джан Юн не хвастается зря и точно скоро все узнает. Может его методы и были не совсем гуманны, но зато очень эффективны.

– Наши враги никак не могут смириться с тем, что потеряли Китай, как свою колонию, – продолжил генерал. – Ты

же видишь, какие дворцы они себе здесь построили. Надежались, что вечно будут вывозить богатства из нашей страны, заставляя нас работать за миску риса. Теперь их время уходит, но они еще сопротивляются. То, что случилось с тобой – это дело их рук.

– О ком вы говорите? – после восстановительных процедур Иван уже не хотел ругаться. Он был очень расслаблен и почти не чувствовал своего тела, но отметил, как легко крутились шестеренки в его голове. – Вам китайцам везде мерещатся враги.

– Может быть ты в чем-то и прав, а может быть вы, русские, плохо видите своих врагов и многих из них считаете друзьями и партнерами, – лицо у Джан Юна неожиданно изменилось. – Китайцы действительно не могут забыть те зверства, что творили здесь англичане, французы, американцы и японцы. Одна резня в Нанкине чего стоит. Но жертвы китайцев не принято считать. А ведь только во второй мировой китайцев погибло больше, чем всех других людей вместе взятых...

– Я всегда думал, что больше всех потерял Советский Союз...

– Вот об этом я и говорю. Ты когда-нибудь думал, почему войны с Британией за свободу Китая называются «опиумными»?

– Если честно, я не очень хорошо знаю вашу историю.

– Англичане привозили сюда из Индии опиум, наркотик,

чтобы им здесь торговать. Фактически Британская империя стала крупнейшим наркокартелем в мировой истории. Вот откуда их сегодняшнее богатство. Их целью было заработать на этом бешеные деньги и одурманить народ, чтобы он не понимал, кто сидит у него на шее.

– Но они привезли вам западное образование и медицину, науки, технологии... Ведь Китай тогда был раздроблен и китайский народ, о котором вы так заботитесь, воевал друг с другом за непонятно чьи интересы.

– Это дело только китайского народа! – вдруг взорвался генерал. – Наша культура и история намного древнее европейской. Чему они могли нас научить? Кстати, и русские цари погрели руки на тех войнах.

В этот момент Ивану показалось, что в глазах Джан Юна мелькнуло пренебрежение.

– Вы хотите сказать, что русские воевали за английские интересы?

– Надо лучше знать свою историю, – уже сдержанно произнес Джан Юн. – Ты не задумывался на чьи деньги и за чьи интересы ваш великий Суворов лазил по далеким от России Альпам, а Ушаков в то же время штурмовал далекий Неаполь? – посмеиваясь в седые длинные усы, поинтересовался китаец.

– И за чьи же? – Иван немного растерялся.

– За интересы английской королевы, Ваня, русские солдаты погибали очень далеко от дома. А когда ваши цари наду-

мали послушаться, то быстро получили от англичан по носу под Севастополем в Крымской войне. Это было как раз во время опиумных войн, которые Англия вела одновременно здесь, в Китае.

– Вы правы. Китайские дела – дело китайского народа. А вы уж не лезьте в наши дела – сами разберемся, – не зная что возразить и почему-то вдруг обидевшись, сказал Иван.

– Конечно, Ваня, ты прав, – великодушно улыбнувшись, согласился генерал, потом не удержался и добавил: – Любить свою страну нужно обязательно, но иногда наш патриотизм используют нечестные люди. И этого надо бояться. Может получиться так, что из хорошего патриота вырастет плохой нацист. А там и до газовых камер недалеко...

– Давайте лучше о делах, – резко перебил Иван. – Мы здесь совсем не для обсуждения истории встретились.

– Да-да. Конечно. Только не зная истории, не узнаешь кто твой враг. А это знание поможет нам найти, кто хотел подстроить эту аварию. И вообще разобраться с тем, что происходит. Вот такие дела, Ваня.

– Как нам в этом может помочь ваши опиумные войны и походы Суворова через Альпы?

– В мире, Ваня, уже сотни лет ничего не меняется. В той системе координат, что вы называете западной цивилизацией, интересы у людей одни и те же. Это деньги и власть, которую они дают. Поэтому мотивы всех поступков можно легко разгадать. Нужно лишь понять кому это выгодно.

– И кому же выгодно эта авария? – Иван скептически улыбнулся. – Вы же знаете, зачем я здесь. Есть информация, что кто-то решил выпустить вирус, чтобы уничтожить все человечество. Кому это может быть выгодно? Вы, вообще, в это верите?

– Уверен, что никто не собирается уничтожать всех. Но вот сократить население, хотя бы наполовину, хотят многие. Пряников, Ваня, на всех никогда не хватает. Ресурсов на Земле все меньше и меньше, поэтому те, кто наверху, смотрят на большинство людей, как на лишние рты. И отталкиваясь от этого, мы можем найти ответы на все вопросы.

– То есть началась война?

– Она никогда не прекращалась. А сейчас мне кажется, кто-то решил сильно переключить этот мир. Многие страны и народы просто могут исчезнуть навсегда, – Джан Юн взглянул на молодого человека так, как будто имел в виду Россию.

– Вы же сами говорили пять минут назад, что в мире много веков ничего не меняется...

– Да, так было... Но всему приходит конец. Те, кто когда-то хотел сделать из нас мировую фабрику, сильно просчитались. Из-за своей жадности они поглупели и не подумали, что будет дальше.

– А что будет?

– Китай стал самой мощной державой в мире и скоро наша великая страна займет то место, которое заслуживает.

– А все остальные с этим согласятся?

– Китай настолько могущественен, что ему нет дела, о чем думают другие. Их выбор – стать союзником или быть уни-чтоженным.

Иван понял, что его знакомого понесло. Пропустив часть его фраз мимо ушей, он решил все-таки понять, что известно генералу на самом деле.

– То есть вы хотите сказать, что те, кто дал вам технологии, настолько глупы, что не заметили, как сами вырастили себе могильщика?

– Китай рано или поздно и без них стал бы самой мощной державой. У нас всегда была в головах «Великая идея». Без идеи, без цели народ быстро превращается в толпу, а из толпы в стадо. А стадо всегда рано или поздно приведут на бойню.

– Мне казалось, что чаще именно с помощью идеи народ ведут на бойню.

– Да и так бывает с ложными идеями. Особенно если идею народу подкинули со стороны. Но у Китая своя, выстраданная веками, а те, кто управляет миром, слишком давно лежат на мягкой перине. Они давно потеряли связь с реальностью и все еще считают, что могут забирать у аборигенов золото и нефть в обмен на стеклянные бусы. Им кажется, что созданный ими порядок несокрушим. Но однажды утром он рухнет как карточный домик. Придет время и всех, кто собирался паразитировать на китайском народе, мы соберем на суд на площади Тяньаньмэнь. А пока... Китайцы терпе-

ливые. Мы будем улыбаться врагам в лицо, смеясь в душе над их жадностью и глупостью. Карфаген, Ваня, будет уничтожен.

– Вы так в этом уверены, как будто это уже случилось.

– Да, мы в этом уверены. Если ты в своей жизни главной целью выбираешь деньги, то ты уже проиграл. Деньги могут быть только инструментом достижения цели. Но никак не самой целью.

Через двадцать минут капитан Иван Ясенев подошел к своей машине.

«Джан Юн говорит может и правильно, но он так и не ответил, кто мог взорвать мою машину, – молодой человек смотрел на оборванные куски подушки безопасности. – Пора ехать в аэропорт, встречать этих... как их там называли в Конторе? Министр Чук и председатель правления Гек. Два стукача с огромным стажем. Да-а, с такой элитой нам в этой войне не победить...»

Его размышления прервал телефонный звонок. Звонил генерал Вахромеев.

Глава 10

Из Антарктиды Генри Мидас добирался в полушоковом состоянии. Увиденное его настолько потрясло, что он не мог ничего толком осознать и проанализировать пока не добрался до дома и не выпил полный стакан бурбона Maker's Mark.

Сразу же опять наполнив его до краев, он сел перед пано-

рамным окном с видом на каньон и горы, и попытался разложить все по местам.

Главное, что всегда его интересовало – это сколько и как можно на этом заработать. Перспективы были такими грандиозными, что он не знал с чего начать. Все, что он увидел там, в Антарктиде, сулило огромные прибыли. Он абсолютно не сомневался, что весь этот проект был придуман Кауперманом не из-за какой-то заботы о человечестве – причиной была обычная старческая деменция и страх смерти.

Старый Кауперман просто не хочет помирать в одиночестве и хочет забрать с собой побольше народа, чтобы после него ничего здесь не осталось. Только безжизненная пустыня. Как когда-то вожди варваров ввели закон, что после их смерти должны быть убиты все их многочисленные жены и собаки, так и этот выживший из ума грешник хочет, чтобы после его смерти на планете никто больше не мог радоваться, любить и наслаждаться жизнью.

Да и с этим его «Раем» какая-то ерунда. Даже если что-то и получится, то это будет не рай, а какая-то оранжерея для юродивых. Мир, в котором все желания сбываются по мановению волшебной палочки – это любимая мечта лишь для бездельников и идиотов. Настоящее счастье – это победа, полученная в борьбе, в преодолении. Да, и если в мире нет боли, нет тени, то, как поймешь как прекрасен свет?

Счастье – это знать, что ты лучше других, сильнее их,

умнее. А определить это можно только одним способом: проверить банковский счет. Настоящий пьедестал только один – список «Форбс». И настоящий победитель должен занимать первое место.

Сейчас есть великолепный шанс получить то, что мне принадлежит по праву. А самое замечательное в проекте Каупермана то, что заработать можно на всем. И начинать надо с вируса. Он абсолютно прав: человечество зашло в тупик, потеряло ориентир, деградировало.

Именно весь этот каупермановский гуманизм, основанный на левых социалистических идеях, и привел к тому, что те, кто раньше бы сдох в детстве от недоедания и отсутствия медицинской помощи, сейчас выживают и заполняют все наши города. Испорченный генотип, врожденная лень, отсутствие других целей, кроме как справиться свои низменные природные потребности, делает их уже не людьми в настоящем понимании этого слова, а вырождающимся стадом двуногих существ, которые громят магазины, поджигают и грабят дома успешных порядочных людей. Они даже не знают чего хотят. Весь их протест – это зависть к успешным людям. Кто им не дает самим пробиться? Лень. Им проще сидеть на подачки от государства.

Зачем они нужны? Кому? Работать они никогда не пойдут, да и не нужны сейчас неквалифицированные бездельники в таком количестве. Все могут делать машины. В моем огромном доме кроме меня нет ни одного человека и мне от

этого только спокойнее.

Так что, сократив население планеты, мы ей поможем. Мы сохраним нужные ресурсы, сократим выброс вредных веществ. Мир станет чище, здоровее и безопаснее. Достаточно чтобы на Земле осталось два-три миллиарда человек. С этим все ясно.

Теперь о тех, кто останется. То, что они получают возможность жить, не дает им право просто радоваться жизни. За это придется платить. Мы создадим такой страх перед вирусом, что за вакцину и лекарство они будут отдавать столько, сколько мне будет нужно. Но это не все.

Каупермановский «Рай» может принести еще большие денег. Ведь места в нем можно продавать. Это же даже лучше чем лекарство от вируса. Потому что надежда на вечную жизнь всегда продавалась дороже, чем сама жизнь. На этом основаны все религии. На обещании – если ты здесь будешь вести себя хорошо, то там тебе за это воздастся. А у кого ключи от «Рая», тот получается... Бог.

От таких перспектив у Генри так забило сердце, что он не смог усидеть и, схватив стакан с виски, стал ходить взад-вперед перед окном.

Я могу стать властителем мира и скинуть с трона всех засидевшихся правителей!.. А не скинут ли потом меня? Надо что-то такое придумать, чтобы я смог держать всех в страхе без армии и полиции, которые сами могут у меня все отнять.

Я должен управлять один, держа все только в своих руках. Прямо отсюда, из своего дома. Интернет, компьютер, смартфон... Эти вещи сейчас есть у всех. Кауперман прав: с помощью них можно узнать о человеке все. Но как можно управлять с их помощью?.. Не формировать поведение, а управлять в прямом смысле...

Мысли неслись в голове с огромной скоростью. Чтобы не упасть Генри хотел сесть, но остановился у стола и, оперевшись на него двумя руками, застыл на месте.

Нужно чтобы человек, первое – был постоянно на виду. Это уже есть. Не мог спрятаться. Это тоже есть... Чтобы на него можно было воздействовать не через медийные средства типа социальных сетей, а сразу напрямую в мозг. Этого пока нет. А для этого смартфон или что-то похожее надо вживить в самого человека... Чип! Эврика! Все же очень просто! Надо вживить чип прямо в мозг... Чип-компьютер. На котором будет вся информация. Что смотрел, с кем и о чем говорил, какие и где комментарии оставил. И конечно, где работает, как работает, сколько опозданий и других нарушений. На что тратит деньги... И от этого программа самостоятельно будет присваивать каждому социальный рейтинг, и от него будут зависеть все возможности человека. Возможности иметь тот набор удовольствий, которые он заслужил. Это же так просто: чтобы поехать в отпуск на море, купить новый дом или новую машину ты должен иметь нужное количество баллов в своем

социальном капитале. А иначе сиди дома. Даже развестись или просто поменять партнера ты без этого не сможешь. Это же даст безграничную власть над миром! А эти старые пердуны Кауперманы и прочие должны уйти...

У всех будут номера, и мой домашний компьютер будет знать все о каждом из них... Номера в программе – как же это просто! Почему я сразу не додумался? Где-то были такие номера и что-то подобное... Но это было давно. Весь мир теперь будет под моим колпаком. И никто не осмелится перечить, потому что людей пугает не само наказание, а его неотвратимость. А с всевидящими чипами любое нарушение не останется без последствий.

С помощью этого социального рейтинга легко будет держать людей в жестком ошейнике. И для этого даже не понадобится использовать в этом чипе что-нибудь типа электрошокера. Вместо него будет постоянный страх... Через этот чип можно будет воздействовать на любую часть мозга, как наказывая, так и поощряя. Можно будет заставить мозг вырабатывать гормоны счастья – дофамин и серотонин – это же природные наркотики. Мир дофаминовых наркоманов. А для сомневающихся будет постоянный страх! Гормоны страха, паники, ужаса для несогласных.

Генри от радости и предвкушения засмеялся неестественным, самодовольным смехом.

Объяснить людям, зачем нужен чип, будет очень легко. Я скажу им, что вирус постоянно мутирует и чип поможет

вовремя провести его точный анализ и на основании этого подобрать курс лечения. Можно добавить, что чип будет постоянно мониторить все функции организма: от глюкозы и лейкоцитов, до холестерина и давления. Причин можно найти миллион – от заботы о здоровье до поиска преступников.

И ведь мир действительно станет лучше. Без преступности и революций, без диктаторов и тиранов. Общество, о котором тысячи лет мечтали лучшие философы. И не в каком-то Кристалле, а здесь, на Земле...

Я верну человечество на дорогу, с которой оно свернуло. Может быть все, что происходило раньше, было только ради этого?.. А значит я Мессия нового совершенного мира!

Кауперман не понимает, что никто не захочет в его «Рай», кроме неудачников и умирающих. Как бы плохо ты не жил, лучше здесь, чем где-то в неизвестности. Он предлагает стать мне просто гигабайтом информации в его «Райю», одним из миллиардов. А я ведь могу быть Богом!

Только одно мне может помешать – этот каупермановский вирус. Я про него ничего не знаю. Ни про его свойства, ни как он распространяется, ни кто этим занимается... Старик хитер... А есть вообще этот вирус?

Я найду кто этим занимается. Он что-то говорил про русских. В любом случае, русские должны про это знать. А у меня там много хороших друзей, которые к тому же мне сильно обязаны.

Глава 11

– Ваня, твои клиенты прилетят в Гуанчжоу через час, – услышал он в телефоне голос Вахромеева. – Сделали все что смогли, чтобы их немного задержать. Встречать в аэропорту их не надо: мы выяснили, где они остановятся. Они сняли целиком пентхаус отеля Crowne Plaza. Не мелочатся. Знаешь где это?

– Конечно.

– Тебе мы тоже сняли там номер, прямо под ними.

– Понятно. Только неясно, что мне нужно делать.

– Пока наблюдай. Разберешься. С Джан Юном встретился?

– Да. Но толку от этого мало.

– Ваня, все как всегда. Рассчитывай только на себя. Помощи тебе ждать не от кого. С нашими там не контактируй. Понимаешь о чем я?

– Понимаю.

– И еще... Завтра утром они уже вылетают в Индию. Напомню тебе, что Индия и Китай – это почти половина населения земли. Если там что-то случится... В общем, Ваня, все очень серьезно. Удачи тебе.

Отель Crowne Plaza расположился в стеклянной башне на Хуаньши-Роуд в центре города. В его пентхаусе, выходящим окнами на великолепный парк Юэсю, любили останав-

ливаться и устраивать шумные оргии богатые арабы и российские жулики.

От старого колониального района острова Шамянь, расположенного на Жемчужной реке, где сейчас был Иван, до площади Хуа Чэнь Цветочного города шла зеленая аллея длиной более полутора километров. Поэтому можно было дойти пешком. Иван решил прогуляться и подумать о сложившейся ситуации. По красивому каменному мосту он перешел канал, еще с колониальных времен отделяющий этот район от остального города, и пошел в сторону центра. В бейсболке, кедах и с небольшим рюкзачком за спиной он сейчас ничем не отличался от тысяч туристов, снующих вокруг. Генерал прав: если здесь случится то, чего они боятся, то завтра эту заразу разнесут по всему миру.

Если никуда больше не заходить, то он успеет забежать в номер, который ему сняли. Практической пользы для дела от того, что он располагался прямо под пентхаусом, не было никакой. Оборудования не было, а живое наблюдение организовать было невозможно: к пентхаусу вел отдельный лифт от отдельного охраняемого входа. И помощи от наших в Китае было приказано не просить. Да и какая помощь? Сейчас на весь Китай осталось человек пять действующих агентов, которыми руководят из Москвы десятков генералов. Не факт еще, что в Китае эти ребята занимаются своими прямыми обязанностями, а не выполняют разные личные поручения тех, кто больше платит. Ведь именно об этом намекал Вах-

ромеев.

Зато у Джан Юна в этом пентхаусе оборудование для наблюдения и прослушки стоит стационарно. И людей он сможет привлечь сколько угодно. А вот захочет ли он делиться информацией или нет – это уже его дело.

«Вот такие дела, Ваня. Найди то, не знаю что. Или, как говорят китайцы, трудно найти черную кошку в темной комнате. Особенно когда ее там нет. А может, и правда ничего нет? Ну не верится, что два человека такого уровня будут возить с собой вирус. Зачем им рисковать? Для этого полно специально обученных людей».

Опять зазвонил телефон.

– Ванечка, ты меня бросил? Я сижу в твоей квартире и жду, когда ты вернешься. Приготовила полно всяких вкусовностей, а тебя все нет и нет, – шутливо пожаловалась Мария.

«Как нехорошо получилось, – тут же пронеслось у него в голове, – я же сказал ей, что мигом в Москву и обратно, а сам... И даже не позвонил».

– Машенька, мне на несколько дней пришлось уехать.

– Надеюсь не на море в теплые страны?

– Вообще-то, если честно, море здесь недалеко и пальмы растут.

– Вот как... – обиженно пробормотала Мария.

– Маш, это работа. Все произошло настолько быстро. С совещания в аэропорт и сразу сюда.

– А сюда, это куда?

– В Китай.

– В Китай? – удивленно протянула Мария. – Надеюсь, без молодой помощницы?

– Ну нет конечно. Я один. Сейчас видео пришлю.

– Ну, тогда ладно, – уже спокойно согласилась Мария, понимая, что возмущаться сейчас без толку. – Если ты говоришь, что там море и пальмы, может ты там домик нам присмотришь? – решила она сменить тему.

– Конечно. Я этим и занимаюсь, – облегченно ответил Иван.

– Ну, тогда до встречи. Я пока у тебя поживу. Надо же все съесть, что я приготовила.

Иван выдохнул. С Марией было легко. Другая бы устроила скандал, а с ней вообще было все проще, как-то надежнее и спокойнее. Наверное, пришло время заканчивать с холостой жизнью. Может быть, действительно, купить домик, даже здесь, в Китае. Но тогда надо будет распрощаться со многими мечтами. Семья же это не только домик, а общие интересы, дети. Но проблема в том, что пока ничего в его душе не говорило о желании стать отцом. Да и страшно было немного. Это как оказаться на вершине горы и решить, в какую сторону съехать на лыжах. Ведь обратной дороги уже нет и свернуть не получится. Потом уже уйти от жены и детей он не сможет – так воспитан. Мария, наверное, будет отличной женой. Домашняя, чрезмерно заботливая, с легким характером. У нее все просто: самое важное для женщины – муж и

дети. Она права. А разве этого мало? Но если это основное в жизни, тогда все остальное – карьера, богатство, положение в обществе, какие-то придуманные идеалы – полная ерунда, мишура и самообман.

Кто-то утверждает, что без денег не вырастишь детей, не дашь им хорошее образование. Да это сказки. Имея деньги, вероятность воспитать богатых, ленивых и злобных мажоров такая же, как без денег вырастить тупых завистливых гопников. Что, у того генерала из Конторы денег мало, связей, возможностей? А сынок мерзавец и наркоман.

«А вдруг Мария не та женщина, которая мне нужна? А что если у меня будет сын наркоман и мерзавец? Смогу ли я воспитать детей правильно? Да и зависит ли что-то от родителей... Ведь очень важно, чтобы людям было интересно вместе... Готов ли я к домашним тапкам, к дивану и футболу и, естественно, потере свободы? Ведь без этого никак. Да... Обратного на эту горку не подымишься, сначала не начнешь. А с другой стороны, в жизни вообще обратной дороги не предусмотрено...»

* * *

Следуя намеченному маршруту, Иван, который хотя и был здесь много раз, зайдя за угол старинного храма Шести баяновых деревьев, как всегда неожиданно увидел во всей красе современный Гуанчжоу. Он будто перенесся в будущее на машине времени. Десятки футуристических небо-

скребов давали понять, что Китай уже не то слабое, раздираемое гражданскими войнами государство, которое поочередно было колонией то англичан, то японцев, то американцев. А страна с самой мощной экономикой в мире.

На стеклянных фасадах башен в это время загорелась яркая подсветка, раскрасив десятками цветов не только сами небоскребы, но и небо вокруг. Стемнело. Иван посмотрел на часы – его Объекты скоро подъедут к отелю. В номер зайти он уже не успеет и надо быстро найти и занять хорошее место для наблюдения.

Вход в отель для тех, кто арендовал пентхаус, был не с главной улицы, а с небольшого переулка. А как раз напротив было маленькое кафе. Лучше места не придумаешь. Иван занял столик у окна прямо напротив входа. Все было как на ладони.

Кафе подвернулось очень вовремя. После прогулки он был голоден и набрал целый стол еды. Заказал огромную тарелку говяжьего супа с лапшой, рис с морепродуктами, роллы из креветок и свой самый любимый бодрящий черный чай пуэр.

«В Москве так толком ничего и не объяснили. И китаец темнит. Не будут же они распылять этот вирус прямо на улице, зачем им себя так подставлять? – думал Иван, ожидая свой заказ. – Кому это выгодно? Одни вопросы...»

За мыслями и едой он не сразу заметил, как поток машин постепенно затих. Дороги перекрыли и вдоль улиц в како-

м-то ожидании стали скапливаться люди. Было похоже, что намечается очередной китайский карнавал.

Со своего наблюдательного места за столиком в кафе Иван увидел, как ко входу в отель подъехала машина. Он сразу понял, что это те самые Чук и Гек. Дальше все произошло очень быстро. К машине тут же, даже раньше зазевавшегося швейцара, подошли два китайца, которые явно чего-то боялись и не хотели бросаться в глаза. Прибывшие и китайцы заговорили друг с другом. Россияне видимо предложили зайти внутрь отеля, но китайцы отвергли предложение, подтверждая отказ сильной жестикуляцией. Потом чуть ли не силком схватив наших за руки, они увлекли гостей вглубь переулка.

Иван, чуть с запозданием, достал из рюкзака фотоаппарат. Если будут хорошие снимки, то их можно будет попробовать идентифицировать, этих китайцев. Но их лица, даже через мощную оптику, отсюда было почти не видно.

Иван быстро бросил на стол деньги, схватил рюкзак и выскочил на улицу. Осмотревшись, понял, что лучше было фотографировать через окно кафе. Вся центральная улица была забита толпой туристов. И пробраться через них, даже несколько десятков метров, было почти невозможно.

По улице на палках несли извивающегося многометрового красного дракона, а за ним прыгали, крутились и плясали акробаты, жонглеры, музыканты с барабанами и трубами. Все это вместе с постоянно взрывающимися петардами

создавало страшный шум и грохот. Надвигающихся открытых платформах очень эротично танцевали девушки в разноцветных костюмах, украшенных яркими перьями, как на бразильских карнавалах и юные длинноногие школьницы в коротких клетчатых юбках, напоминающие группы поддержки в американском футболе.

«Как этот карнавал не вовремя! Не Джан Юн ли все это затеял? С него станется. Он-то может организовать все что угодно. Нельзя китайцев иметь врагами. Слишком большие у них возможности».

Наконец Ивану удалось прорваться сквозь толпу и свернуть в переулок. Машины у входа уже не было. И даже швейцар уже скрылся за огромной стеклянной дверью. Да и вообще, в переулке, насколько Иван смог разглядеть в мерцающих отсветах огней, уже никого не было.

«Это провал», – заключил Иван.

Бежать в темноту по переулку было бесполезно. Они могли свернуть куда угодно. Оставалось только ждать, что они вернуться, если только за это время они уже не сделали все дела и не поднялись в свой пентхаус. Молодой человек поднял голову вверх. В ярких огнях даже разобрать, где заканчивается небоскреб, было невозможно.

Иван оглянулся на толпу. Несколько участников карнавала, выряженных черно-белыми пандами, видимо устав, отделились от праздничного шествия, и зашли в переулок. Одна из панд откинула за спину звериную голову из толстого плю-

ша, и Иван узнал ту самую девушку с агатовыми миндалевидными глазами, которая была утром у его машины. В эту секунду, одновременно с пониманием, что это ловушка, он почувствовал укол в плечо и почти мгновенно потерял сознание.

Глава 12

Фридрих Уотсон сидел на краю огромной кровати и смотрел на свои худые синюшные старческие ноги. Он опять не успел дойти до туалета, и мокрая теплая жидкость стекала вдоль синей вены на паркет из экзотического дерева зебрано.

«Спать в памперсах тебе стыдно, а заставлять горничную каждый день менять матрас – нет. Пора смириться с этой немощью», – подумал старик и по привычке положил руку на левую грудь. Операция по трансплантации, проведенная несколько месяцев назад, прошла отлично. Пересаженное сердце прижилось, работало исправно, билось ритмично, не болело, не доставляло дискомфорта, боли и неудобств.

Фридрих вздохнул и провел пальцами по синим цифрам на груди чуть выше соска. За восемьдесят лет номер заметно стерся, а две последние цифры вообще было уже не разобрать. Но он, как будто это было вчера, отчетливо помнил тот день, когда этот номер одним ударом нанесли ему на тело. Как пытался сдержать слезы, наполнившие глаза от страха, стыда и боли, когда они вместе с отцом, голые, отстояв длинную очередь в тусклом коридоре на холодном каменном по-

ду, присыпанным опилками, получили эти стигматы. И как отец, надев робу с двумя нашитыми треугольниками, одним желтым, а поверх него черным, сказал: «Все проходит, сынок, и это пройдет».

Конечно, уже многое стерлось из памяти навсегда. Как не пытался, он не мог вспомнить пересыльный пункт, где последний раз увидел мать и младшую сестру. Давно забыл, как начался весенний день, когда лагерь освободили Советские войска. Но и сейчас, закрыв глаза, видел тот зеленый танк с красной звездой на башне, который утюжил, вдавливая в грязь, ряды заборов с колючей проволокой и сносил сторожевые вышки.

Из Германии они уехали в США. В Америке отец часто бывал до войны. Еще тогда хорошо знал многих промышленников, даже дружил с Генри Фордом. Теперь, когда в Европе разгребали руины, здесь страна была на подъеме. Экономика росла как на дрожжах. Отец очень быстро создал с нуля свою сталелитейную империю.

Фридрих поступил в Университет, но учиться не смог. Бескрайний океан около Сан-Франциско, красивые девушки и начало эпохи свободной любви манили больше, чем душные аудитории. Неизвестно чем бы все это кончилось, и как бы дальше сложилась жизнь Фридриха, если бы однажды утром отец не пришел в его комнату, где молодой человек отлеживался после очередной гулянки, и, поставив рядом с кроватью небольшой чемодан, не сказал:

– В этом чемодане ровно миллион долларов наличными и билет до Парижа. Это мое наследство тебе. Можешь прогулять все это в Европе и забыть, что ты мой сын. В этом случае ты больше ничего не получишь. А можешь приумножить эту сумму и таким образом доказать, что ты имеешь право называться моим сыном. Внизу ждет машина. Водитель отвезет тебя в аэропорт.

За шестнадцать часов перелета, проведенных в удобном кресле верхней палубы Boeing 377 Stratocruiser, Фридрих принял главное решение в своей жизни.

В Париже он, никуда не заезжая, взял билет до Мюнхена. Там нашел руины того дома, где они жили всей семьей до войны и пообещал себе, что вернется в Америку к отцу только доказав, что не зря выжил в концлагере.

В США Фридрих вернулся нескоро. Сначала он играл на бирже. Два раза почти удваивал свое состояние и два раза становился нищим. И только в 1968 году он наконец взял билет до Сан-Франциско.

Фридрих больше не рассчитывал на слепую удачу. Его европейский небольшой завод, оцененный в несколько миллионов долларов, был лидером по производству медицинского оборудования.

Понять по лицу отца, следил ли он за жизнью своего сына в Европе или нет, было невозможно. Он поприветствовал его как-то нервно и почти сухо. Фридрих положил перед отцом на стол годовой отчет о своем предприятии. Тот начал

листать и с каждой страницей лицо его менялось. Закончив, он встал, обнял сына и заплакал.

С того дня, как их разлучили с женой и дочкой, главной целью его жизни было спасти, сохранить и воспитать сына. И он смог это сделать.

Через месяц отец умер, просто не проснувшись утром. Видимо, копившееся напряжение сильно подорвало его здоровье. И когда он понял, что можно вздохнуть спокойно, какие-то его внутренние резервы просто выключились и дали наконец ему отдохнуть.

Через три года газета The New York Times назвала Фридриха Уотсона самым влиятельным предпринимателем мира. А потом он неожиданно для всех начал переводить заводы и фабрики своей империи из США и Европы в коммунистический Китай.

* * *

Иван очнулся на кровати в светлой большой комнате с открытым окном. Он почему-то сразу решил, что за полупрозрачной воздушной шторой, качающейся от легкого ветра, можно увидеть море. Но не это было самым удивительным. Поразило его другое: рядом с ним на белом кресле, с сильно откинутой назад спинкой, мирно читала книгу та самая девушка с темными глазами, которая два раза встречалась ему в городе перед тем, как с ним происходили неприятности.

Увидев, что Иван проснулся, незнакомка отложила книгу

на стол, легко встав с глубокого кресла, и подошла к постели. Сейчас он смог наконец-то ее хорошо разглядеть. Девушка была в нежно-кремовых широких брюках и в такой же свободной белой шелковой блузке. Даже в кажущейся мешковатой одежде можно было легко угадать стройное и гибкое тело. Черные, чуть вьющиеся волосы, были стянуты и заплетены в тугую косу, наверное, специально, чтобы не отвлекать от главного – от огромных темных глаз, чуть прикрытых длинными ресницами. Ивану показалось, что их взгляд, живой, быстрый и очень пронзительный, за мгновение пристально осмотрел не только его внешность, но и выяснил то, что он прятал внутри. Но это было лишь мгновение, а потом выражение глаз поменялось, в них появилась обволакивающая мягкость, внимание и забота.

Во всех ее движениях была какая-то восточная готовность мгновенно откликнуться на любое движение души и тела партнера. Это врожденное качество магически притягивало мужчин. Превращая в жалких подкаблучников великих императоров и полководцев. Многие столетия такие женщины хорошо знали, как использовать эти возможности.

– Вы проснулись? Хорошо выспались? – спросила девушка, будто не сама была виновницей его сна. – Не волнуйтесь, вы у меня дома. Меня зовут Диана. Или просто Ди. А вас, кажется, Иван?

Она говорила мелодично и плавно, очаровывая словами, как наркотическим гипнозом.

– А зачем, Диана, вы привезли к себе домой незнакомого мужчину? У вас какие-то планы на меня?

Иван отлично помнил вчерашний вечер и то, как он упустил свою цель. Он захотел встать, но тут же понял, что абсолютно голый. Повертев головой, своей одежды рядом не обнаружил.

– И для этого вы меня раздели? – усмехнулся он .

– Ну, если у вас только такие варианты, – она улыбнулась, – то вы слишком высокого о себе мнения, как о мужчине.

Девушка отошла к незаметному встроенному шкафу, достала оттуда какую-то одежду и положила ее на кровать рядом с Иваном.

– Вот, оденьте пока это. С вами хочет поговорить мой девушка. А он не любит джинсы и майки. Хотя мне вы в них очень понравились, – мило улыбнулась Диана. – Я буду ждать вас в саду. Ванная за той дверью.

Она вышла. А Иван встал, подошел к окну и отодвинул штору. Перед ним действительно был океан. И по открывшейся панораме он сразу определил, где находится. Второго такого фантастического моста в мире еще не построили. Из окна дома отлично было видно, как справа от него, у скрытого за уступом скалы устья Жемчужной реки начинался самый длинный мост в мире, соединяющий материковый Китай, Макао и Гонконг.

Не зная о размерах сооружения, можно было подумать,

что какая-то морская змейка, извиваясь, плыла по лазурной поверхности моря куда-то к островам. Но в сегодняшний ясный день становился до деталей понятным весь грандиозный масштаб этого проекта. Где-то в дымке мост превращался в туннель, чтобы пропустить над собой огромные танкеры и контейнеровозы, которые отсюда казались мелкими водоплавающими букашками, а потом опять выныривал на поверхность, чтобы связать капиталистический Гонконг и социалистический Китай.

Одежда, которую ему оставила Диана, была похожа на ту, в которой она была сама – светлые брюки и обычная льняная рубашка. Совсем немного времени ему понадобилось, чтобы привести себя в порядок: умыться и надеть на себя чужой наряд.

Иван открыл дверь, за которой недавно скрылась хозяйка, и вошел в большой зал. Очень высокие стеклянные арочные перекрытия и обилие тропической зелени делали его похожим на оранжерею. Между уходящими к потолку пальмами, увитыми цветущими плетистыми кустами, он увидел Диану. Она делала что-то похожее на китайскую дыхательную гимнастику, но как только заметила молодого человека, сразу подошла к нему и, взяв за рукав, чуть ли не потащила в другой конец.

– Дедушка вас уже ждет. Он у меня очень старенький и долго не может быть с гостями, поэтому прошу вас, пойдете быстрее, – объясняла по ходу Диана, заметно волнуясь.

– Да я не напрашивался в гости. Вы сами меня привезли. У меня очень много дел. Поэтому мне хотелось бы узнать, что вам с дедушкой от меня надо.

– Сейчас все и узнаете.

Они почти пробежали по какой-то галерее с длинными высокими зеркальными окнами. А потом резко остановились перед высокой дверью. Продолжая держать Ивана одной рукой за рукав, она другой взяла пальцами верхнюю пуговицу на его рубашке и, взглянув в глаза, спросила:

– Вы мне можете пообещать? – она посмотрела на него снизу огромными глазами, и в них было такое выражение, как будто от его ответа зависела ее жизнь.

– Что пообещать? – по инерции спросил Иван.

В душе он уже сознавал, что его воля почти полностью в руках этой девушки. И понимал, что с радостью выполнит любую ее просьбу. Видимо, чтобы убедиться в этом, она и остановила его у двери. А сама просьба была символической.

– Не спорьте с дедушкой и не обижайтесь на него. Он иногда говорит неприятные вещи, но он лишь хочет, чтобы его лучше понимали. И желает добра и вам, и всем остальным.

– Хорошо, – согласился Иван, совсем не мечтая о встрече с каким-то стариком, а думая лишь об этих бездонных темных глазах и волнующих губах девушки у своего лица.

Диана резко открыла дверь, и они вышли на залитую солнцем террасу. Отсюда открывался великолепный вид, почти

такой же, как из комнаты, где Иван проснулся. Только здесь, на открытом воздухе, все казалось более реальным. У стены, в единственном месте, где была тень, стоял столик и несколько плетеных ротанговых кресел с полосатыми подушками. На одном из них сидел худой пожилой мужчина совсем непохожий на болезненного дедушку. Выглядел он довольно молодо: на нем был белоснежный костюм, светлые парусиновые туфли, а завершала образ красивая шляпа с ровными небольшими полями. Мужчина смотрел на море.

Иван хорошо разглядел его профиль: острый длинный нос с большой горбинкой на очень худом лице и чуть вытянутый вперед узкий подбородок. Вдоль носа, к ровным тонким губам, спускались две глубокие морщины. Даже издали молодой человек почувствовал какую-то грусть, затаившуюся в этом человеке.

– Дедушка, – негромко окликнула его Диана, когда они приблизились.

Мужчина в белом костюме медленно перевел взгляд от моря в их сторону, не торопясь расстаться со своими мыслями. Потом неспешно встал, сделал шаг вперед и протянул Ивану руку.

– Фридрих Уотсон к вашим услугам.

Иван, конечно, и до этой встречи догадывался, что попал в непростой дом. Но когда услышал имя величайшего предпринимателя мира, который сейчас стоял перед ним протянув руку, так растерялся, что совершенно забыл, что надо де-

лать и стоял перед ним не двигаясь. Увидев замешательство гостя, Фридрих сделал навстречу Ивану еще один шаг, нашел его ладонь и, одновременно пожимая руку, усадил в стоявшее рядом кресло.

– Диана, это ты так напугала молодого человека? – добродушно улыбнулся вполне симпатичный дедушка, присаживаясь в кресло. – Попроси, чтобы нам принесли что-нибудь выпить, – обратился он к внучке и внимательно посмотрел на Ивана. – Если бы время позволяло, я бы предложил вам виски, но у нас еще много дел, так что могу предложить или сок, или чай.

– Чай, – пришел в себя Иван, – хотя и сок тоже не помешает, – он оглянулся и, увидев доброжелательный взгляд Дианы, спросил у нее улыбаясь: – А завтрак гостям не полагается?

– Конечно, а пока принесут ваш завтрак, я начну, – сказал мистер Уотсон и поправил шляпу. – Врач помогает мне поддерживать силы лишь на пару часов в день, остальное время я почти что овощ.

– Дедушка, – укоризненно протянула Диана.

– Не перебивай. Мне не хочется тратить время на ненужные споры, – резко оборвал он внучку и продолжил, обращаясь к Ивану: – Да, остальное время я могу лишь сидеть и смотреть. Мне всегда нравилось море. Нет границ, нет дорог. Ты можешь плыть куда захочешь. А теперь я люблю мосты. Они связывают людей. Поэтому я построил дом здесь, –

старик сделал паузу, улыбнулся сам себе, но вспомнив, что время его ограничено, прервал воспоминания: – Прежде всего, хочу извиниться и объяснить наши действия...

– Да уж, хотелось бы понять, чем я вам помешал и чем могу быть полезен, – вставил Иван.

В это время, Диана, отдавшая какие-то распоряжения по поводу завтрака, вернулась на террасу и села в кресло рядом с Иваном. Было видно, что она очень любит деда и боится, что Иван может сказать что-то неуместное. Поэтому положила руку ему на колено, надеясь расположить его к терпению. Иван же от такой доверительности действительно расслабился и готов был выслушать что угодно.

– Сейчас я попытаюсь все объяснить, – продолжил мистер Уотсон, глядя на далекие острова. – К тому, что вчера произошло, мы готовились давно. Это было неизбежно, вопрос был только в сроках.

– Вы о чем? – нетерпеливо перебил его Иван и тут же почувствовал, как сильные пальцы Дианы предупредительно сжали его колено.

Старик посмотрел на торопливого Ивана и, поморщившись, ответил:

– О войне, молодой человек, о войне, – он снял свою шляпу, и ветер сразу растрепал его тонкие длинные седые волосы. – Еще вчера мы думали, что готовится лишь провокация, чтобы проверить наши силы. Считали, что именно вы и должны были ее организовать. Но ошиблись.

Иван хотел его прервать, но Диана предупредительно опять сильно сжала его колено и мистер Уотсон продолжил:

– Оказалось, главными были те люди, которых вы ждали. О них нам не было известно. Когда поняли, что ошиблись, было поздно. Те, кто пришли на встречу с ними, уже получили все что хотели.

– А почему, если бы главным был я, то это провокация, а если те двое, то сразу война? – немного обижено спросил Иван.

Старик лишь улыбнулся и ничего не ответил. Вместо него все объяснила Диана:

– Не обижайтесь, Иван, но вы лишь обычный агент и от вас всегда можно отказаться. А эти двое не только члены руководства вашей страны, они фактически официальные, если тут уместно такое слово, представители той... – она задумалась, подбирая нужное слово, – той международной неправительственной группы, которая и начала войну. И это известно всем кто посвящен. Поэтому их участие – это уже не простая провокация.

– Я думаю, Диана, он тебя не поймет и поэтому не поверит. Надо рассказать ему все сначала. Ты начни, а я пока передохну.

В этот момент симпатичная китаянка прикатила тележку с напитками и завтраком. На завтрак для гостя приготовили скромный омлет с беконом и пару тостов с джемом.

– Вы кушайте, не смущайтесь, а я вам попробую кое-что

пояснить, – сказала Диана, убрав руку с его колена, чтобы не мешать Ивану подвинуться к столу.

Он и не смутился, потому что был голоден. Понимая, что одного омлета ему будет мало, он с аппетитом приступил к трапезе.

Диана взяла стакан сока, сделала маленький глоток и поставила стакан обратно.

– Чтобы было понятнее, придется начать издалека.

Иван, молча, кивнул, разжевывая поджаренный бекон.

– Идеальное государство описал еще Платон. Именно так были устроены Древний Египет, Рим и Греция. Наверху государственной пирамиды потомственная аристократия, которая принимает решения и несет за них ответственность. Под ними стражники и управленцы, которые следят за выполнением этих решений, а внизу труженики...

– Как у пчел и муравьев, – улыбнулся Иван, оторвавшись от омлета.

– Ну можно и так сказать, – Диане хотелось говорить точнее и понятнее, и она не стала отвлекаться на его замечание. – Но именно при таком устройстве эти государства добились величайших успехов, следы которых и сейчас удивляют людей. Вы же с этим не будете спорить?

Иван, ни слова не говоря, только помахал головой, подтверждая, что спорить не будет.

– А основа этого – рациональное использование ресурсов и контроль потребностей.

– Огромные пирамиды, как погребальные памятники, не очень рациональны, – усмехнулся Иван. – А под контролем потребностей скрывается обычное рабство.

– Мы сейчас не о том! – вмешался мистер Уотсон. – Тут надо внести ясность, иначе мы не поймем самого важного. Вы никогда, Иван, не думали что те, кого вы называете рабами, хотя мне больше нравится термин «трудящиеся», могут быть вполне довольны своим положением и чувствовать себя счастливыми? Человек так устроен, что в первую очередь его интересуют базовые потребности на уровне питания, размножения и безопасности для себя и детей. Эти потребности можно легко удовлетворить.

Фридрих Уотсон говорил чуть раздраженно, потому что, видимо, считал все это очевидным и не заслуживающим долгого объяснения.

– А второе, что нужно для счастья после удовлетворения основных потребностей, это самоутверждение. Очень важно то, где именно человек будет самоутверждаться. Если в своем кругу, в своем дворе, в своей школе, то это вполне осуществимо. Купил новый костюм, машину лучше, чем у приятеля, построил дом чуть больше и ты счастлив. В конце концов, родил больше всех детей.

– Так все просто? – иронично заметил Иван.

– Да. Так просто. Но вот когда для того, чтобы самоутвердиться, человек пытается попасть в другой мир, тогда начинаются проблемы. Неудача приводит к нервным срывам

и комплексам. Пьянство, наркотики, преступления, разрушенная жизнь, самоубийства – все это результат переоценки своих возможностей.

– Но зачем-то он туда лезет?

– Он не сам. Его туда толкают.

– Кто?

Фридрих Уотсон замолчал и потер ладонью правой руки пересаженное сердце. Он опять смотрел на океан и думал о чем-то своем.

– Дедушка, тебе плохо? – тихо спросила Диана.

– Дело в том, что толкали его все мы. Промышленники, банкиры, менеджеры, – не отвечая внучке, продолжил Мистер Уотсон. – Тогда мы думали, что каждый раз, побуждая человека покупать новые вещи, мы развиваем нашу экономику, науку.

Он говорил, будто оправдываясь, стыдясь взглянуть Ивану в глаза, и поэтому смотрел вдаль, нервно потирая пальцами штанину на бедре.

– Для этого мы создали миф о сладкой жизни, которая может быть доступна каждому, стоит лишь чуть-чуть постараться.

Старик грустно улыбнулся и покачал головой то ли от слабости, то ли от сожаления.

– Вы никогда не задумывались, почему безголосые певицы, кривоногие футболисты, силиконовые модели получают такие огромные деньги? Они витрина, обычная приман-

ка. Иллюзия, что этого может добиться каждый. Обычная продавщица или бедный пацан, гоняющий мяч на пустыре. А еще мы придумали кнут – ярлык лузера и неудачника. Человек вступает в эту бессмысленную гонку, где выигрывают только ее организаторы. Гениальный Феллини все это видел. Но его «Дольче Вита» никого не испугала. Мечта окунуться в эту жизнь, как морковь на палке у ослика – вроде близка, но абсолютно недостижима. Она лишь заставляет людей идти просить денег к Эбenezеру Скруджу и становиться его рабом на всю жизнь. Потребительское рабство, маскируемое прогрессом.

Он опять замолчал. То ли от морского ветра, то ли от тяжелых воспоминаний из глаз его потекли слезы. Фридрих Уотсон глубоко вздохнул и добавил:

– Но все это кончилось.

– А почему же вы только сейчас об этом стали говорить?

– Долгое время и мы расценивали прогресс как необходимость для всеобщего развития. Наши интересы совпадали с интересами ростовщиков. Но теперь и мы, и они поняли, что планета не выдержит такого потребления.

– То есть вы сами посадили людей на наркотик и теперь его хотите отнять? Наркоманов вылечить невозможно.

– Вы правы. Но все зашло очень далеко. Если завтра не принять мер, то планета погибнет. А выхода только два: или глобальное сокращение населения, или глобальное сокращение потребления.

– Вы думаете, что люди добровольно с этим согласятся?

– Нет, конечно. Но кто их будет спрашивать. Поэтому то, что вчера произошло – это война. Начали ее те, кто решил, что проще сократить население.

– Я так понимаю, что у вас есть другой план?

– Да, есть, – оживился старик и повернулся. Иван с удивлением заметил, что в таких темных как у Дианы глазах старика еще полно сил, решимости и уверенности.

– Уже сейчас мы можем легко удовлетворить базовые потребности всего населения планеты. И при этом даже не нужно никого заставлять много работать. Все могут делать машины.

– И люди станут гораздо счастливее? – недоверчиво спросил Иван.

– В этом и проблема, что не станут. В отличие от техники, они не развивались и остались такими же, как были всегда. С кучей пороков, которые от безделья только усиливаются. Чем займутся эти люди, когда не будут работать? Вы думаете, они займутся саморазвитием? Будут изучать науки, рисовать, писать стихи, музицировать? Нет... Они будут бездельничать и завидовать другим. И из-за зависти выходить на улицы и уничтожать все вокруг. Включите телевизор и посмотрите.

Понимая, что сильно разгорячился, мистер Уотсон замолчал. Несколько раз глубоко вздохнул, но понимая, что разговор надо довести до конца, продолжил:

– Миллионы сытых бездельников по всему миру громят магазины, жгут машины. В этом и была ошибка всяких марксистов. Человек неизменен в своем животном начале. Поэтому мы обязаны вернуться назад. Отказаться от автоматизации, машин и многих технологий.

– Вернуться к сохе и телеге?

– Вполне может быть. Но главное заняться изменением самого человека. Мы должны научиться регулировать его потребности.

– Каким образом?

– Как вы думаете, почему Китай стал величайшей промышленной державой? Не дутой, как США, а настоящей.

– Благодаря дешевой рабочей силе?

Уотсон поморщился.

– Потому что здесь каждый занят своим делом. А эти пустые ложные термины «дешевая-дорогая» и привели нас в тупик. Жизнь должна быть не дорогой или дешевой, а должна быть счастливой. Вот к чему мы должны стремиться. Вот наша цель.

– И как этого добиться?

– Естественно, не сокращением населения: это бессмысленно и не гуманно. Мы будем создавать новых людей, с новыми потребностями. Нереализованные потребности – причина страданий.

– Как это будет выглядеть в реальности?

– Чтобы спасти этот мир, придется создать нового че-

ловека – человека специализированного. Для него не нужно будет излишнее образование и ненужные знания. Лишние знания – лишние печали. Мы создадим нового человека с врожденными способностями для определенной деятельности. Для которого главной потребностью станет профессиональное самосовершенствование. Появятся вечные династии.

– Не верится что это возможно.

– Возможно, если использовать генную инженерию. И это единственное спасение. Что плохого – династия поваров или корабелов, династия обувщиков, гончаров, солдат и офицеров. Это было всегда. В СССР пытались сделать что-то подобное с помощью идеологии и образования – не вышло. Но мы это сделаем на генном уровне.

– Вы же лишаете человека права выбора.

– Он и думать не будет об этом выборе. Он будет рождаться, уже зная, кем станет. По большому счету у него и сейчас нет особого выбора. Так что это сделает его жизнь гораздо проще. Но главное, мы оставим ему возможность выбирать самое важное – кого любить.

Иван заметил, что мистер Уотсон устал от разговора. Он оглянулся на внучку. Она в ту же секунду оказалась за его креслом и положила ему руки на плечи. Иван понял, что старик выдохся.

– Поймите, Иван, выбор у нас с вами сейчас не очень большой. Или глобальное сокращение населения и мир, где все

наши желания и возможности регулирует большой компьютер с заданными программами. Или мир, где люди продолжают свободно любить, выбирать друзей, рожать детей, ставить перед собой цели и выполнять их. Быть счастливыми, пожертвовав лишь одним: пустыми бесплодными мечтами, которые приводят лишь к разрушению.

– Мне почему-то кажется, что в обоих вариантах, и в вашем, и в другом, человечество ждет какой-то концлагерь.

– Иван, дедушка в детстве четыре года был в немецком концлагере, – резко вмешалась Диана.

– А многим ли нужно что-то другое? – пробормотал уже совсем выдохшийся Фридрих Уотсон. – Дианочка, сходи за доктором.

Когда внучка ушла, старик попросил Ивана помочь ему подняться. Вместе они подошли к краю террасы, огороженной от крутого обрыва балюстрадой из белого мрамора. Далеко внизу волны с грохотом накатывали на черные камни.

– Иногда мне хочется проверить, умею ли я летать, – устало улыбнулся мистер Уотсон. – Если бы не внучка, то давно бы попробовал... У меня больше никого нет... Так получилось... И хочу вас попросить... Внучка для меня всё, а довериться некому. На старости я стал очень мнительный... Поработаете на меня?

– Но вы же знаете, я уже на работе.

– Я не призываю вас никого предавать. Но вам не справиться одному. Вы даже не знаете с кем боретесь... Ваши

клиенты сегодня улетают в Индию. Я дам вам свой самолет – это единственный способ их догнать. Только возьмите с собой мою внучку.

– А вы знаете с кем боретесь?

– Был такой Кауперман... Но мне кажется, он слишком глуп для всего этого. А те, кто стоит за ним, носят разные маски, но цель всегда одна – соблазнить людей сладкими обещаниями, а потом ограбить. Марксисты, экологи, либералы. Имя им всем – легион.

В этот момент на террасу вернулась Диана вместе с доктором, который сразу подошел к старику и, приобняв его за талию, повел с террасы. У самой двери мистер Уотсон повернулся и сказал, обращаясь уже и к Ивану, и к внучке.

– Ищите кому это выгодно. Вы не имеете права проиграть.

Иван, твердо уверенный, что не согласится на предложение старика, оглянулся на Диану.

– Ваш дед сказал, что даст самолет. Нам надо спешить, – неожиданно для себя, будто под гипнозом, сказал он, глядя в ее умоляющие глаза.

– Спасибо, – ответила девушка и так посмотрела на него, что Иван был готов сам проверить, умеет ли он летать над морем или нет.

Глава 13

Генри Мидас был зол и напуган. Он опять почувствовал себя тем хилым забитым учеником, которого в школе пинали

даже те, кто был намного младше, и встречаться с которым отказывались даже самые некрасивые девочки.

Подъезжая к своему дому, Генри увидел, что его автоматические ворота, закрывающие тоннель, разрисованы граффити. Рядом с воротами стояли несколько машин и какие-то люди с транспарантами. Они были настроены явно не дружелюбно. Поэтому он, насколько мог быстро заехал внутрь, опасаясь, что кто-то из них смог проскочить вместе с ним.

Первое, что миллиардер сделал, зайдя в дом – проверил видео с камер наблюдения. На них отчетливо было видно, как час назад к воротам подъехал темный джип и из него вышли три человека. Было очевидно, что эти люди приехали сюда специально. Они не мешкая, взяв в руки баллончики с краской, нанесли на ворота надписи и рисунки, общий смысл которых сводился к тому, что белые богачи должны или отдать все бедным, или сдохнуть. После этого подъехал небольшой микроавтобус, из которого вышли еще несколько человек.

Их всех и застал сейчас Генри Мидас у своего дома. Когда он проезжал мимо них, они начали кричать: «Черные жизни имеют значение!» А одна девушка бросила в лобовое стекло пакет с молоком, из-за которого он чуть не слетел с дороги.

Генри набрал телефон полиции. После нескольких автоматических перенаправлений его наконец-то соединили с живым человеком. Женщина на том конце провода, терпеливо выслушав, ответила, что сейчас все заняты беспоряд-

ками в городе и заниматься какими-то граффити некому.

– А я могу где-то нанять частную охрану?

– Не знаю, не знаю... Сейчас уже вряд ли. Большинство охранников превратились в митингующих, а те, кто остался, заняты делом.

Генри раздраженно бросил трубку. Он не любил людей. Старался общаться с ними только когда это было неизбежно и при этом по возможности дистанционно. Поэтому дома тоже всегда старался использовать технику.

Пробраться в его дом можно было только через тоннель, но он был хорошо защищен. Генри Мидас налил любимое виски, выпил, не закусывая, и уже через полчаса немного успокоился.

«Ладно. Пару дней я здесь продержусь, – подумал он. – А потом этим бездельникам будет не до этого... Уж точно не до чужой собственности...»

От выпитого спиртного Генри развеселился. Он задумался: ведь все это породил он сам. Несколько лет все социальные сети, все газеты и все телевизионные каналы, которые ему принадлежали через купленных журналистов и блогеров, призывали к борьбе против существующих порядков, к снятию всех запретов, которые существуют.

«Сейчас нам нужен лишь большой плавильный котел, – призывал тогда Мидас, – в котором мы сварим всех: белых и черных, мусульман и католиков, гомосексуалистов и натуралов, мужчин и женщин. А из полученной массы мы, как

когда-то бог из праха, слепим нового человека».

Он организовывал флешмобы в Голливуде, когда все известные звезды шоу-бизнеса были обязаны не просто выступить с поддержкой этих требований, но и принять участие в фильмах, рекламирующих и продвигающих эти идеи. А те кто пытались возражать, в лучшем случае немедленно предавались забвению. Но чаще крамольников и смутьянов показательно жестко наказывали.

«Я вас породил, я вас и уничтожу», – решил он, теперь уже думая о тех, кто разрисовал его ворота. И тут же вспомнил, что главное сейчас совсем другое.

За прошедшие сутки Генри Мидас сделал то, что хотел. Он нашел, где и кто изготовил тот самый вирус, который был у Каупермана. Сама лаборатория находилась в Берлине, но работал там интернациональный состав. У Генри не было сомнений, что и вакцина от этого вируса там тоже есть. Нашел он и тех, кто его будет распространять. Все оказалось даже лучше, чем он мог предположить. Эти два человека из российского правительства, на которых возложил эту миссию Кауперман, уже давно работали и на Генри, выполняя его поручения. Поэтому он был уверен, что легко найдет меры для воздействия на них.

«Впрочем, – подумал Мидас, – именно сейчас они и так делают то, что нужно. Мне лишь необходимо быть в курсе всего происходящего».

Он тут же, не откладывая, позвонил сначала одному из

них, а через несколько минут другому. Генри намекнул им, что мир ждут глобальные перемены. И если они сделают все правильно, то он при распределении мест в новом мировом устройстве, не забудет об их помощи. В конце разговора с каждым из них Генри просил не сообщать партнеру о его звонке.

«Конкуренция – лучшее средство получить хороший результат. Хотя с этими ребятами это может не сработать. Может хотя бы один из них окажется на что-то годен. Но и это сомнительно...»

* * *

– В Индии хотя бы тепло, – глядя в окно, с тоской в голосе сказал Михаил Чернуха.

– Это ты к чему? – не отрываясь от игры в ноутбуке, спросил Эдуард Горемыкин.

Они несколько часов назад прилетели в Индию, заселились в отель в городе Варанаси и ждали, когда кто-нибудь с ними свяжется. Но пока лишь неожиданно объявился Генри Мидас и попросил докладывать о том, что происходит. Каждый из них был уверен, что Мидас позвонил только ему.

– Нефть у нас через лет десять закончится, – продолжал рассуждать Михаил, – а климат наш похуже будет, чем в Индии. Вот так просто под пальмой в одних трусах не просидишь.

– Все когда-нибудь кончится, – флегматично ответил Го-

ремыкин. – Может и к лучшему: нормальные окончательно уедут туда, где тепло, а другие...

– Ты же не думаешь, что вместе с нефтью и Россия закончится?

– Ну может глобальное потепление поможет и у нас будет тепло, как в Индии, – отшутился Эдуард. Ему совсем не интересно было, что произойдет с Россией через десять лет.

– Поэтому у тебя дети, жена и дом в Тоскане? – с иронией спросил Михаил.

– Отстань, Миш! Что за бессмысленный разговор ты с утра затеял? Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше. Назови хотя бы одну причину, чтобы выбрать для жизни Россию, а не, к примеру, Италию. Нет таких. Те, кто может себе позволить, уедут, а нищелюбы и бездельники будут себя убеждать, что им и в России жить хорошо...

– А мне в России больше нравится, хотя я могу и в Италии жить, и вообще где угодно.

– Да потому что ты как был гопником из подворотни, так им и остался. В России ты в своей стихии: среди жуликов, бандитов и воров. Но это пока вам есть что продать. Ту же нефть с газом и лес с пенькой... Сотни лет воровали, ничего больше не делая, но сейчас похоже конец близок.

– Ну и ты не очень от нас далеко ушел, так что не кипятись. Пойдем лучше погуляем. Интересно же посмотреть, как людей жгут. Посмотри в окно. Ужас!

Отель, в котором они остановились, располагался на берегу Ганга. От него, как и вдоль всей реки, спускались большие широкие каменные ступени к реке, которые здесь, в Варанаси, были чем-то вроде алтаря. На них проходила жизнь, а главное смерть людей, которые приезжали сюда со всей Индии.

Город, растянувшийся на длинном гребне холма вдоль реки, из окна отеля был виден на несколько километров. Михаилу он с высоты показался серым, неустроенным и грязным. На соседнем гхате, на каменных ступенях, ведущих к священной реке, творилось что-то жуткое для европейского человека. На десятках кострах открыто сжигали трупы людей. На каких-то кремация была в самом начале и огонь, разгораясь, лишь обволакивал завернутых в саван усопших. А на других в раскаленном пламени уже догорали кости покойников. Даже сквозь закрытые окна чувствовался тошнотворный запах сжигаемой плоти.

Вокруг костров суетились сотни людей: кто-то скорбел, кто-то делал свою работу и, конечно, было много зевак, разных шарлатанов и мошенников.

– Какой идиот выбрал это место для встречи? – удивился Михаил. – Это самое жуткое место, которое я видел в своей жизни.

– В любом деле важны определенные символы. Ты человек невежественный: ничего не читаешь, ничем не интересуешься, – Эдуард, проиграв в очередной раз, захлопнул

крышу ноутбука. Несмотря на поражение он был как всегда очень доволен собой. Поэтому, выпятив вперед грудь как деревенский петушок, противным поучающим голосом произнес: – Есть знания, которые народу нельзя открывать ни при каких условиях. Знание – сила. И те, кто ими обладают, управляют миром. Здесь, к примеру, люди переходят из одного мира в другой. И это связано с нашим делом. Но даже мы не посвящены в детали, поэтому не все понимаем.

– С деньгами мне хватит и трех классов образования для управления кем угодно, – оборвал его Михаил Борисович. – Все-таки пойдем посмотрим поближе, что они там делают...

– Кстати, в Индии кастовое общество, которое не смог сломать даже их Ганди. И это очень хорошо. Никто не мечтает прыгнуть в другое сословие, – надменно продолжил Эдвард, решив блеснуть своими познаниями. – Поэтому в их мире, мы бы с тобой не то чтобы никогда не встретились, но просто не смогли бы никогда поговорить, потому что были бы в разных кастах.

– Я, конечно, не силен в индуизме, но знаю, что у них еще очень верят в карму. А с нашей с тобой кармой двух воров, мы бы после смерти переродились в облезлых голодных псов. И тогда точно бы встретились и бегали в одной бродячей своре, – беззлобно рассмеялся Михаил и похлопал приятеля по плечу.

Иван с Дианой приземлились в Варанаси на два часа позже, чем те, кого они пытались догнать.

– Может, они уже все сделали и улетели? – переживала Диана.

– Сделать может, и сделали, но еще не улетели. Вон их самолет стоит с российским флагом на хвосте.

– А как узнать где они? – не отставала она от Ивана.

– Я-то откуда знаю.

– Ваня, ты представляешь такую мощную страну... А они же ваши граждане и далеко не последние. Неужели нельзя узнать? – с упреком сказала девушка.

– Вы меня из-за этого взяли? – рассердился Иван. – Чтобы я вам информацию сливал?

Он злился еще и потому, что сам не знал что делать. Вахромеев не звонил, а больше помощи было ждать неоткуда.

«Она, наверное, представляет нашу страну, как монолитную армию под чутким руководством. А у нас даже в Конторе все как пауки в банке».

Молодой человек посмотрел на Диану. Она стояла перед ним в ожидании, всем видом показывая, что готова выполнить любое его начинание.

«Вот когда красивая девушка так смотрит в твои глаза, то сделаешь все что угодно», – вздохнул Иван.

– Хорошо. Если они прилетели в Варанаси, то значит придут на гхаты к Гангу. Иначе, зачем им было прилетать именно сюда, – предположил Иван.

Такси из аэропорта уперлось в узкие улицы древнего города и в толпы людей. Дальше Диана с Иваном пошли пешком. Ошибиться с направлением было трудно. На каждом шагу встречались похоронные процессии. Людей без гробов, завернутых в разноцветные саваны, родственники на деревянных носилках несли вниз к реке. Иногда встречались процессии видимо тех, кто приехал издалека: они везли завернутых в такие же саваны покойников просто привязанными веревками к багажникам автомобилей.

– Можно подумать, что в Индии больше нигде не кремируют, – произнес Иван, пропуская очередную похоронную процессию.

– Если умер в священном городе Варанаси, то твоя душа прекращает череду перерождений и сразу попадает в рай. Если не получилось здесь умереть, то многие перед смертью просят родственников хотя бы кремировать их именно здесь. Они верят, что город основал сам Шива.

– Это я в курсе. Все индусы мечтают о мокше – освобождении от череды бесконечных рождений и смертей.

Наконец, они вышли к реке. Здесь была пристань на черных сваях, где разгружали лодки с дровами для погребальных костров. Отсюда открывался великолепный вид на священный город.

Сотни желтых, оранжевых, красных, коричневых, белых дворцов и храмов, украшенных бесчисленными резными ка-

менными и деревянными фигурами богов, людей и фантастических животных, залитых ярким необычным светом, из-за которого город и получил имя Города-солнца, растянулись на высоком берегу вдоль реки и сейчас покачиваясь, отражались в священной воде Ганга.

– Какая красота! – Диана остановилась, настолько ее потрясло увиденное. – Индусы считают, что здесь вечная резиденция бога-отца Шивы.

– Бог-отец, Бог-сын... что-то это мне напоминает, – иронично заметил Иван, у которого лет пять назад был индийский период, и он даже несколько месяцев жил недалеко от Калькутты в Западной Бенгалии в маленьком, заросшем лианами монастыре, слушая проповеди местного гуру.

Тот период кончился, когда Иван стал свидетелем кровавой расправы после межкастовой свадьбы. Семья юной девушки, которая тайно вышла замуж за любимого из другой касты, когда узнала о свадьбе, посчитала себя настолько оскорбленной, что ночью длинными мачете вырезала всех родственников жениха, не пощадив маленьких детей и даже саму «виновницу» – девушку из своего сословия.

После этого у Ивана все очарование от индийской мистики мгновенно пропало.

– Неужели у тебя нет воображения? – воодушевленно продолжала Диана. – Это самый древний город на земле! Представь, что тысячу лет назад здесь все было точно так же. Тысячи паломников, ждущих возможности совершить обряд

пуджа, обряд омовения в священных водах...

– Говорят, они и не болеют, потому что из-за обилия в этой воде миллионов бактерий у них появляется сильный иммунитет.

– А может и потому, что вода Ганга действительно лечит. Здесь, в храме, тысячи лет не затухает священный огонь, от которого поджигают костры для кремаций.

– И тысячи лет, недогоревшие останки тел чьих-то родных и близких плавают между лодок с туристами, – продолжал кощунствовать Иван.

Диане не нравилось, что Иван иронизирует над такими важными вещами. Поэтому ответила ему очень резко.

– Это странно и неприятно только для непосвященного европейца. Для индуса огонь и вода – две великие стихии и прах человека обязательно должен вернуться в воду. Представь силу веры людей, которые отказываются от всего: от своих личных привязанностей и желаний только для того, чтобы соединится в любви со всем окружающим миром и почувствовать себя его частью.

– У нас в России для этого вкапывают за гаражами лавочку от списанного автобуса и с помощью водки достигают этого гораздо проще и быстрее. Некоторым это так нравится, что обратно в реальный мир их уже не загонишь.

В этот момент, заметив двух европейцев, к молодым людям подошел индус в короткой набедренной повязке. Это был очень худой человек с почерневшей и подубевшей ко-

жей. Коричневое лицо было выкрашено мелом. Серые сальные волосы, связанные в несколько пучков, торчали в разные стороны, а на груди висели бусы ярко-желтого цвета. Запах от него шел такой, что Диана невольно отшатнулась.

Откуда-то в его руке оказался кусок ржавой трубы. Ничего не говоря, он снял с себя набедренную повязку и очень ловко и быстро намотал свой член на железную палку. Подойдя к молодым людям вплотную, он начал что-то говорить на непонятном языке, часто повторяя слова «Ишвара» и «Пуруша», а потом на неплохом английском сказал, что они могут поднять его за эту трубу и он сможет висеть на своем члене, сколько они захотят.

«Материальное и физическое – ничто. Только духовное имеет смысл», – непонятно к чему добавил он.

Естественно, они отказались. Тогда индус быстро размотал с трубы свое достоинство обратно и протянул руку, требуя денег, совсем забыв, что материальное для него не имеет значения.

– Вот тебе и просветленный, достигший нирваны и пошедший еще дальше, – засмеялся Иван, протягивая ему купюру.

– Это просто мошенник. А они есть везде.

– А мне кажется, все религии и придуманы мошенниками. Сначала были шаманы, волхвы и колдуны. Они были местные, из своего племени и религии у них были простые и понятные: отдай десятую долю нашему богу и он тебе поможет.

Они шли между аккуратно сложенных штабелей дров, на которых еще не было тел. Вокруг суетились разные люди, так или иначе готовившие все к тому, чтобы кремация прошла правильно. Все было очень буднично и прозаично.

– С захватом соседних племен и разделением общества на богатых и бедных, – продолжил Иван, – появилась необходимость в новой религии для побежденных и неудачников. Деньги разделили всех не только по границам государств, но и по сословиям. Теперь за новым вождем всегда шел поп, насаждая нужную веру-сказку, утешение для тех, кому в жизни не повезло. Чтобы за обман не пришлось отвечать, по новым верованиям счастья на земле уже не было. Счастье ждало только там, на небесах, а чтобы туда попасть, необходимо отказаться от ненужных земных благ. Для полного утешения людям обещали, что богатые будут гореть в аду, а праведники будут этим любоваться. Поэтому не надо стремиться к богатству и вообще к жизненным радостям.

Иван остановился. Повернулся к Диане и спросил:

– Ничего не напоминает?

Диана понимала, что он имеет в виду вчерашний разговор с дедушкой.

– Разве это плохо? Страны, как и люди, не могут быть равными. У всех разная история, происхождение, разные способности и возможности. Слабым нужно утешение. Это нормально. Это правильно. Думаешь, лучше сразу объявить ребенку в детстве: «У тебя никаких шансов и максимум на что

ты способен – это чистить ботинки белому господину. А твоя страна нищая, никому не интересная жопа мира?»

– В том мире, о котором мечтает твой дедушка, даже утешать никого не надо будет, – усмехнулся Иван. – Дети будут рождаться и жить со знанием своего места в жизни.

– Что в этом плохого? У каждого будет свое дело и все будут по-своему счастливы. Потому что не будут зря мечтать о том, что им не нужно.

– Неужели ты не видишь? Вот они, те люди, отказавшиеся от якобы ненужных вещей и желаний. Как говорит твой дедушка «от ложных целей», – раскинув руки в стороны, неожиданно резко сказал Иван. – Только они пошли дальше, чем хотелось бы твоему дедушке. Они настолько ущемили сами себя, свои желания, свою плоть, что им не стало нужно вообще ничего. Какие айфоны, автомобили, дома? Их цель – уничтожить, выжечь свою плоть так, чтобы даже самые простые вещи, как говорит твой дед «базовые потребности – еда, секс и безопасность», их не интересовали. Ты же видела, как они свои члены на трубу наматывают.

Иван ухмыльнулся и продолжил:

– Когда-то их религия самоограничения превратилась в символ освобождения от рабства и колониализма. Поэтому понадобился новый колониализм. Теперь твой дед хочет вживить желание работать на геном уровне. Но все опять кончится этим. Ненавидящими и презирающими друг друга кастами и сословиями, и нежеланием одних горбатиться на

других. И, в конце концов, очередной резней.

– Поэтому нам и нужен этот вирус... и вакцина, – тихо проговорила Диана.

– Не понял? Разве мы не хотим его уничтожить? Зачем вам вирус? – Иван остановился и внимательно посмотрел на Диану.

– Не все так легко будет сделать. Люди не готовы чем-то жертвовать даже для собственной пользы. Для того, чтобы ими управлять нужен страх, – опустил глаза, произнесла девушка.

– И вы будете пугать их вирусом?

– Пугают же детей всякой ерундой... А иначе как заставить их учиться и делать что-то полезное? Это для их же пользы. С помощью страха перед вирусом можно ограничить перемещение людей. Дедушка считает, что люди слишком много ездят с места на место в поисках лучшей жизни и это вредит и им, и экономике.

– То есть, где родился там и пригодился? – рассмеялся Иван. – Что еще вы мне не сказали?

Сейчас он начал догадываться, о чем мечтает Фридрих Уотсон.

– Твоему деду нужно всех запереть в своих странах, и тем самым закрепить навсегда их положение в мире. Чтобы никто даже и не мечтал его улучшить. Всемирная кастовая система. Говоря проще – с помощью вируса и генной инженерии загнать людей в бараки и заставить их мечтать лишь

о том, как лучше сделать свою работу.

От разожженного совсем рядом погребального костра пошел едкий белый дым.

– Зачем в бараки? Они могут жить в своих домах и квартирах, – тихо, не обращая внимания на происходящее вокруг, ответила Диана. – Многовековой опыт говорит, что нации плохо смешиваются и почти никогда не уживаются вместе. Ваш развалившийся СССР тому доказательство. Очень часто бывает, что некоторые народы не хотят ни учиться, ни работать, а хотят паразитировать за счет других. Поэтому ничего плохого в том, что каждый будет жить в родном и близком для себя окружении, нет. Не мешая друг другу. Надеюсь только на себя. И главное, ты пойми, Иван, война уже началась, и не мы ее развязали. Того, вчерашнего мира, уже никогда не будет. Так что или диктатура труда, где у каждого будет еда и жилье, или миллионы костров для грандиозной кремации по всему миру. Лишние люди им теперь не нужны.

Едкий дым был невыносим. Иван решил увести Диану чуть дальше от этого места и взял девушку за руку. Не успели они сделать и нескольких шагов, как вдруг он заметил тех, ради кого они сюда приехали. Европейцев здесь почти не было, поэтому Чернуха и Горемыкин бросались в глаза. Чтобы самому не привлечь внимания, Иван опять зашел за разгорающийся костер. Он достал фотоаппарат, решив сделать несколько снимков. Диана тоже увидела тех, кого они

искали, но вместо того чтобы спрятаться, схватила своего спутника за рукав и потащила его в их сторону.

– Надо забрать у них вирус, – твердила она очень быстро. – Мы сможем его изучить, сделать вакцину. Иван, что же ты стоишь? Надо действовать!

– У меня нет такой задачи. Мы об этом не договаривались, – Иван пытался освободиться от цепкой хватки Дианы и в тоже время пытался фотографировать. – Я должен только следить.

Тут произошло непредвиденное. Несколько человек, наверное, родственников того, кто сейчас лежал на толстых бревнах костра, с криками бросились на Ивана, пытаясь отнять у него фотоаппарат. Видимо они решили, что он хочет заснять, как сгорает их близкий человек и поэтому были очень рассержены.

Получилось, что с одной стороны его тянула Диана, пытаясь как-то заставить его действовать, а с другой в сторону реки его тянули за рюкзак и руку родственники усопшего. Иван не знал что хуже: возня и шум, которые могли привлечь ненужное внимание окружающих или разъяренные индусы.

Нужно было действовать немедленно. Он высвободил руку, которую держала девушка, и сильно оттолкнул одного из нападавших. Тот не удержался и, сделав назад пару шагов, свалился в реку, задев несколько человек. Куча грязных брызг разлетелась в разные стороны. И тут со всех сторон на помощь к обиженным родственникам бросились люди. Иван

пытался их сдержать, но людей было очень много.

От расправы их спасли люди, видимо отвечающие здесь за порядок. Какая-то женщина в голубом сари, свободный конец которого накрывал ее голову наподобие капюшона, властно подняла руку навстречу толпе и все индусы мгновенно уважительно стихли.

Не мешкая, Иван схватил Диану и потащил ее отсюда. Заметили ли их те, кого они преследовали или нет, было уже не важно. Главное было выбраться отсюда живыми.

Глава 14

В том, что Генри Мидас попытается сыграть в свою игру, Доктор Альберт Кауперман не сомневался. На таком уровне слепых исполнителей не бывает – все пытаются использовать любой шанс ради своей выгоды. Но то, что Генри рискнет отодвинуть на обочину его самого, Кауперман не мог даже представить.

Доктор сидел в командном пункте на подводной лодке и замороженно смотрел на пульт подготовки и управления пуском баллистических ракет. Удовольствие, которое он получал от осознания их мощности, можно было сравнить с тем состоянием всесильности и сверхмогущества, которое он испытывал в молодости, наглотавшись разноцветных таблеток ЛСД. Тогда он любил устраивать массовые оргии в своем огромном доме, сейчас он мог устроить безумный шабаш по всему миру.

«Генри всегда был не очень адекватным, но идиотом вроде не был, – думал Кауперман. – Видимо я недооценил его детские комплексы, а ведь в его досье все было написано. Да, люди не меняются. Этот гнойник в нем накапливался много лет и теперь прорвался. Мировой власти ему захотелось! – Кауперман засмеялся тихим старческим смехом, осторожно, будто боялся что-то расплескать. – Наивный дурачок. Да я за пять минут могу какую-нибудь Бельгию уничтожить, а тебя... твоим же оружием!»

Он нажал кнопку и через мгновение в дверь постучался секретарь. Не дожидаясь ответа, в рубку вошел мужчина лет пятидесяти. Кауперман давно уволил всех симпатичных девушек-секретарш, и не потому что боялся подстроенных обвинений, а потому, что решил наконец: глупо смешивать работу и удовольствия.

– Принесите мне, пожалуйста, все, что у нас есть на Генри Мидаса, – распорядился он. Потом, на секунду задумавшись, изменил свое решение: – Нет, не надо ничего нести. Что я там не видел? Через два часа мне нужен фильм о нем. Небольшой, минут на пятнадцать-двадцать. Но такой, чтобы после его всемирной премьеры Генри Мидасу осталось бы только повеситься. Всех его мальчиков, всю его педофилию, и естественно, все его незаконные финансовые фонды, связи с международным терроризмом, махинации в ООН...

– Может сделать фильм подлиннее. У нас материала хватит.

– Не надо длиннее. Важно чтобы через два часа все это ушло в интернет, в редакции газет и на телевидение.

– Придется включить много материала, показ которого могут расценить как глумление над общественной моралью...

– Мне плевать на то, что кто-то может расценить так! – вдруг закричал визгливым бабьим голосом Кауперман. – Я и есть общественная мораль! И сейчас я хочу показать, что будет с теми, кто пошел против морали, против меня! Я хочу уничтожить этого выскочку. К вечеру с ним не должны общаться даже гниющие заживо бомжи и наркоманы. Я хочу, чтобы все его деньги были заморожены. И чтобы отовсюду его гнали грязными тряпками. А еще лучше, если он сам выбросится из окна своего шикарного дома прямо в каньон, где его труп растащили бы местные койоты.

Глава 15

С трудом убежав от толпы разъяренных родственников, Диана с Иваном пошли искать отель. Первые два, в которые они зашли, вызвали у них шок. Эти отели были предназначены для тех, кто решился дожидаться своей смерти здесь, в Варанаси.

Большинство явно небогатых постояльцев были родственниками избравшего этот путь человека, которые ожидали когда тот, кто приехал сюда умереть, обычно уже старый больной человек, отойдет в мир иной.

– Ты извини за то, что произошло на набережной, – наконец сказала Диана. – Надо было сразу тебе сказать, что девушке очень нужен этот вирус, чтобы управлять людьми.

– Да ладно, – Иван посмотрел на девушку. Чуть покрасневшая от бега, борьбы и возбуждения, с глазами, в которых легко можно было увидеть упрямство, граничащее с фанатизмом – она сейчас была очень соблазнительной. – Может ты и права, что толку в этих фотографиях... – он уже и сам понимал, что задание, полученное в Москве, имеет мало смысла. – Надо отдохнуть и все обдумать.

Молодые люди уже хотели зайти в третий по счету отель, когда у Ивана позвонил телефон.

– Ваня, у нас тут все с ума уже походили! Что происходит? – услышал он голос Вахромеева.

– Вы о чем именно, товарищ генерал? Здесь столько всего!

– Я о твоей работе. Третий день, а информации никакой.

– Сергей Андреевич, я не очень понимаю, что от меня требуется. Вы поставили задачу – следовать за ними и наблюдать. Я и выполняю – слежу.

– А где фотографии? Где отчет?

– Да какой смысл в этих фотографиях? – вдруг взорвался Иван. – Что мы вообще за ними бегаем, товарищ генерал? Толку от фотографий никакого. Если это действительно опасный вирус, то нужно срочно искать противоядие, а не гоняться за черными кошками. Если его выпустят, он распространится сам и очень быстро, без чьей либо помощи. Мо-

жет, есть смысл задержать этих людей вместе с вирусом? Все-таки они наши граждане. Исследовать и думать о том, как с ним бороться?

– Это не нам с тобой решать. Дело в том, что они вроде как бы и наши, да не совсем. Они, Ваня, неприкасаемые. Понимаешь, о чем я?

– Не очень. Здесь, в Индии, у этого слова один смысл, но вы, наверное, вкладываете какой-то другой.

– Смысл в том, что трогать мы их не можем. Они не в нашей юрисдикции.

Иван оглянулся. Диана стояла чуть в стороне.

«Интересно, она знает русский? И слышит ли она разговор? Вот бы она удивилась, если бы узнала, что самая страшная организация в мире – их Контора, которой десятки лет пугают весь мир – не может тронуть двух своих граждан, которые почему-то вдруг стали неприкасаемыми. Кто вообще раздает такие привилегии? А может Диана как раз и знает, кто раздает. А мне, Ване-дурачку, это знать не положено».

– В общем, Иван, пока задача не меняется. Следить и докладывать. И можешь уже ехать в аэропорт. В Индии они все свои дела сделали, а ты ничего не зафиксировал.

– Виноват, исправлюсь, – немного обиделся Иван. – Куда дальше?

– Их самолет запросил перелет в Иерусалим. Так что догоняй. Постарайся в этот раз добыть хоть что-то. И подготовь доклад. Ты же знаешь как у нас: хороший отчет – по-

ловина дела. По дням, по часам, по минутам. Здесь много вопросов и нет ответов. Твой большой друг, генерал Калган, рвет и мечет. И еще... Осторожнее, Ваня, – по-отечески попрощался генерал.

Иван нажал отбой на дисплее телефона и повернулся к своей спутнице.

– Отель не нужен. Помчались в аэропорт, – с раздражением в голосе сказал Иван.

– А что еще тебе сказали? – как бы между прочим спросила Диана.

– Летим в Израиль, – только и ответил Иван и не стал рассказывать подробностей.

– А что делать с вирусом? Мы должны его захватить.

– Посмотрим по обстановке, – выдохнул Иван, понимая, что Диана права, но нарушать приказ он не хотел.

До аэропорта молодые люди добрались очень быстро. Когда они оказались в салоне своего самолета, их встретил растерянный и немного напуганный экипаж.

– В чем дело? – тут же спросила Диана.

– Мисс Уотсон, сейчас по связи прошла информация, что в Китае, в Гуанчжоу, где мы были, обнаружен какой-то очень опасный вирус. Несколько городов там уже закрыто на полный карантин. Меры беспрецедентные.

– Понятно. Значит скоро и здесь. Летим как можно быстрее.

– Куда?

– В Иерусалим.

– Я сейчас туда позвоню, – Иван посмотрел на Диану и пояснил: – У меня там есть хороший приятель, Петр Николаевич. Недавно из России туда уехал. Как раз в Иерусалиме обосновался. И поживем у него, и машина с водителем будет.

* * *

Приятель встретил их в аэропорту. Невысокий, пухленький, очень юркий молодой человек, с чуть выпученными глазками сразу не понравился Диане. Ей показалось, что расшитая бархатная кипа на его макушке, больше напоминает модный атрибут, а не символ служения Всевышнему.

– Я снял вам у своего хорошего знакомого почти задаром великолепный отель, – сказал Петр после приветствия. – Правда, не знал, что ты не один, – добавил он с хитрой усмешкой, – но думаю, разберетесь.

– А у тебя нельзя было остановиться? Мы ненадолго. Времени очень мало.

– Понимаешь, здесь так не принято. Это не Россия. Да и отель рядом с моим домом.

Они вышли из аэропорта на большую стоянку, и Петр повел их к такси.

– И на своей машине не принято ездить? – с иронией спросил Иван.

– Она у меня в ремонте. В прошлом месяце поставил в автосервис и все никак не доделают. Тут никто никуда не то-

ропится... А вы слышали, что в Китае творится? – он перевел тему, усаживаясь на переднее сидение такси. – Вы кстати откуда прилетели?

– Мы из Индии.

– Как там? Индия ведь рядом с Китаем.

– Нормально. Все веселятся.

– Я как-то был в Индии. Им там вообще на все наплевать.

И все повернуты на религии. Как и здесь. Хасиды, индусы, мусульмане... Верующие везде одинаковые и везде нетерпимы друг к другу. Вот только одеваются по-разному.

Они ехали по Старому городу мимо толп туристов и сильно бросающихся в глаза местных. После полуголых индусов на набережной Ганга, хасиды, в длинных черных пальто в высоких меховых шапках или в широкополых черных шляпах, выглядели впечатляюще. А жара здесь была такая же, как в Индии.

– Мы сейчас заедем в ваш отель, а потом поедem в очень шикарный ресторан. Здесь все рядом. Мой дом, отель, ресторан. Это почти центр города, – без перерыва болтал Петр Николаевич. – А вы по делам или так, на экскурсию? У меня есть хороший знакомый экскурсовод, если понадобится. В Москве был профессором МГУ, здесь водит туристов на Голгофу. Как он рассказывает о казни Христа... Шекспир, Ваня, о таком драматизме и не мечтал.

Такси остановилось у входа в отель. Диана с Иваном вы-

шли из машины, а Петр остался.

– Я вас здесь подожду. Вы же быстро? – сказал он уверенно.

Молодые люди зашли в фойе. Диана остановилась и как тогда в доме бабушки в Китае взяла Ивана пальцами за верхнюю пуговицу.

– Я в ресторан не поеду, – сказала она негромко, глядя ему в глаза снизу вверх, – не буду вам мешать. Ты, пожалуйста, недолго. У нас дела. Я очень на тебя надеюсь и буду тебя ждать.

У Ивана, как и тогда, сердце сделало несколько сильных ударов и куда-то провалилось. «Скажу Петру, что никуда не поеду». Но подумав, решил, что выглядеть это будет, словно он мечтает запрыгнуть к ней в койку. Поэтому нашел в себе силы сказать:

– Я на час, не больше. Давно с ним не виделись, – почти оправдываясь, пробормотал он.

Девушка грустно улыбнулась. Да так, что Иван чуть было не переменял свое решение. И лишь собрав остатки воли, быстро повернулся и решительной походкой направился к выходу из отеля, где в припаркованном такси его ждал скупающий приятель...

Глава 16

Очень шикарный ресторан, как представил Петр это за-

ведение, сильно напоминал провинциальное российское кафе: вычурное убранство с обилием зеркал и красного бархата, колонны из папье-маше, лепнина под потолком. Из двух огромных черных колонок, стоявших на пока еще пустой сцене, звучала, поскрипывая басами, советская музыка. «Кто тебя выдумал, звездная страна?..» – грустно спрашивала невидимая певица.

Публика была немногочисленной. Две танцующие медленный танец пары и несколько пожилых мужчин за столиками, разминающиеся водочкой, видимо в ожидании горячих блюд. Создавалось впечатление, что все они были между собой знакомы и очень смахивали на деревенских родственников, которые раньше времени приехали на какое-то семейное торжество и теперь экономно коротали время в ожидании предстоящего события.

Официант в темно-малиновом пиджаке, на лацкане которого висел большой медный бейджик с русским именем «Толя», заговорщицким голосом предложил новым посетителям попробовать свежайшую форель и водку, которую прямо из Москвы специально для него прямо с завода возит хороший знакомый. Толя был уже немолодым, достаточно крупным, но на удивление подвижным мужчиной, легко изгибающимся в своей необъятной пояснице. Говорил он довольно тихо, как будто специально, чтобы не услышали другие клиенты, делая обкусанным карандашом только ему одному понятные пометки в маленьком блокнотике.

Приятели заказали запеченную целиком фаршированную форель, а на холодное форшмак. Иван вдруг понял, что сильно проголодался и чтобы долго не ждать попросил сделать большую шакшуку и принести хваленую водку «прямо из Москвы».

– Кто хорошо работает, тот хорошо и ест, – прокомментировал заказ Петр Николаевич.

Может потому, что сам Петр работать любил не очень сильно, он почти не закусывал, а перерывы между тостами делал очень маленькие. Поэтому быстро захмелел и стал жаловаться на неустроенную жизнь в Израиле, высокие цены и постоянное желание новых соотечественников его в чем-нибудь обмануть.

Иван вспомнил, как уходя в номер, поднималась по лестнице отеля Диана. Она, конечно, знала, что он неотрывно смотрит на нее и поэтому совсем чуть-чуть усилила свою женскую привлекательность мягкостью и плавностью движений. Иван совсем не слушал приятеля, думая лишь о том, что нужно быстрее найти какой-нибудь повод, чтобы сейчас же уйти из ресторана и вернуться в отель. Но в голову ничего не приходило.

– ... и главное, никогда, запомни, никогда ничего нельзя прощать! Мы это лучше всех знаем, – оглядывая всех вокруг, очень громко, будто выражая общее мнение, вдруг произнес Петр Николаевич, неожиданно перейдя от личных проблем к проблемам еврейского государства.

Иван вздохнул. Принесли еще закуски. Ему казалось, что даже рыба, лежащая на тарелке, своим тусклым глазом смотрела на него укоризненно: «Зачем ты слушаешь эту ерунду – беги к ней».

– Сегодня ты простил, что тебя обозвали жидом – завтра они сожгут твой магазин, а потом захотят, чтобы ты им отдал для утехи своих дочерей...

– Кстати, ты еще так и не женился? – спросил Иван, чтобы сменить тему.

– Нет, не женился. И это вообще совсем некстати, – почему-то обиделся Петр. – Пойми, бить все равно придется, – заверил он, стукнув кулаком по столу.

Приятель рассуждал с таким видом, будто бы сам лично участвовал во многих драках. Но Иван знал, что трезвый он крайне деликатный и застенчивый человек, что даже попросить водителя маршрутки остановиться там, где ему надо выйти, для него большое достижение.

– Но если на этом этапе хама можно привести в чувство обычной оплеухой, – продолжал Петр, – то потом придется стирать с лица земли всю его деревню. Так что быстрое решительное наказание – это гуманизм.

Иван наконец прислушался к тому, что говорит его старый знакомый и не удержался:

– Я смотрю, ты изменился. Стал решителен и категоричен.

Петр на мгновение задумался, не зная как расценить эти слова: как иронию или как комплимент. Решив, что это ком-

плимент и поощрение, продолжил:

– Слабость и уязвимость России в том, что русские оценивают мир вокруг них и все события, исходя из короткого времени только своей жизни. «После нас хоть потоп и гори все синим пламенем». А мы, евреи, рассчитываем все на века, на многие поколения вперед, – поучал он Ивана, катая в пряном соусе хрустящий шарик фалафеля. – Мы заключили договор, завет с богом три тысячи лет назад, и выполняем его, не рассуждая. А вы все мечетесь, даже не в силах заглянуть в завтрашний день. Ищете новых богов и кумиров. А ведь написано: «Не сотвори себе кумира». Сами их создадите, сами поклоняетесь, сами не способны выполнить новые заповеди. Обвинять себя в нерадивости вам не нравится. Поэтому в своих проблемах обвиняете богов и с облегчением сбрасываете их с пьедестала.

– Ну а если так получилось, что цель не та... Ошиблись, когда выбирали направление... Что же, так и ковылять не в ту сторону?

– Может лучше ковылять. Если все время болтаться как говно в проруби, то вообще никуда не дойдешь. Без идеи, без цели, пусть даже ложной, нация превращается в толпу. Ведь говорят: «цель – ничто, движение – все». Да и как можно узнать, какая дорога правильная, пока не дойдешь до конца?

Перемены, вдруг произошедшие в Пете, удивили Ивана. Старый приятель стал заносчивым и высокомерным. Это начинало раздражать.

– Мне иногда кажется, что все идеи – обман, – резко ответил Иван. – Да и родины никакой не существует. Древние бандиты когда-то поделили между собой кто от какого народа кормиться будет и название себе придумали. А родина – это десяток близких друзей, твой двор и речка за домом.

– Вот-вот. Вы русские еще не научились родину ценить, потому что не знаете, как это вдруг оказаться без нее, – наставительно произнес Петр. – Если бы евреи думали как ты, то нас бы до сих пор и громили в этих наших еврейских дворах и гетто, где старенькая тетя Сима – единственный защитник для всех униженных и оскорбленных. Ведь мы никому не мешали. Ну торговали, работали больше чем другие, учились, когда другие баклуши били... А к чему это приводило? Как соберется любая толпа бездельников, выпьет и куда идет? Евреев громить. А теперь не получается. Потому что и идея есть, и родина. Из-за одного еврея Израиль любой стране может войну объявить. Вот так!

Петр Николаевич был по-настоящему горд и за себя и за всех евреев.

– Русскому бы народу, – улыбнулся он снисходительно, – хороших бы руководителей евреев.

– Неплохая идея, – вдруг вмешался с соседнего столика пожилой мужчина. – Мало нам своих проблем, давай поучим жить кого-нибудь еще. Ты парниша, наверное, только приехал, а я вот уже тридцать лет живу здесь. Как Союз накрылся, мы сразу сюда.

– И это как-то доказывает, что я не прав? – холодно и даже пренебрежительно спросил Петр.

– Я хочу сказать, что ты жалкий поц, – обиделся сосед на его нагловатый тон. – Мало нас столько лет били за то, что лезли везде, где не надо, а ты опять куда-то собрался. Ты ведь, чтобы в армии не служить, еще в России справку приготовил, а у меня два ранения.

– Никаких справок я не брал. И если надо, пойду наш Израиль первым защищать.

– Так, а что же ты сейчас не в армии, а здесь на теплом диване?

– А кто вы такой, чтобы меня об этом спрашивать? – высоким звонким голосом вдруг закричал Петр.

Все присутствующие посмотрели в их сторону. Посетители и так давно прислушивались к разговору, но сейчас уже каждый захотел в нем поучаствовать. Вместо пожилого мужчины ответила его спутница, сидящая с ним за столиком.

– Вот благодаря таким идиотам как вы, молодой человек, нас скоро вырежут прямо здесь, в Иерусалиме, – нравоучительным тоном школьного преподавателя, сказала она и безжалостно затушила сигарету.

– Какую чушь вы говорите, какую чушь... Все это ерунда и глупость, – вся спесь с Петра слетела и он опять превратился в того застенчивого парня, который от волнения начинал заикаться и с трудом подбирать нужные слова. – Мы можем победить кого угодно, а если понадобится, весь мир будет за

нас. Евреи всего мира нам помогут.

– Уже помогли в Германии, не так давно, – едко напомнил кто то из соседей. – Одно дело быть еврейским патриотом, сидя в Бруклине, а другое, когда ты живешь в польском гетто в сороковом году или здесь в Ашкелоне, когда из Газы на детские сады летят ракеты.

В разговор включились все посетители кафе. Спорили все и со всеми. Женщина говорила, что они здесь, как сакральные жертвы, необходимые чтобы кто-то имел свой хороший гешефт. Кому-то хочется опять начать большую войну и чтобы она произошла, лучше всего устроить резню именно здесь, на Храмовой горе. И такие патриоты провокаторы, как Петр, только об этом и мечтают, а сами надеются, как всегда отсидеться за океаном.

– Только эта война, – объясняла она, – никому не даст спрятаться. Будет конец света и тогда Бог рассудит, кто что делал, чтобы ее избежать.

Поднялся большой шум, посетители разделились на два лагеря. Кто-то уже хватал друг друга за грудки, кто-то плеснул в оппонента чем-то из стакана. Казалось, драка была неизбежна. Иван попытался ее остановить. Он вклинился между спорщиками и раздвинул их, широко расставив руки. Именно в этот момент он и получил сзади бутылкой по голове.

Земля под ногами у Ивана сначала закачалась, потом задрожала мелкой нервной дрожью и наконец взорвалась, швырнув его вверх. Он полетел как камень, вырвавшийся из жерла вдруг ожившего вулкана.

Скорость была такой огромной, что через несколько секунд он увидел Землю такой, какой она выглядит на космических снимках. Планета проплывала под ним прекрасной голубой красавицей. Иван почувствовал, как его наполняет восторг и счастье. Дышать стало свободно. Его полет стал легким, будто у него выросли большие белые крылья. А потом он стал возвращаться обратно, и Земля вдруг стала покрываться чем-то похожим на плесень. Это начиналось с полюсов: что-то оттуда ползло по земле к экватору, постепенно заполняя моря и океаны, меняя голубой цвет сначала на серый, а потом на черный. Очень быстро вся планета стала похожей на огромный обгорелый безжизненный глобус, где контуры континентов были почти неразличимы.

Иван летел вниз с огромной скоростью. От перегрузки голова так сильно кружилась, что он перестал осознавать, где верх, где низ, где земля, где небо. Вдруг он почувствовал, что влетел во что-то сырое и липкое. Это была та мгла, окружившая землю. Она была такой густой, что скорость падения стала постепенно уменьшаться.

В крошечной тьме он не видел земли, но знал, что она быстро приближается. Перед самым падением на мгновение темнота вокруг сменилась чем-то огненно-алым, и он на-

конец упал. Ему повезло – он упал в воду, подняв тысячи брызг. Они были ярко-алыми, как кровь, потому что такого же цвета была вода. Быстро вынырнув на поверхность, он понял, что вокруг смрадное болото. Из глубины на поверхность поднимались пузыри. Здесь они, надуваясь, становились розовыми. А потом гулко лопались, наполняя воду запахом серы. Вокруг по воде скользили змеи, в воздухе парили тучи комаров, мух, слепней и необычной огромной саранчи. Все это гудело, жужжало и пищало так противно, что хотелось заткнуть уши.

А рядом на зеленом плавучем листе лотоса сидела диковинная очень большая лягушка. Как и положено, на голове у нее была золотая корона, а во рту длинная стрела. Конечно же, она говорила человеческим голосом:

– Поцелуй меня, Иван, и я превращусь в прекрасную царевну.

Вероятно ее бархатный голос и слова обладали гипнотической силой. У Ивана вдруг появилось неудержимое вожделение, и он поплыл к лягушке. Когда до нее осталось меньше метра, он протянул руки, пытаясь дотронуться до нее. Тут же челюсть у лягушки сильно опустилась вниз, стрела выпала в воду, а из огромного рта появился длинный раздваивающийся язык. Он, покачиваясь, медленно приближался к его лицу.

И в этот момент где-то над водой, за болотным камышом и густой осокой заиграла хорошо знакомая музыка. Она

стремительно приближалась и становилась громче. Иван пытался вспомнить, откуда он так хорошо знает эту мелодию и когда жабий язык уже был в нескольких сантиметрах от его рта, он вспомнил.

Это была старая французская песня, которую Мария установила ему на телефон в качестве сигнала оповещающего, что звонит именно она.

Иван тотчас проснулся и резко вскочил на ноги. Он был в номере отеля. Рядом за столом сидела Диана и холодно смотрела на него. Было тихо, мелодия уже не звучала.

Голова продолжала кружиться и по его лицу текло что-то липкое. Он провел рукой по лбу – это был обычный бесцветный пот. Иван опустил руку вниз и машинально вытер ее о штаны.

«Похоже, я вчера уснул в одежде», – неуверенно подумал он. Его кроссовки валялись около кровати. Синий носок на правой ноге предательски подмигивал маленькой дыркой у большого пальца. На левой ноге носка не было. Последнее, что помнил Иван из вчерашнего вечера, это фейерверк искр в голове после удара бутылкой.

А произошло следующее: после этого нападения все будто очнулись. Когда Иван как подкошенный упал на пол, все присутствующие бросились приводить его в чувство. Больше всех старалась помочь именно та женщина, которая и ша-рахнула его по голове. «Не знаю, что со мной произошло,

как наваждение какое-то. Сама не знаю зачем я это сделала», – оправдывалась она перед людьми. Они молча осуждающе смотрели на нее, будто бы сами минуту назад не собирались разбить друг другу лица из-за дурацкого спора.

Потом, когда Иван очнулся и пришел в себя, его начали лечить. Естественно водкой. И совсем скоро он опять стал говорить с большим трудом, а осознание происходящего вокруг стало периодически выключаться. Тогда его взяли под руки и в сопровождении большой делегации из посетителей ресторана, доставили в отель.

Диана надеялась, что он вернется гораздо раньше и уж точно не в таком состоянии.

Но ничего этого Иван не помнил, и сейчас стоял перед ней переминаясь с ноги на ногу, не зная, что делать.

– У тебя всю ночь звонил телефон и не давал спать, – упрекнула девушка вместо приветствия. – В следующий раз выключай звук, – добавила она совершенно не к месту.

– Хорошо, – покорно согласился Иван и стал одевать кроссовки.

– Может тебе сначала в душ сходить? – язвительно предложила она.

– Может, – продолжал соглашаться Иван.

Он чувствовал себя паршиво и скверно. Наткнувшись взглядом на холодильник, дрожащей рукой открыл дверцу и вытащил оттуда пластиковую бутылку воды. Мгновенно

открутив синюю пробку, он закинул голову, закрыл глаза и в несколько глотков опрокинул в себя все содержимое.

– Вода – это жизнь, – выдохнул он, чувствуя прилив сил. – А во сколько я пришел? – спросил он, чтобы найти какие-то отправные точки для восстановления событий.

– Ты не пришел, а тебя притащили в полночь и бросили на диван как бурдюк с вином, – строгим голосом ответила Диана.

– Карета превратилась в тыкву, золушка в чумазую кухарку, а принц... А принц, впрочем, принц так и остался принцем, – пробормотал он себе под нос, пытаясь вспомнить хотя бы что-нибудь. – Ты права – надо в душ.

Через полчаса он вышел из душа уже достаточно бодрым, немного мокрым и лишь с набедренной повязкой из белого полотенца. Кем бы Диана ни была, она, прежде всего, была молодой женщиной. И она не могла остаться равнодушной, глядя на великолепную фигуру молодого человека.

– Заказать тебе завтрак? – примирительно спросила Диана, расстегнула заколку на волосах и легким движением распустила свои длинные черные волнистые локоны по плечам. – Ты меня извини за грубость, но я никогда не видела таких пьяных людей.

– Я и сам себя таким пьяным никогда не видел. Понимаешь, мне вчера бутылкой по голове...

В это время опять зазвонил телефон и прервал его объяснения. Звонил Вахромеев.

– Ваня, ты опять куда-то пропал? Что случилось?

– Понимаете, Сергей Андреевич...

– Нет, Ваня, не понимаю, нет времени понимать, – перебил его генерал. – Я тебя вчера предупреждал: все очень серьезно. А ты пропадаешь непонятно куда. И, главное, вчера кто-то позвонил в Контору и сообщил, что ты в номере отеля с очень известной девушкой. Калган сразу зацепился, начал копать. Хотя, что здесь копать – все на поверхности. Почему ты мне ничего не сказал? В общем, Ваня, тебя обвиняют в измене... Я уверен, что это или недоразумение, или ты что-то знаешь, а мне не говоришь. От дела тебя отстраняют и с минуты на минуту к тебе должны прийти наши люди, чтобы доставить тебя сначала в посольство, а потом домой. Я не должен тебе это говорить... но Горемыкин и Чернуха вылетели в Сан-Франциско. Они даже из аэропорта в Иерусалиме не выходили. Так что ты все равно ничего не мог бы сделать. Ваня, тебе нужно сделать чудо. Как ты это сделаешь, я не знаю, но чем могу, помогу. А сейчас – беги. Беги, Ваня, беги.

Как только Иван нажал на кнопку отбоя на телефоне, тут же загорелся дисплей, и опять заиграла та самая французская мелодия, которая во сне спасла его от поцелуя лягушки.

– Ваня, это я, – голос Марии был очень взволнован. – В пять утра сюда, в твою квартиру, ввалились какие-то люди. Они вышибли дверь, меня заперли в туалете и все везде перевернули. Ты не отвечал на звонки. Что происходит?

– Все хорошо, Машенька. Но сейчас мне надо идти. Я позвоню, как только смогу. Не волнуйся, милая.

Иван убрал телефон в карман и встретился взглядом с Дианой. По ее глазам он понял, что этот звонок от Марии ее сейчас волнует больше всех вирусов вместе взятых.

– Нам надо бежать, – сказал он. – Собирайся быстрее.

– Это твоя девушка звонила сейчас? – стараясь придать своему голосу безразличный тон, спросила Диана, не сходя с места.

– И она тоже.

Иван залетел в ванную и выскочил оттуда уже полностью одетый. Его рюкзак стоял неразобранный.

– Диана, надо бежать или меня арестуют.

Она, молча, встала. Резко сдернула с полки свою дорожную сумку, побросала в нее свои вещи и быстро вышла из номера вслед за Иваном.

Глава 18

Для разговора с Вахромеевым Михаил Калган по привычке приехал чуть раньше, чтобы осмотреться и подготовиться. Он поставил машину под Большим Устьинским мостом и не спеша пошел пешком по Москворецкой набережной к месту встречи. У маленькой пристани для прогулочных кораблей он остановился. Вдоль длинных железных понтонов плавали жирные утки.

«Только не оглядывайся», – сказал он сам себе и сразу

же обернулся. Высотка на Котельнической, которую он давно старался не замечать, сейчас, подсвеченная ярким летним солнцем, возвышалась над рекой во всем своем великолепии.

Михаил Калган вспомнил все, как будто это было вчера. Даже запах ее духов. Настоящие французские «Клима». Они только появились в Москве и ему, курсанту военного училища, достать их было невозможно. А как он мечтал их ей подарить...

Они встречались у парадного подъезда. Потом у светофора переходили дорогу к реке, и она держалась за его руку. Вот так же, как сейчас, плавали утки и курсировали по воде почти такие же белые теплоходики. Чаще всего просто гуляли вдоль реки. Он специально немного отставал, чтобы посмотреть, как она почти парит над землей. Так умела летать лишь она...

Иногда они сворачивали в переулки Зарядья, а иногда по Большому Москворецкому мосту перебираясь в Замоскворечье. Когда в концертном зале гостиницы «Россия» было что-нибудь интересное, они шли туда.

Он хорошо помнил десятки красных туристических автобусов на набережной у гостиницы и ощущение бесконечного, но явно чужого праздника. Помнил, как всегда стеснялся своей военной формы рядом с модно и ярко одетыми надменными иностранцами.

Гостиницу «Россия» давно снесли. На ее месте теперь

был какой-то облезлый пустырь, который почему-то называли «сквером» и запустили туда скучающих туристов. Именно здесь они договорились встретиться с Вахромеевым. Тот сам позвонил рано утром и попросил об этом.

Калган издалека заметил генерала, спускающегося от Покровского собора.

– А ведь я здесь не был с тех времен, когда здесь еще была гостиница. Проезжал мимо тысячи раз, но ни разу не остановился, – вздохнул Михаил и протянул руку для приветствия, когда Вахромеев подошел ближе.

Воспоминания о жене странно подействовали на него. Михаил будто побывал в том времени и вспомнил что-то важное, что хорошо знал тогда и в чем тогда был абсолютно уверен.

– Ну вот, как раз и посмотрим, что здесь понастроили, – сухо ответил Вахромеев.

– Но ты же, наверное, не для этого меня сюда вытащил? – спросил Михаил.

– Да конечно... Вот что, Миша – Вахромеев старался не смотреть в глаза старому товарищу, и это ему самому было неприятно, – мы же знакомы с училища... Что ты делаешь? Зачем ты парня топишь? Ты же знаешь, что он никому не изменял. Действует по обстановке. Я понимаю, у тебя из-за сына к нему личные претензии, но сейчас же не до этого.

– Против твоего парня я ничего не имею, – устало возра-

зил Калган. – Но если мы занимаемся безопасностью государства, то должны именно этим и заниматься. Значит, выполнять приказы и поставленные задачи. И не размышлять.

Они шли вдоль реки. Крикливые чайки что-то нашли в воде и устроили шумные разборки.

– А может наоборот. Если бы мы с тобой не выполняли некоторые приказы, то в 91-ом году государство бы не развалилось? – возразил Сергей Андреевич.

– Это ты о чем? – Калган уперся руками в гранитное ограждение реки и смотрел на воду. – Думаешь, в те дни надо было не в Вильнюс лететь, а здесь в Москве советскую власть восстанавливать? Технически силами только одной нашей группы работы было на пять минут. Только кому бы ты власть передал? К тому моменту наверху уже только предатели остались, которых американцы полностью контролировали.

– Наверное, ты прав, Миша, – Вахромеев встал рядом с ним. Первый раз за много лет он опять почувствовал плечо товарища. – Все мы к тому времени немного заблудились, потеряли дорогу. Никому не хочется слушать Кассандру, предсказывающую войну и голод. Лучше слушать сказочников, обещающих молочные реки. Много лет нас отучали любить свою страну, чтобы потом было легче у нас ее отнять.

– Ну, это все философия, – Калган улыбнулся и посмотрел на Кремлевские башни чуть дальше по реке. – Как они

до правительственной связи добрались, скипетр и державу трясущимися руками схватили, Шапку Мономаха напялили, то они уже здесь власть, а ты террорист и действуешь вне закона.

– И что же теперь делать? – спросил Вахромеев.

– Служить тем, кто есть, Сережа, – Калган повернулся к товарищу, и они оказались лицом друг к другу. Калган показал рукой в сторону сквера. – Думаешь это все случайные совпадения? Была «Россия», теперь облезлая тундра со мхами, лишайниками и чахлыми березами... На краю стоим – отступать некуда. Война идет, и победить мы можем только в одном случае: если мечтать перестанем и каждый будет делать свое дело.

– Опять гайки завинтить? Разве люди об этом мечтали?

– О чем мечтали, то и получили. Только теперь ноют, что им попу перестали вытирать и слюнявчик менять.

Калган достал из внутреннего кармана фляжку и сделал большой глоток.

– Они думали, свобода – это на пляже с красивой девкой водку пить. А свобода – это ответственность. Хотя бы за себя. Такая она им не нужна. Правильно Достоевский говорил: невыносима свобода для русского человека. От нее он бежаться начинает. Дашь ему свободу, а он ее свяжет, вывернет и обратно тебе изувеченную принесет. Федор Михайлович на Омской каторге много лет просидел. Что такое свобода хорошо знал. Людям свобода не нужна, им нужна вера

в сказку. В идею... Пусть даже самую бестолковую.

Они вышли с набережной на что-то похожее на мост, который дойдя до середины реки, зачем-то поворачивал обратно.

– Отними у них идею, – продолжал Калган, – напьются, поплачут пьяными слезами и пойдут бить друг друга смертным боем. Потому что ничего в их жизни высокого и светлого, кроме той идеи, не было. Убери ее и они разнесут страну: камня на камне не оставят. Проходили уже и в семнадцатом, и в девяносто первом. А враги от радости будут потирать потные ладони и добро наживать.

– Плохо ты думаешь о наших людях...

– Наоборот хорошо, – Калган то ли от выпитого, то ли от каких-то своих мыслей, повеселел. – Думаешь, они не знают какая у нас власть? Не знают, что все способности чиновников сводятся к умению лизать жопы начальству и правильно делиться наворованным? Знают. Но вот терпят же. Значит, понимают не хуже нас с тобой, что дальше пустота, и отступить некуда.

Они дошли до изгиба этого моста, где он поворачивал над рекой обратно.

– Мост в никуда! Какой идиот это придумал? – удивленно воскликнул Калган. – Если начали, то надо было доделать, а так остановились на полдороге и вернулись.

– Наверное, это смотровая площадка, – сказал Вахромеев.

– Нет, дорогой, это еще один символ. Знаешь в чем си-

ла человека или страны? Сила в твердости и решительности. Если видят, что ты готов пойти да конца, то испугаются встать у тебя на пути. А у нас вон теперь, мосты на полпути обратно поворачивают, – Калган зло стукнул кулаком по перилам. – Кстати, надо узнать, кто его здесь строил.

– Американцы проектировали.

Михаил на мгновение задумался, потом оглянулся на сквер-пустырь, на Кремль и громко рассмеялся. Потом опять достал фляжку и начал пить из нее большими глотками, сильно задрал голову. Кадык часто ходил вверх вниз, а седые длинные и еще густые волосы трепал ветер. Он допил фляжку до дна и вытер губы рукавом пиджака.

– А в кино говорят, что сила в правде, – сказал Вахромеев, улыбнувшись.

– В кино может быть. А здесь, – Калган поморщился то ли от крепкого коньяка, то ли от мыслей, – здесь правда твоя никому не нужна. Правду никто не любит. Люди ее боятся больше всего на свете. Если бы юродивого Василия Блаженного, – Калган показал на Покровский собор, – царь Иван Грозный не защищал, то его бы тогда на Красной площади лавочники камнями бы забили, как бешеную собаку. Попробуй сейчас вот здесь на набережной сказать людям правду о них самих... Да тебя через пять минут утопят в реке и вздохнут с облегчением. А потом спрячут друг от друга глаза и дальше пойдут. Обманывать друг друга дальше. Кто по мелочи, кто по-крупному – весь мир на лжи держится. От правды он

рассыплется.

– А нужен ли такой мир?

– Нужен, не нужен, а другим он быть не может. Но если ты не слепой и правды не боишься, то ты ее сам найдешь. На месте России пустырь и мосты в никуда... Кто-то очень любит символы. Иосиф Виссарионович с такими проектировщиками быстро бы разобрался. Он семинаристом был. Поэтому в символах и знаках хорошо разбирался. Но и у него сил маловато оказалось. Поэтому и помер в собственной блевотине. Вот такие дела, Сергей Андреевич.

Они вернулись на набережную и Вахромеев, думая о чем-то другом, спросил:

– А почему ты так много пьешь?

– Железные гвозди, забитые в юности в мою голову, как арматура долго скрепляли мою жизнь и наполняли ее каким-то смыслом. Теперь они проржавели и вывалились. И вся конструкция развалилась.

– А водка склеивает опять?

– Водка наполняет новыми иллюзиями, но так как дырок теперь в голове много, то надо постоянно подливать.

Михаил Калган засмеялся и Вахромеев вспомнил его молодым влюбленным курсантом, который лазил через забор части на свидание к своей невесте, а потом по три дня сидел на губе. Они остановились. Калган обернулся на высотку, грустно улыбнулся и, глядя на реку, произнес:

– Знаешь, мне последнее время такие сны красивые снят-

ся, какие-то фантастические. По утрам просыпаться не хочется. Про золотой город и животных невиданной красоты. Помнишь, как в песне...

– А в небе голубом, горит одна звезда...

– Кстати о небе, – перебил Вахромеева Калган. – Ты ведь прав. Скоро каждый лично перед Богом будет отчитываться. Ему не скажешь: «Я как все... а вот Петя из соседнего двора яблоки воровал...» Не прокатят такие оправдания. Поэтому не дам я им опять засучить рукава. Слишком много желающих опять появилось за счет наших проблем себе красивую жизнь устроить. С помощью красивых обещаний людей взбаламутить и опять все здесь до основания разнести. Поджигать – не тушить. Не выйдет. Кончилось их время. Но если я отвечаю за всю эту хрень, значит, я и команду. Будем восстанавливать империю.

Сергей Андреевич долгим взглядом посмотрел на Калгана и тихо спросил:

– А может хватит империй? Если за тысячу лет ничего толкового построить не получилось, может и не судьба? Может людям хочется без великих целей просто для себя пожить?

– Мне вот тоже хочется молодым стать и здесь по набережной с Людмилой по вечерам гулять беспечно... Но и Людки нет давно, и я не молодой. Так уж сложилась наша история: или Российская Империя, или нет нас... только пыль на чужих сапогах.

Глава 19

Иван проснулся, когда луч яркого калифорнийского солнца пробился сквозь неплотные жалюзи на окне и добрался до его глаза через узкую полоску под не плотно закрытым веком. Он крепко зажмурился, потянулся и вспомнил вчерашний день.

Перелет был тяжелым не только от мыслей, которые он безуспешно пытался успокоить, разложив все по полочкам, но и от того, что над Атлантикой в районе того самого известного всем треугольника, они залетели в грозу. Их самолет болтало, за иллюминаторами сверкали длинные кривые молнии на несколько секунд освещавшие страшные рваные тучи вокруг них. Когда они уже почти смирились с тем, что в Бермудах пропадет еще один самолет, показалось голубое небо.

До дома добрались уже поздно ночью. Сил хватило только чтобы упасть на кровать.

Окончательно проснувшись, Иван встал с кровати, подошел к окну и открыл жалюзи. При свете дня он смог в полной мере увидеть то место, куда они приехали ночью.

Прямо под окнами начинался деревянный посеревший от времени настил, который протянувшись через очень широкий, местами заросший низкими кустами, песчаный пляж, и выходил прямо к океану. Потом настил, опираясь на кривые сваи, поднимался над водой и образовывал небольшой

пирс. Там, где он заканчивался, к толстым высоким столбам, были привязаны две белые лодки. Было заметно, что пляжем давно не пользовались. Небольшой пляжный домик с соломенной крышей выглядел одиноким. Высокий стеклянный бокал, оставленный кем-то на столике, был наполовину забит песком.

Слева и справа пляж был закрыт высокими холмами с выгоревшей травой на крутых склонах. Там, где холмы встречались с океаном, лежали груды огромных черных камней. Вдалеке в туманной дымке над морем просматривался силуэт моста Золотые ворота.

Выйдя через стеклянную дверь из спальни на террасу, опоясывающую дом, Иван услышал гул недалекого прибоя, крики чаек и плеск воды. Он сделал несколько шагов по скрипучим, разогретым солнцем половым доскам и увидел за домом большой овальный бассейн, борта которого лишь немного возвышались над землей.

Диана плыла красивым брассом от дальней кромки в его сторону. Когда она вытягивалась под водой, ее великолепная смуглая фигура чуть преломлялась сверкающими на солнце бликами. Потом она поднималась над поверхностью, делала вдох, широкий взмах руками и опять скрывалась. За пару метров до бортика она заметила Ивана, прекратила движение, провела рукой по волосам, откинув мешавшую челку, и улыбнулась.

– Я думала, ты проспишь до обеда. Вчера ты был таким

усталым. Не хочешь поплавать?

Диана была рада, что он застал ее в воде. Ей хотелось показать себя во всей красе, потому что действительно было чем гордиться. Сотни часов поведенных в спортзалах дали отличный результат.

– Я лучше попозже в море искупаюсь. Оно же совсем рядом, – ответил Иван.

Любуясь красотой девушки, он почти физически ощущал ее мокрую гладкую кожу. И ему очень хотелось дотронуться до нее пальцами: провести ими по бедрам, по животу, по плечам. Попробовать губами ее вкус.

– В океане вода невероятно холодная и очень сильное течение. Я редко там плаваю. Но если с тобой, то я тоже рискну, – ответила Диана.

Девушка опять скрылась под водой и вынырнула прямо у хромированной лесенки, дав Ивану возможность еще раз полюбоваться ее фигурой под водой. Потом, взявшись руками за перила, резко подтянулась и быстро выскочила на берег. На несколько мгновений она застыла перед ним как на подиуме, демонстрируя свою фигуру, на которой был лишь маленький черный купальник, который скорее подчеркивал наготу, чем что-то скрывал. Увидев в его глазах искренне восхищение, она немного постояла будто бы задумавшись, потом взяла с кресла большое белое полотенце, набросила его на плечи и довольная почти упала на шезлонг.

– Замечательно... Как будто заново родилась, – она потя-

нулась, взяла недопитый бокал со стола и опять откинулась на спинку.

Сейчас Диана была похожа на довольную сытую черную пантеру: такая же пластичная, гибкая и независимая. Она верила: таких и любят мужчины. Но играть эту роль долго у нее не получалось.

– После вчерашнего перелета мы точно заново родились, – смущенно сказал Иван. Он почему-то стеснялся смотреть на Диану, и поэтому смотрел то на дом, то на море, то на окружающий их красивый сад. – Место шикарное. Это ваш дом?

– Не просто дом. Это родовое гнездо, – радостно откликнулась Диана. – Его построили мои предки почти сто пятьдесят лет назад в викторианском стиле королевы Анны. А вот в той круглой башенке, – взмахнула она рукой в воздухе, указывая вверх, – спальня принцессы, которая ждет своего принца... Ну, то есть моя, – Диана отвела глаза в сторону и сильно покраснела.

– А где дракон, который охраняет принцессу?

– Он сейчас в море прячется, чтобы никого не напугать.

Снаружи дом был прекрасен. Выкрашенный нежно-кремовой краской он, несмотря на большой размер, казался воздушным и притягательным как большое пирожное. Эркеры по углам дома, широкая терраса на тонких столбах вокруг него, большие высокие окна с карнизами и та самая башенка – все было украшено белыми резными наличника-

ми. Дом совсем не выглядел древним и старым. Даже снаружи казался очень уютным, семейным и лишь немного грустным. С дальней стороны от моря за домом начиналась роща с огромными дубами, которые широко раскинули ветки над землей и были похожи на сказочную стражу.

– Я очень люблю этот дом. Здесь я родилась. И вот там, на террасе, еще висят мои детские качели. А отсюда от бассейна по ночам я любила смотреть на звезды. Точнее ждать, когда какая-нибудь из них наконец упадет. И тогда я загадывала желания.

– И что ты загадывала?

– Нельзя говорить, а то не сбудутся.

– Они что, еще не сбылись? О чем же еще может мечтать девушка твоего положения?

– Все женщины мечтают об одном и том же. И это не зависит от их положения.

– Я так не думаю.

– А я уверена, что все, прежде всего, хотят семью.

– А кстати, где твои родители? – Иван не хотел спрашивать об этом, чувствуя, что этот вопрос не обрадует Диану, но и не спросить было не вежливо.

– Они погибли давно. И теперь у меня только дедушка, а у него только я. Он очень хочет, чтобы я продолжила его дело. А я... Я не знаю. Боюсь, что это может помешать мне во всем другом. И если честно – не знаю, что мне делать.

– Разве нельзя сказать ему, что ты не готова?.. Что не хо-

чешь быть тем, кем он хочет тебя сделать.

– Наверное, можно, но это, скорее всего, убьет его.

– Почему?

– Наш далекий прадед, который первым пересек океан и добрался сюда, на запад Америки, сначала был фермером. Сан-Франциско тогда еще был маленькой деревней. В 1848 году на реке Американ-Ривер, это здесь недалеко, нашли золото. Прадед рискнул: все продал и стал старателем. Через год, в один осенний день, когда уже нечего было готовить на завтрак, моему предку повезло – он наконец нашел золото. Больше он так сильно не рисковал и вложился сначала в железные дороги, потом в паровые машины. После этого мои предки строили заводы, фабрики по всему миру: создавали свою империю. Их целью никогда не были просто деньги. Поэтому наша империя – это не земля, стены и оборудование – это философия и люди. Я не могу подвести деда.

Родители Дианы погибли, когда ей было пятнадцать. Страшная трагедия наложилась на переходный возраст и близкие всерьез опасались за ее психику. Дед возил ее по врачам, но они лишь выписывали счета, а потом прятали глаза и пожимали плечами. Однажды хороший приятель Фридриха Уотсона, хозяин рыбного ресторана на набережной Рик Гросман, сказал ему: «Не пытайся изменить то, что еще не случилось. Она просто вырастет и что из этого выйдет, уже ни от кого не зависит. Можно только молиться».

А молиться было за что. Диана начала писать картины. Из-за этого невинного занятия, она бросила престижный колледж, связалась с божественными людьми из района Кастро. Там она по несколько дней жила в таких заведениях, которые у порядочных людей считаются притонами. Секретно представленный к ней дедушкой детектив, докладывал ему о таких вещах, что у старика каждый раз чуть не случался инфаркт. Но он все равно не вмешивался и все чаще проводил время в Китае, чем в США. Это не означало, что он опустил руки, он просто верил, что гены возьмут свое.

И в один прекрасный день это действительно случилось. Что послужило поводом, никто, даже тот детектив, не узнал. Она прилетела к деду в Китай, поцеловала его в щеку и сказала: «Дальше, дедушка, я пойду с тобой».

Все ее бывшие друзья и интересы остались в прошлом. Кроме живописи. Рисовать она не бросила. Теперь врачи и учителя стали бояться другого: ее целеустремленности. Диану не нужно было заставлять учиться. Теперь трудно было заставить ее отдохнуть. Даже если ее получалось уговорить ненадолго забыть о физике, экономике, биологии и математике, то она не ехала на теплое море, а лезла в горы. Когда Фридрих Уотсон узнал, что его внучка забралась на Эверест, он вспомнил себя в молодости и заплакал.

– Дед считает, что главное уметь идти до конца и не сворачивать. А иногда так хочется свернуть. Эта ответствен-

ность всегда меня давила: вдруг я не оправдаю надежд, вдруг не справлюсь, – сказала Диана, когда они перешли в дом.

Стены в большой гостиной были все завешаны картинами. Иван подошел и начал рассматривать некоторые.

– Интересуешься живописью? – спросила Диана.

– Не этой точно, – ответил Иван, пожав плечами. – Наверняка эта мазня стоит бешеных денег.

– И совсем недорого. Краски, холсты... это я рисовала. Тебе не понравилось?

– Вот эта очень симпатичная, – решил исправить свою оплошность Иван, показывая на одну из картин. – Ты, наверное, прямо с террасы писала. Красные холмы, серебряное море и деревья очень хорошо получились.

– Это не я, это Гоген. Хватит издеваться! Я чуть было не поверила, что ты не отличил моих детских работ от Гогена, – рассмеялась Диана.

– Кстати, Гоген все-таки набрался смелости жить так, как хотел. Может и тебе попробовать?

Диана не знала что ответить. Она давно старалась гнать от себя эти мысли и не любила, когда приходилось об этом думать.

– Мы очень редко можем делать то, что нам нравится – есть обязательства. Благодаря дедушке я полюбила Китай. Здесь тоже есть его кусочек. Пойдем в сад, – предложила она.

Чудесный экзотичный сад в китайском стиле начинался за ярко-красными воротами. Вход в него охраняли застывшие

львы. По всему саду, мимо цветущих роз, пионов, хризантем, лотосов, лежащих на темной воде искусственных водоемов, вели извилистые дорожки из каменных плит. Небольшими группами стояли стриженные сосны, пихты и туи. Завораживало обилие воды: небольшие фонтаны, журчащие ручейки с деревянными мостиками, искусственные пруды и водопады. В некоторых местах из камня были выложены гроты и стены с большими проемами, которые создавали иллюзию безграничного пространства. Сад олицетворял собой абсолютную гармонию, а своей удивительной красотой был обязан садовнику-китайцу.

– Райский сад! – искренне восхитился Иван. – А что это за забор? – показал он на явно новую массивную высокую каменную ограду за садом. – Туда изгоняют за нарушение божьих заповедей? За любовь к запретным яблокам?

– В прошлом году у нас появились новые соседи. Я их не видела, но наш садовник говорит, что это албанцы. Они почему-то стали ходить к морю через наш участок, мимо нашего дома прямо под окнами через этот сад и устраивать на нашем пляже оргии. Садовник им говорил, что это неправильно, а они пообещали его утопить, если он еще раз попадется им на глаза. Вот мы и сделали забор, чтобы они развлекались у себя дома.

– Сурово! – рассмеялся Иван.

– У себя они могут вести себя как угодно, но не здесь.

Молодые люди сели на скамейку у небольшого фонтана.

– Что мы будем делать дальше? – спросила Диана.

Иван вспомнил разговор с Вахромеевым, и опять в мозг вонзилась жуткая мысль – его обвиняют в предательстве.

«Как они могли? Неужели и Сергей Андреевич тоже так думает? – Ивану было так противно, что он даже не мог разозлиться. – Доказывать, оправдываться? Это же унижительно. Половина Конторы имеет здесь дома в Калифорнии, оформленные на подставных лиц, а меня обвиняют в измене. Да пошли они все!»

– Я бы поел, – сказал он Диане. – Может, поедем в город?

– Замечательная идея! – захлопала в ладоши Диана. – Я тебе покажу свои любимые места. Встречаемся здесь через пять минут. Пошли переодеваться.

Через минут десять она спустилась с лестницы в гостиную. На ней были расклешенные от бедер светло-голубые джинсы, белая блузка с длинными широкими рукавами, расшитая фантастическими цветами, бордовая бандана на голове и темные очки.

– Ты похожа на хиппи со старых фотографий, – Иван смотрел на нее как зачарованный.

– Конечно похожа. Потому что сегодня мы будем жить в стиле рок-н-ролл. Это же Сан-Франциско, детка! – радостно воскликнула Диана.

Глава 20

– Эдик, а море-то где? – воскликнул Михаил Борисович

Чернуха, выйдя из дома на веранду, – Ты говорил у тебя до моря сто метров.

На нем были только обычные белые семейные трусы и шлепанцы, которые он нашел в доме.

– Было сто метров, пока эти суки-соседи не поставили здесь вот это, – ответил Эдуард Горемыкин и показал на трехметровый забор возле дома.

– Это они от тебя отгородились? – Михаил Чернуха удивленно посмотрел по сторонам. – И как же теперь на море сходить?

– А теперь никак! – раздраженно ответил Горемыкин.

Год назад, когда он покупал эту виллу, Эдик безмерно радовался тому, что в любимом Сан-Франциско у него будет свой большой дом. Но еще большее удовольствие он получал, представляя какие кислые от зависти лица будут у его приятелей, когда они окажутся у него в гостях. А теперь такой конфуз.

– Но я же слышу прибой где-то недалеко, – приложив руку к уху, сказал Михаил.

– Чтобы до моря добраться, надо на машине объехать эти холмы и километров десять ехать до соседней бухты. А то, что ты слышишь, это у соседей свой частный пляж. Там море и шумит.

– Как же ты покупал? Зачем этот дом без моря? – чувствуя, что нащупал у приятеля больное место, злорадствовал Чернуха.

– Да риелтор мне ничего не сказала про то, что это бухта частная. Девка – гнида, наша, из России. И кстати, по рекомендации от знакомых. Хорошо она тогда нас нагрела. Забора ведь не было, соседей не было. Мы сначала ходили к ним купаться, ничего не подозревая, пока старик китаец, соседский садовник, не пожаловался хозяевам. Тогда они и поставили этот забор.

– И никаких методов на них нет? Через суд или еще как-нибудь?

– Этот сосед – Фридрих Уотсон! Нет здесь на него никаких методов.

– Как же ты так вляпался?

– Риелтор – сука... – Эдуард еле сдерживался. – А в суд мы попробовали. Адвокаты тоже денег срубили. Наобещали, что все уладят, но дальше обещаний дело не пошло. Здесь вообще, Миша, на нас смотрят хуже, чем на негров. Тех хотя бы бояться, а нас откровенно презирают.

– Так без моря этот дом ничего не стоит! – сделал сочувствующее лицо Чернуха. – Да уж, ты попал...

– Ну кто же знал, что так выйдет...

– Как кто? Эдик, ты документы-то смотрел?

– Давай о чем-нибудь другом.

Но Мише не хотелось о другом. Его веселило и радовало то, что его приятель выставил себя идиотом и потерял деньги. А главное, этот случай подтверждал его теорию, что жить лучше в России.

– То есть получается, что тебя не только на деньги здесь кинули, но и когда ты попробовал права качать, тебе указали, что твое место в их мире возле парашаи? – не унимался Михаил.

– Хотя бы здесь уж постарайся без своего жаргона. Противно слушать, – огрызнулся Горемыкин, понимая, что вместо ожидаемой зависти, получил плохо скрытые насмешки.

– Ты за своим жаргоном лучше смотри, – огрызнулся Михаил. – По телевизору порой такую пургу несешь, что за тебя стыдно становится. Про какие-то свои тайные знания намекаешь, про избранных и посвященных. Да еще с таким видом, что будто бы ты чуть ли не один из них. Да кто тебя к каким-то тайнам допустит? Вот, – Михаил махнул рукой в сторону забора, – показали тебе твое место.

Видно было, что Чернуха говорит то, что давно в нем накопело. Все годы знакомства его раздражало, что, несмотря на давнее приятельство, Горемыкин постоянно подчеркивал, что он из другого мира, куда его, Мишу Чернуху, могут пустить только в качестве обслуги. И сейчас Михаилу подвернулся хороший повод поставить Эдуарда на место:

– Радуйся, что пока рядом с тобой соседский забор, а не забор с колючей проволокой и с охранниками на вышках где-нибудь в пустыне рядом с Мексикой, – сказал он. – Ведь они тебе здесь это легко организуют. Это не у нас – местные тебя быстро упакуют. Потому что для них ты что-то вроде придорожной шлюхи – продажный политик из банановой

республики, – насмеялся Чернуха.

– Лучше я здесь буду шлюхой, чем там с вами приклатенным фраером, – вдруг перейдя на жаргон своего приятеля, взвизгнул Горемыкин. – Лучше по их паршивым законам, чем по вашим воровским понятиям, – в нем тоже давно копилось желание высказать Михаилу все, что он о нем думает и теперь, когда тот откровенно радовался его унижению, Эдуарда прорвало: – Из мощной державы сделали нищий бантустан! Вы же били себя в грудь, говорили: «Без России весь мир рухнет. Захотим – любую страну нагнем...» И что теперь? – бушевал Горемыкин. – Сам же говоришь: «банановая республика». Не нужны вы никому ни с нефтью, ни без нефти. И не боится вас никто, и ракеты ваши ржавые никого не пугают. Для всех вы уже давно пустое место. А однажды дождливым утром все кончится: вы сами как бешеные крысы в клетке сожрете друг друга, а весь мир будет только радоваться и веселиться.

– Да ты не кипятись, – Михаил не ожидал такой реакции и даже немного присмирел. – Ты же один из нас. Думаешь здесь что-то по-другому? Да все то же самое. Поэтому плевал я на Америку. Они сотни лет весь мир грабили, поэтому и богатые... Это мы в советском детстве верили, благодаря «Голосу Америки» из Вашингтона и Би-Би-Си и Севой, что здесь на Западе все даже пукают бабочками.

– Да всем плевать, кто кого ограбил двести лет назад, – грубо оборвал его Эдуард. – Людям неважно как ты им хоро-

шую жизнь обеспечишь, – тряся перед собой пальцами, уже не сдерживаясь кричал он. – А вот когда ты бычишься, а сделать этого не можешь, да еще и скулить начинаешь, что кругом злые, хитрые, жадные враги, то граждане быстро на свои понятия переходят. А там и до лопаты в жопе уже близко.

– Ты что это так разошелся? – искренне удивился реакции приятеля Михаил. – Здесь, кстати, тоже по понятиям живут, а закон, если и есть, то исключительно для бедных. Только все это они за сотни лет прятать научились. И мы им здесь точно не нужны. И зря ты так уверен, что они нас не боятся. Посмотри вокруг: да они на самом деле ожирели и прогнили до основания – их толкни посильнее и посыпятся. Так что мы еще посмотрим, кто кого сожрет.

Михаил Борисович Чернуха так и стоял на веранде перед домом в своих смешных белых растянутых трусах. Было ощущение, что вопрос, который мучил его долгое время, сейчас наконец решился. И он этому был очень рад.

– Когда СССР еще существовал, то они от страха в Европе витрину капитализма сделали, – Михаил говорил негромко и убедительно, иногда взмахивая рукой, как когда-то на комсомольских собраниях. – Раскошелились и из пары стран сотворили западную сказку. Смотрите мол, как хорошо жить при нашей буржуинской власти. Тридцать видов колбасы... Потому что боялись, что их свои же рабочие, как когда-то в России, на фонарях вздернут. Мы рты разинули и поверили.

Чернуха будто самому себе обстоятельно объяснял, почему он одним из первых демонстративно сжег свой партийный билет.

– А как своими же руками Советский Союз угробили, витрина стала не нужна. Да и мы тоже. Только ресурсы. Скрипач не нужен. Поэтому скоро кирдык сладкой жизни и в Европе твоей, и в Америке. Не нужны больше эти ожиревшие бездельники. Неужели ты так и не понял, для чего мы эту дрянь в контейнерах возим? Слишком много стало лишних людей, а хозяин теперь один. Ему лишние рты теперь в обузу.

Горемыкин не знал, что ответить. Он прекрасно понимал, что спорить с упертым Чернухой бесполезно. Эдуард вернулся в дом, взял пульт и включил телевизор. Постояв минуточку перед экраном, удивленно слушая, что там говорят, подошел к барной стойке, налил в стакан большую порцию виски и немедленно выпил.

– Ты что это прямо с утра? – воскликнул Чернуха, который в этот момент тоже вернулся в гостиную.

– Посмотри сюда! – Эдуард, морщась от виски, показал бокалом в сторону телевизора.

– Ты же знаешь, я с английским не в ладах, – ответил Михаил. – А что там? А это не Генри Мидаса показывают?

– Его, гада. Целый новостной выпуск о нем.

– И что нового? Удвоил свое состояние?

– Как раз наоборот. Его обвиняют в педофилии. И акции всех его компаний летят в пропасть.

– Что-о-о?.. Не может быть!.. Кто обвиняет?

– Кто, кто? – сплюнул в сердцах Эдуард. – Ты что, идиот?

Народ Соединенных Штатов...

– Да какой народ? Ты что мелешь?

– Да неважно какой. Важно, что кто-то, кто покруче Мидаса, решил его раздавить. И у него это хорошо получилось. Такие новости случайными не бывают и после такого зашквара уже не поднимаются.

– А ты говоришь, что это у нас все по понятиям! Вот, смотри! – Михаил подошел к телевизору и постучал пальцем по экрану, – И статейку ему нашли самую нехорошую. Все как у нас дома, – криво улыбнулся он. – А ты что так за него переживаешь? Ты случайно не на него подрабатывал?

Эдуард Горемыкин молчал. Вдруг накатила такая усталость, что даже врать не хотелось.

– Все с тобой ясно, – глубоко вздохнул Михаил и подошел к бару. – За столько лет ничего не изменилось, – он оглянулся на раздавленного приятеля. – Ну, ты не переживай. Он и меня просил за тобой присматривать, – Чернуха тоже налил виски и, покачивая головой, добавил: – Так что получается, что мы оба друг на друга ему стучали.

– Не первый раз, – облегченно рассмеялся Горемыкин. – Судьбина у нас с тобой такая: стучать друг на друга.

Михаил налил еще один бокал и принес Эдуарду.

– У каждого должна быть своя родина. Где родился там и кормись, – сказал он, протягивая виски. – И хорошо жить

мы можем только за счет своей страны – ее людей и ресурсов. А чтобы нам подольше продержаться, так и будем дальше играть в либерала и патриота. Пусть люди выбирают кого хотят.

– А что скажут здесь, на Западе? – взяв бокал, спросил Горемыкин. – А Кауперман? Мы же, вроде, на него еще работаем. А вирус этот?

– А для Запада лучше нас и нет никого. Деньги свои мы у них храним. Как когда-то дань при татаро-монголах. Получается, что финансы наши на них работают. У себя ничего толкового не делаем, чтобы им конкуренцию не составить. Да уже и не сможем, потому что разучились, а кто еще что-то делать умеет, тот мечтает сюда уехать. Лучше нас им никого не найти. Преданные и верные, – Михаил вернулся к бару и налил еще виски. – Кауперман говоришь? Видишь, как у них тут все неоднозначно. Не только мы жрем друг друга как крысы в банке... У них все так же... А вирус? Есть ли он вообще? Или кто-то решил хорошо заработать на панике или еще как, – Чернуха выпил, не предлагая товарищу. – Пойдем теперь город посмотрим. Убедимся, как они здесь загнивают.

«Такие мы с тобой преданные и верные, что готовы друг друга в сливной канаве утопить за тридцать монеточек, – усмехнулся про себя Горемыкин. – Но, похоже, что нам до самой смерти придется друзьями прикидываться... Пока друг друга не сожрем», – подумал он, зная, что его приятель

думает точно так же.

Глава 21

Доктор Кауперман был в восторге. Все центральные информационные каналы превратили небольшой фильм о Генри в лавину, которая за несколько минут сокрушила все его предыдущие заслуги.

«Вот так: жил себе человек, создавал новый мир, что-то планировал, на что-то надеялся... Вкладывал миллиарды в благотворительность, дружил с президентами и раз... он изгой общества. А было на самом деле что-то или не было... Кто же сейчас его будет слушать – прошло много лет... Оправдывайся, объясняй, но для всех ты навсегда прокаженный. А всего лишь переоценил свои возможности», – насмешливо думал Кауперман, переключая телевизионные каналы.

Стоимость акций всех компаний Генри Мидаса упала почти до нуля.

«Вот сколько ты стоишь, Генри! – злорадствовал желчный старик. – Все что у тебя было – это только имя, а стоило его потерять, вся твоя империя лопнула как мыльный пузырь».

Каупермана так распирала радость от такой легкой победы, что он не мог спокойно усидеть на месте. Доктор встал с удобного кресла и стал ходить по комнате.

«А все-таки есть радости в любом возрасте. Особенно когда можешь раздавить любого человека как таракана, – по-

думал он. – Так может ты рано решил на небеса? Ведь точно же неизвестно какие радости будут там. А может, врут все... и ничего я там не буду чувствовать. А если вообще все пойдет не так? А что тогда от тебя останется?» – очередной раз спрашивал он сам себя.

Раньше, после этого вопроса он смотрел на себя в зеркало и видел там дряхлого старика, который уже не способен испытывать никаких эмоций, но сегодня он первый раз за много лет испытал давно забытое удовольствие от того, что еще способен переживать, злиться, наслаждаться своим триумфом. И это ему понравилось.

Он огляделся по сторонам и вдруг увидел все хорошо знакомые ему вещи не как милые напоминания о прошлых днях, а как обычный никому не нужный старый хлам, который он зачем-то собрал рядом с собой.

«А не рано ли ты себя здесь похоронил, Альберт Кауперман? Если ты еще что-то чувствуешь, значит, ты существуешь... Здесь! На этой земле. И то, что ты сейчас испытал, ты можешь повторить еще и еще. Здесь на Земле, а не где-то в компьютерном мире».

Каупермана физически трясло. Он на мгновение подумал, что надо вызвать доктора и вколоть успокоительное, но передумал.

«Эти ощущения стоят того, чтобы рисковать. Как же я все забыл. Как же это замечательно – чувствовать. Чувствовать свою силу. Радость победы. Если есть деньги это можно по-

вторить. И не раз. Ставить цели и достигать их. Что может быть прекраснее...»

В следующий час он сделал несколько важных распоряжений. Для начала приказал скупить все акции Генри Мидаса. «Его империя должна стать моей к вечеру!» – принял он решение.

Потом посмотрел, что происходит с акциями других крупных мировых компаний на фоне информации о вирусе, который начал распространение в Китае и постепенно заполнял весь мир. Цены падали на все промышленные гиганты: на нефть, сталь, автомобили, самолеты – все дешеVELO.

«Паника всегда распространяется сильнее ее причины, и мы ее можем хорошо усилить. И для этого нам и пригодится то, что мы заберем у бедного Генри... Его медиаимперия. А что он, кстати, хотел? – вдруг задумался Доктор. – Получить власть над миром? – Кауперман несколько раз глубоко вздохнул, предчувствуя появление новой идеи, которая может внести смысл в его жизнь. – А что если?.. – он так разволновался, что ноги подкосились и он упал на диван. – Что если дождаться, когда акции основных мировых компаний станут стоить дешевле той бумаги, на которой они напечатаны, и все скупить? Обрушить мировой рынок на фоне надвигающейся эпидемии, имея власть над всеми основными информационными агентствами, проще простого. Этого же хотел Генри. Отличная мысль. Я же реально могу купить весь мир. Все будет принадлежать Альберту Кауперману: араб-

ская нефть, российский газ, немецкие и японские технологии, китайские заводы и даже американские банки... – голова у него кружилась. – Да, ради этого стоит еще пожить... А что делать с проектом?»

Кауперман вспомнил, как два года назад ему позвонил старый знакомый, тот самый, похожий на мумию фараона, и предложил очень интересное новое дело. По его рекомендации через час к Доктору Кауперману приехали два незнакомца и коротко объяснили суть идеи. Он тогда ничего не понял, но, естественно, согласился. Ему тогда очень понравилась возможность получить вечную жизнь. Но главной причиной, почему он вложил в проект «Рай» огромные деньги было то, что отказать тому странному человеку он не мог.

Но сейчас все изменилось. Кауперман вообразил, что сейчас тот уникальный момент, когда у него есть возможность не просто стать одним из самых влиятельных людей мира, а стать первым из них.

После этого он вызвал помощника и приказал законсервировать проект «Рай». А потом пригласил врача.

– Я решил еще немного пожить, доктор. Что вы на это скажете? Что посоветуете? – спросил Кауперман своего лечащего врача.

– Отличное решение. Те ваши эксперименты мне никогда не нравились, – облегченно ответил врач. У него была большая семья, дети внуки и он не хотел стать совершенно непонятными ему гигабайтами информации в огромном светя-

щемся яйце.

– Это была шутка, не принимайте ее всерьез, – похлопал его по плечу Кауперман.

– Я могу подготовить очередное донорское сердце – это главное. А потом мы еще раз поменяем и все остальное. Вы проживете еще сто лет. И не где-то неизвестно где, а здесь.

– Это хорошо, готовьте все что нужно. Мне вдруг страшно захотелось еще пожить.

«Спасибо тебе Генри. Ты невольно вдохнул в меня новую жизнь. Что ты там еще хотел сделать? Сократить население? А что, это тоже неплохая идея: ведь чтобы кто-то жил долго, кто-то должен умирать быстро, – Кауперман засмеялся тихим скрипучим смехом. – Если мне придется еще пожить в этом мире, то хорошо, если он не будет сильно засран. Людей действительно стало слишком много. И все они едят, пьют, рожают себе подобных и никому не нужных детей. Человек не должен жить долго, я это по себе знаю. А то взяли манеру: до сорока живут для себя, потом рожают детей, потом опять для себя. Покупают новые машины, строят большие дома, катаются по всему миру. Бабушки хотят внуков, правнуков, прапра... Наша хрупкая планета всех не выдержит. Почему нет динозавров? Да потому что слишком много жрали!»

Глава 22

Диана подошла к машине, которую к главному входу по-

догнал старик-садовник. Это был Jeep Wrangler уже без своей брезентовой крыши.

– Хочешь за руль? – спросила Диана.

– Пока не очень, – ответ Иван, пропуская ее на водительское место. – Я лучше посмотрю по сторонам. Ты же обещала мне показать город.

На самом деле не только из-за этого он решил поехать пассажиром. В голове у него все так смешалось, что хотелось подумать, попытаться разобраться. Неделю назад все было ясно. Он вообще не планировал ввязываться в это дело и приехал в Контору написать рапорт об отставке. Хотел же все бросить и уехать с Марией в теплые края. Уехал... но без Марии. И сейчас его подозревают в измене, в предательстве.

Иван посмотрел на красивую девушку рядом с собой. «И у Марии для этого могут даже появиться основания». Понимая нелепость ситуации, он рассмеялся.

– Ты чего? – спросила Диана.

– Это я над собой.

– Что ты хотел бы посмотреть?

– Знаешь, больше всего мне хотелось бы туда, где людей поменьше.

Ивану, может быть, первый раз в жизни захотелось спрятаться. Как в детстве: натянуть на голову толстое теплое одеяло, сделать из подушек крепость и улететь на этом корабле на другую планету.

– Это можно, Но сначала я хотела бы показать тебе, где я

провела юность, – улыбнулась Диана.

Через несколько минут они выехали на набережную, оставили машину и пошли пешком. Посмотрели на морских львов, развалившихся на деревянных плавучих платформах, на скалистый остров с разрекламированной на весь мир тюрьмой Алькатрас. Диана хотела уговорить Ивана прокатиться на сверкающей разноцветными лампочками, музыкальной карусели, но была большая очередь из туристов и они вернулись на стоянку, чтобы ехать дальше.

Целью Дианы была маленькая площадь в районе Кастро, где в небольшом кафе и нескольких комнатах над ним она провела лучшие моменты своей юности.

Сегодня неожиданно для себя она почувствовала сильное желание вернуться в то беззаботное время. Скинуть с плеч чужую ношу и пожить так, как подсказывает сердце.

Она так размечталась, что не обращала внимания на чередующиеся спуски и подъемы, когда они, подлетая вверх, неслись по Маркет-стрит. На пересечении с Кастро-стрит Диана заметила заправку «Шеврон» и вспомнила, что надо залить бензин.

Проехать к колонке оказалось не просто. Вокруг была большая толпа с самодельными транспарантами. Они старались никого не пропускать. Полицейским с трудом удавалось сохранить узкий проезд.

– Может мы поедem куда-нибудь в другое место, – предложил Иван, с опаской поглядывая на митингующих.

– Ничего страшного, – заверила Диана. – Здесь агрессия, в принципе, невозможна. Вокруг живут милые люди.

Она хотела заправиться здесь потому, что ее кафе было как раз напротив. И машину можно было оставить здесь на стоянке.

Иван посмотрел вокруг. Большую часть толпы составляли молодые здоровые афроамериканцы. Их поддерживали веселые ребята в разноцветных париках, в странной одежде или вообще почти раздетые.

«Отдайте черным наше черное золото!» – скандировали и те, и другие.

«Ангольская и нигерийская нефть должна принадлежать Африке», – было написано на плакатах.

– Почему столько белых беспокоится о черном золоте для черных? – спросил Иван.

– Все они из меньшинств: одни из расовых, другие из сексуальных. Поэтому всегда стараются поддерживать друг друга.

Иван подумал, что вряд ли черные парни, если случится что-то серьезное, будут помогать кому-то еще кроме себя, но промолчал.

– Вообще-то митинг на заправке не самая удачная идея, – он оглянулся по сторонам. Вся улица была застроена очень симпатичными двух-трехэтажными домиками, вплотную прижатыми друг к другу. – Российские революционеры говорили: «Из искры возгорится пламя».

В эту же минуту недалеко от них вспыхнуло облитое какой-то горючей жидкостью колесо, скорее всего специально привезенное для этой цели. Черный дым заполнил все вокруг. Диана не стала ждать своей очереди, объехала заправку и через стоянку выехала на шоссе.

Она усмехнулась про себя, вспомнила Иерусалим и подумала: «Наверное, кто-то очень не хочет, чтобы у меня с этим парнем что-нибудь получилось».

Через полчаса город остался позади. Они ехали по лугам, на которых паслись такие же коровы, как где-нибудь в российской провинции. Да и местность вполне напоминала поля где-нибудь под Орлом или Курском. Иван опять вспомнил о вчерашнем разговоре. Сейчас он был уверен, что вся эта затея действительно была неправильной. Но что делать дальше, он не знал.

Девушка за рулем тоже молчала и лишь когда они подъехали к каким-то холмам и припарковали машину, спросила, повернувшись к Ивану:

– Думаешь о разговоре со своим руководством?

Он, не отвечая, смотрел в сторону, совсем не собираясь говорить с ней об этом.

– Извини, я случайно слышала твой разговор. Думаю, ты зря об этом так сильно беспокоишься, – Диана положила руку ему на колено. – Предать можно только самого себя. Потому что ни за что другое ты отвечать, в принципе, не мо-

жешь.

– Есть же такое понятие, как «Родина»... И что делать, если она считает тебя предателем?

Диана вдруг звонко рассмеялась.

– Прости, пожалуйста, но я не понимаю, о чем ты говоришь. Для меня нет такого понятия. Это очень, очень абстрактно. Люди абсолютно разные, даже если живут на одной территории. С разными ценностями в жизни, с разными убеждениями. Да и те со временем могут меняться. Тем более в вашей большой стране. Невозможно быть хорошим для всех. Да и кто будет судить, что хорошо, что плохо. Это все несерьезно. Пойдем я тебе кое-что покажу.

– Для многих людей это очень серьезно, поверь мне, – Иван первым вышел из машины и, потянувшись, огляделся вокруг.

Вокруг были невысокие зеленые холмы, а сильный холодный ветер приносил запах близкого океана. Они пошли по тропинке и через несколько минут оказались на крутом гребне. Внизу слева и справа длинные морские волны одна за другой накатывали на скалы. Берег было видно на десятки километров в обе стороны. Холмы круто обрывались в воду, кое-где образуя узкие песчаные пляжи.

– Вот это простор! – воскликнул, Иван. – И какая мощь во всем этом.

– Только слабым и неуверенным в себе людям нужна толпа. Чтобы спрятаться в ложной надежде, что она тебя защи-

тит и даст смысл в жизни, – продолжая начатый в машине разговор, стоя за его спиной, негромко сказала Диана. – Для сильных – это лишь обуза.

Иван оглянулся на нее, но ничего не ответил. Они пошли дальше по узкой дорожке к острой части мыса, которая глубоко вдавалась в океан.

– А что там в конце? – спросил Иван.

– Там маяк и для некоторых это не конец, а начало, – закрывая ладонью лицо от ветра, ответила Диана.

Иван уже и сам увидел белый маяк и небольшой домик у его основания. Рядом с домиком кто-то устроил аккуратный садик с маленькими, но очень яркими цветами всех оттенков. Несколько старых невысоких деревьев из-за постоянного ветра так и выросли наклоненные к земле.

«Вот бы где остаться, – подумал он, – спрятаться от всех на маяке. Какие же здесь, наверное, волшебные закаты... А может Диана и права... Толпа нужна только слабым».

– Мне надо попудрить носик и я вижу место, где это можно сделать. Подожди меня здесь. Я быстро, – сказала Диана и пошла куда-то за дом.

Иван пошел к маяку. На скамейке у входной железной двери сидел старик в сером костюме и с необычной тростью. Он поставил ее между ног, положив обе руки на сверкающую на солнце серебром ручку в форме головы какого-то животного.

Его загорелое лицо было сильно высушено солнцем и вет-

ром, и поэтому Иван решил старик живет здесь на маяке. Он неподвижно смотрел куда-то вдаль, высоко подняв узкий подбородок с маленькой бородкой. Сухая кожа натянулась на скулах так, что он был похож на мумию.

«Будто фараон на троне», – подумал Иван.

– Здравствуйте, вы не подскажете, где начало осмотра? – обратился он к старику. – И что здесь можно посмотреть?

– Вы как раз стоите на этом месте. Все зависит от того, что вы хотите увидеть, – не поворачиваясь к Ивану, ответил тот.

– А что здесь можно увидеть?

– Отсюда, с маяка, можно увидеть все. Зависит от того насколько вы готовы.

Иван не очень понял ответ этого странного старика. Заглянув за приоткрытую мощную дверь, он увидел черную винтовую лестницу поднимающуюся вверх.

– А вы здесь работаете? – опять обратился он к незнакомцу.

– В каком-то роде, да.

– Наверное, если забраться туда наверх, можно увидеть очень много.

– Поверьте, для этого не надо никуда забираться, все хорошо видно и с этой скамейки, – старик, наконец, посмотрел на Ивана и жестом предложил ему сесть рядом.

– А мне кажется, отсюда видно только ваш замечательный садик с цветами.

– Вот-вот... В этом-то и дело. Люди видят только то, что

они хотят увидеть. Так устроен человеческий мозг. И это приводит к большим проблемам.

– Я не очень вас понимаю... Вы о дальтониках или о людях с плохим зрением? – Иван присел рядом. – Вы здесь смотритель?

– Смотритель? – переспросил незнакомец. – Наверное, можно и так сказать, – согласился он. – Но не только здесь... Я, в некотором роде, вообще смотритель.

– За туристами?

– Да-да. За туристами... и не за туристами. Я, молодой человек, присматриваю за всеми людьми.

«Дедушка здесь понемногу сходит с ума от одиночества», – заключил Иван.

– И как же мы на ваш взгляд?

– Да как-то последнее время не очень, – улыбнулся дед и посмотрел на Ивана.

– Расстраиваем? – улыбнулся он в ответ.

– Это вы очень точно сказали: «расстраиваете».

– А чем, если не секрет?

– Оказалось, что все это не имело никакого смысла, – наклонившись к Ивану, спокойно и очень тихо сказал незнакомец, – потому что никто так и не пытается решить главную проблему.

– А в чем она? – спросил Иван.

– Дело в том... – почти шепотом, как будто по большому секрету, продолжил он. – Дело в том, что Дарвин был прав –

человек действительно произошел от животного, – подтверждая сказанное, он грустно покачал головой. – Да, да... от той самой обезьяны. Именно к обезьяне несколько тысяч лет назад попробовали привить то, что теперь называют человеческим разумом. Была надежда, что появится желание жить не по инстинктам, которые достались от животного, а по новым человеческим правилам. Но эксперимент явно не удался.

– Разум не прижился? – с сарказмом спросил Иван.

– Ну как сказать... Получившийся человек быстро научился использовать те способности, которые ему достались, лишь для удовлетворения своих животных потребностей, только в более извращенной форме. К тому же, со временем появились присущие только новому человеку страсти, например, к массовым беспричинным убийствам совершенно незнакомых людей, – незнакомец глубоко вздохнул, достал клетчатый платок и промокнул слезившиеся от ветра глаза. – Иногда мне кажется, что все хорошее в человеке это от животного, а от человеческого разума происходит лишь всякая мерзость. Вот в этом то и есть главная проблема. И за тысячи лет, так называемого развития, все стало только хуже.

– Да не переживайте вы так сильно. Может это у вас из-за работы? – откинувшись на спинку скамейки, шутливо спросил Иван. – Маяк. Одиночество... С возрастом часто некоторые невинные, но теперь недоступные занятия, начинают

казаться пороками... Что же теперь делать?

– Будем начинать все сначала, – развел руки в стороны странный старичок.

– Это как? – не понимая до конца, что имеет в виду его собеседник, спросил Иван.

– Как и много раз раньше придется зачистить все следы этого неудачного эксперимента. Жалко, конечно. Но так ведь предупреждали...

– Кого предупреждали? О чем вы? – растерялся Иван.

– Ну как же... А Писание? А Откровение Иоанна Божьего? Кто хотел видеть, тот видел. И заповеди, и проповеди... Все было, но никто и слушать не хотел.

Иван молчал. Он вдруг понял, что старик не сумасшедший и то, что он говорит, действительно скоро произойдет.

– И не стоит сильно переживать, молодой человек, – теперь уже утешал незнакомец. – Ресурсы кончаются и если не вмешаться, то скоро здесь непременно начнется что-то очень ужасное, – старик печально покачал головой. – Люди будут убивать друг друга за литр нефти или кусок не зараженной плодородной земли. Так что лучше все сделать гуманно и таким образом, чтобы не пострадала сама планета. Ведь Земля уникальна. Ничего похожего во вселенной больше нет. И она точно не принадлежит только вам: тем людям, которым повезло жить на ней сейчас. Поверьте мне, я постараюсь сделать все максимально безболезненно.

– Вы уверены, что этого нельзя избежать? – без особой

надежды спросил Иван.

– А разве вы сами не к этому стремились?

– К саморазрушению? Мне кажется, были совсем другие цели.

– Любая жизнь: человека, страны, планеты – это лесенка из ступенек. И то, где человек или страна оказывается в тот или иной момент жизни, никогда не происходит случайно. Это запрограммировано каждым его предыдущим шагом. Все наши дела – большие и совсем маленькие, неизбежно приводят нас туда, куда мы собственно и стремились. Только в конце пути людям иногда очень не хочется верить в то, что они оказались именно там, куда и шли.

– И ничего нельзя изменить? – опять спросил Иван.

– Вы же не думаете, что можно изменить законы физики и математики. С эволюцией все точно так же. Попытались немного ускорить, но теперь приходится возвращаться назад.

– Получается, что какой-то рукожоп провел эксперимент, а когда осознал, что очередной раз накосячил, решил зачистить все улики? Мы-то здесь причем? И что же, никто за это не ответит? – вдруг разозлился Иван.

Собеседник промолчал и Иван, сообразив, что немного погорячился, спросил:

– Значит, людям не надо было пытаться что-то изменить, а смириться и плыть по течению.

– Как тогда ты узнаешь, что еще жив? – спросил старик и

хитро посмотрел на Ивана. – Может ты и живешь лишь в те минуты, когда приходится делать выбор? Люди не могут изменить будущее: все, что должно произойти, все равно произойдет... Но люди могут изменить себя.

– То есть этот вирус... – вдруг сообразил Иван. – Это все вы подстроили?

– Может я, а может планета сама себя очищает от всего лишнего, – пожал плечами незнакомец. – Только это первый всадник, за ним уже скачут другие. Все предсказано. Все предупреждены. И все завершится в срок. Но у вас еще есть время выбирать как себя при этом вести, а значит, вы еще живы. Вот, кстати, идет ваша девушка...

Иван действительно увидел Диану. Она вышла из-за домика и поднималась к нему.

– Ты где-то заблудилась? – спросил ее Иван. – Вот, знакомься, – он повернулся к старику, но его на скамейке не оказалось. Иван вскочил и огляделся. Вокруг никого не было.

– Ты что, Иван, потерялся?

– Я полчаса разговаривал с очень интересным стариком. А сейчас он как сквозь землю провалился.

– Ваня, тебе, наверное, солнцем напекло. Меня не было две минуты. Какие полчаса? Да и нет здесь никого кроме нас. Это у тебя не от голода? Я знаю недалеко отличный ресторан, где подают свежайших устриц. Поехали. А то я замерзла.

– Ты наелся? – спросила Диана, усаживаясь за руль автомобиля. – Хороший ресторанчик. Надеюсь, у тебя больше не будет голодных галлюцинаций, – рассмеялась она, – а то ты меня напугал там, на маяке.

– Я точно говорю, что старик был, – уже особо не настаивая, ответил Иван. – А устрицами я не наелся. Я вообще моллюсков не очень люблю. Скользкие они очень, – Иван поморщился.

– А что же ты молчал?

– Ты с таким удовольствием их ела... Не хотел тебе портить аппетит.

– А тогда зачем сейчас сказал? Молчал бы дальше.

– Но я же голодный, – постучал себя по животу Иван.

– Тогда сам себя корми, – демонстративно надув губы, обиделась Диана.

– Хорошо. Договорились. Только надо кое-что найти. Мы проезжали мимо фермы, и я видел там магазин. Поедем посмотрим что там есть.

Через полчаса в небольшом придорожном магазинчике они взяли домашнего сыра, свежееиспеченного хлеба, много зелени и овощей. А главное, несколько кусков свежайшего говяжьего стейка. Хозяин магазина, добродушный толстяк в белой ковбойской шляпе и красной клетчатой рубашке, заверил их, что бычок еще утром бегал по полям. Здесь же Иван купил две вязанки дров, несколько тарелок, кружек и большой широкий охотничий нож в кожаных ножнах.

Диана, вначале скептически отнесшаяся к идее пикника, вдруг тоже загорелась.

– Я знаю куда мы поедem! Но там нам понадобятся теплые пледы.

Они вернулись в этот же магазин, купили два шерстяных индейских одеяла и две фетровые шляпы, как у продавца. А заодно, по его совету, купили бутылку виски.

– Я вижу, ваш пикник может затянуться, – подмигнул он Ивану, – а ночи здесь холодные, поэтому виски точно не помешает.

Они еще немного проехали по шоссе в сторону Сан-Франциско, а потом свернули вправо, на почти незаметную грунтовую дорогу. Здесь джип подпрыгивал на каждой кочке. Недолго пропетляв между холмами, Диана остановилась перед большим пустынным песчаным пляжем.

– Выгружаемся? – спросил Иван.

– Нет. Поедем вон в тот дальний конец к скалам.

– Не боишься застрять на песке?

– Нет, – уверенно ответила Диана.

Она подъехала к самой кромке воды и по плотному мокрому песку помчалась вдоль моря, поднимая кое-где кучи брызг и распугивая ленивых жирных чаек.

– Не ожидал от тебя, – удивился Иван. – Я думал, ты не делаешь таких рискованных поступков.

Диана и сама удивилась своему поведению. Все последние годы любое ее решение было несколько раз проанализирова-

но и рассмотрено с разных углов. Всю свою жизнь она спланировала на много лет вперед, но сегодня ей захотелось быть безрассудной и взбалмошной.

Они домчались до конца пляжа. Здесь он упирался в почти отвесную, кое-где заросшую невысокими кривыми соснами, скалу.

– Это место сойдет для пикника? – весело спросила она.

– Лучше не придумаешь.

Уже начало темнеть. За проливом загорались огни большого города. Мост Золотые ворота начинался за скалой и уже подсвеченный множеством фонарей, наполовину спрятался в густом, похожем на вату молочном тумане, из которого выныривали вверх два гигантских ярко-красных пилона с натянутыми канатами.

Иван огляделся. У скал лежали несколько небольших серых бревен, видимо когда-то выброшенных сюда большим штормом. Он подтащил их к большой черной глыбе, торчащей из песка, и свалил друг на друга. Принес несколько некрупных камней, огородив место будущего костра. Чтобы было удобно сидеть, положил на бревна сложенные одеяла и разжег костер.

– А мы не купили решетку для стейков, – вспомнила Диана.

– Придумаем что-нибудь, – успокоил ее Иван.

Диане нравилось смотреть, как он готовит место, таскает бревна. Она вспомнила, как он выглядел после душа в Иеру-

салиме с белым полотенцем на бедрах.

– Как у тебя все хорошо получается, – сказала она, усаживаясь на одеяла.

– Было бы лучше, если бы ты вместо комплиментов порезала овощи, сыр и все остальное.

– Так не хочется ничего делать, – вздохнула Диана.

– Должна же ты узнать, как оно быть потомственной кухаркой в трудовых лагерях твоего дедушки, – усмехнулся Иван.

– Ты зря смеешься. Дедушка не деспот и он не хочет стать каким-нибудь диктатором, но он не видит другого пути.

– Жили же как-то раньше...

– Раньше не было столько лишних людей.

– Может дело не в том, что много лишних людей, а в том, что у них на шее сидит слишком много лишних ртов? – спросил Иван. Потом выбрал полено поровнее и начал на нем резать лук и перец.

– Есть второй вариант. Без трудовых лагерей.

– Неужели? – Иван улыбнулся, представив Диану на огромной кухне, среди алюминиевых баков с кипящей водой, шинкующей морковь для сотни рабочих и рассуждающей о перспективах человечества. – И как он выглядит, этот второй вариант? – спросил он.

Костер уже горел. Диана подвинулась поближе и протянула к нему руки.

– Если говорить культурно, то как коровьи лепешки, ко-

торые нам встречались по дороге сюда, – рассмеялась она. – Берем страну, смешиваем в ней разные культуры, разные народы, разные цивилизации и получаем нового человека. Серого, безликого, однородного.

– И почему твой дедушка считает этот путь плохим? – Иван отряхнул руки и сел рядом с девушкой. – Разве в Америке не так было?

– Это как прокрутить через мясорубку твой стейк и моих устриц, а потом сделать из полученного фарша маленькие котлетки, – рассмеялась она.

– Котлетки-мутанты, – согласился Иван.

– Потом к ним подключат интернет, и они станут котлетки-зомби.

– Начнут драться и поедать друг друга, – продолжил Иван.

– Нет. Для этого они слишком ленивые. Их запрограммируют жить на подачки от тех, кто их слепил.

– Так их и сейчас уже полно вокруг. Одинаковая одежда, одинаковая внешность, одинаковые кумиры, одинаковые мысли. Зомби давно среди нас, – шутливо нахмурил брови Иван и переложил в костре пару поленьев.

– Смотри, смотри, – вдруг закричала Диана таким голосом, будто из моря начали выползать стейкоустрицы.

На самом деле она увидела, как из-за скалы выплыл воздушный шар. Раскрашенный в цвета американского флага, он беззвучно парил невысоко над водой в вечернем небе.

– Интересно, куда они летят? – задумчивым голосом спро-

сила Диана.

– Наверное, ищут место, где нет трудовых лагерей и нет зомби-мутантов.

Иван поворошил палкой костер, и в воздух поднялась ку-ча искр.

– Угли есть, а значит можно готовить мясо.

Он срезал от небольшого куста у подножья горы несколько веток, обстругал их так, что получились хорошие длинные шампуры. Ловко порезал мясо квадратными кусками и насадил на эти шампуры, чередуя с помидорами, перцами и резаным луком. Положил их невысоко над углями, примостив свободные концы на камни.

– Все как миллион лет назад, – сказала Диана. – Еда и тепло – главные ценности на земле.

«И все это лишь для того, чтобы сытно наесться и заняться тем, для чего мы собственно и предназначены», – подумал Иван.

– Большинство ценностей в этом мире действительно сильно переоценены, – сказал он. – К примеру, твои устрицы. Но кроме еды и тепла, должно быть еще кое-что. А иначе все это не имеет смысла.

Диана молчала, провожая взглядом уплывающий за дальние скалы воздушный шар, и когда тот скрылся, повернувшись к костру, сказала:

– Ну, теперь в этом мире кроме нас больше никого не осталось. Последние люди на Земле.

– И они же первые.

Диана опять промолчала, и Иван решил, что сказал что-то лишнее. На самом деле Диана сейчас как никогда раньше была близка к тому, чтобы выбросить из головы все дедушкины проекты. Ей просто хотелось быть с этим парнем, думать только о нем и жить только для него.

– Я уже начинаю мечтать, чтобы твой старик с маяка действительно существовал. Я бы очень хотела остаться с тобой на земле лишь вдвоем, – неожиданно искренне сказала вдруг Диана и сразу же испугалась своей смелости. – А скоро будет готово мясо? – спросила она, чтобы перевести разговор. – Наверное, здесь когда-то так же жарили мясо бизонов первые переселенцы со Старого света.

Иван догадывался, что сейчас происходит у нее в голове, но еще не определился, как к этому относиться. Конечно, она ему нравилась. Он вообще не видел в ней недостатков. Если бы его когда-нибудь раньше спросили: какой должна быть женщина твоей мечты, то он в точности описал бы Диану. Но теперь, когда он ее встретил, что-то мешало ему перейти на другой уровень отношений.

– Но вот здесь же, в Америке, раньше все получалось? – спросил Иван, вспомнив воздушный шар и представив на этом месте семьи первых переселенцев.

– Получалось только в самом начале, когда людей на такую огромную страну было мало. Дел хватало на всех и каждый имел надежду забраться на пьедестал. Эта конкурен-

ция способствовала прогрессу. Но пряников никогда не хватает на всех. Когда местные элиты сложились, то неизбежно стали появляться и те, кто понял, что ему теплого места в этом мире не досталось. И что их дети и внуки будут делать приблизительно одно и то же, так или иначе, прислуживать другим. Еще какое-то время массовая культура поддерживала иллюзию возможности осуществления американской мечты... Но теперь это не работает.

– И какую долю вы приготовили Америке: трудовые лагеря или перемолотые котлеты? – с иронией спросил Иван, переворачивая деревянные шампуры.

– Дедушка уехал отсюда, потому что считает, что здесь не получится осуществить ни первый, ни второй вариант. Так сложилось исторически, и значит, будет третий, самый страшный вариант.

– Оказывается, есть еще и третий? Ты мне про него не говорила. И какой?

– Я в этом мало понимаю, но дедушка много раз повторял, что здесь все закончится Гражданской войной до полного взаимоуничтожения.

– Ну и фантазии у вас, – рассмеялся Иван. – Вы там из Китая слишком пессимистично смотрите на весь остальной мир, – он еще раз покрутил мясо над костром. – А у нас почти все готово и пора доставать виски.

– Я же за рулем.

– Маленькая рюмочка ничего не изменит. Тем более мы

еще купаться будем.

– Ну нет... Купаться я точно не буду. Здесь вода ледяная и я купальник не взяла.

– С купальником что-нибудь придумаем. Да и зачем он нам, если мы Адам и Ева.

– Посмотрим, – неопределенно ответила Диана. – Но виски мне не надо. Я и так сегодня немного сама не своя.

– Придется пить одному.

– Только не как в Иерусалиме.

– Конечно, – заверил Иван, а про себя подумал: «С такой женой сильно не погуляешь. Зато вся жизнь будет расписана на столетие вперед. Дедушка пристроит к делу где-нибудь в теплом месте, а на свадьбу подарит большой самолет – летай не хочу по всему миру. Если мир еще будет существовать. А нет, то всегда можно спрятаться где-нибудь на райском острове. Действительно как Адам и Ева. Заманчиво... Стоит подумать над этим. Проблема в том, что тебя дома уже ждет Ева. И там же тебя обвиняют в измене и считают предателем... А предателей в России принято уничтожать как бешеных собак. Это может и правильно, но кто решает, что ты предатель? Не те ли люди, которые тридцать лет назад демонстративно рвали свои партбилеты... Не те ли, которые неожиданно забыли, что клялись защищать свою страну до последней капли...»

Мясо кое-где пригорело, где-то чуть не совсем прожарилось, но здесь у моря, все это было несущественным. Че-

рез несколько минут они съели все без остатка. Виски так и не открыли, потому что еда заменила алкоголь. Если дома после еды захотелось бы прилечь, то здесь, наоборот, появилась дополнительная энергия, возбуждение и какой-то азарт.

– Ну что, теперь купаться? – воскликнула Диана. Потом встала, протянула руку Ивану, а когда он поднес к ней свою, сильно потянула его с бревен.

– Ты все-таки решилась? – Иван смотрел на неё, чувствуя, что страсть уже почти вытеснила из головы все другие мысли. – «Сейчас самое время остудится в холодной воде», – подумал он.

Иван положил в костер последние дрова, и они пошли к океану. Без лишнего жеманства Диана первая сбросилась всю одежду, вошла в воду и остановилась. Невысокие волны, накатывая на берег, поднимались ей до коленей и отступали назад, оставляя за собой пенный след. Конечно она знала, что Иван не сводит с нее глаз, но может быть для этого она и проводила часы в спортзале. Полюбоваться было чем: идеальные формы ног, бедер и, главное, две притягательные ямочки над ягодицами могли свести с ума кого угодно.

«Так можно самому стать зомби-мутантом», – подумал Иван, быстро сбросил одежду и, промчавшись мимо Дианы, забежал поглубже в воду и нырнул, подняв кучу брызг.

Диана пошла за ним и плавно, без брызг, вытянув вперед руки, тихо ушла под воду. И так же без брызг и шума через несколько секунд вынырнула далеко впереди Ивана. Он

подплыл к ней. Они легко держались на поверхности, глядя в глаза друг другу. И обоим казалось, что в глазах горят не отблески от костра и не отсветы городских огней, а те самые искры, что иногда вспыхивают между людьми.

Первым не выдержал Иван.

– Ты еще не замерзла? Наверное, пора к костру.

– Если ты наплавался, то я как ты, – улыбнулась Диана, и опять, на этот раз ненадолго, погрузилась под воду. Ей, конечно, было очень холодно, но она не спеша грациозно вышла на берег и только у костра, накинув на себя одеяло, звонко рассмеялась и сильно задрожала.

Иван накинул на нее второе одеяло, ничего не говоря, отвернул один край и прижал к себе ее мокрое упругое тело.

Когда они очнулись, за скалой начало подниматься солнце. Они его еще не видели, но невысокие горы на другом берегу стали сине-розовыми, а вода в море посветлела и замерзла, как застывшая сталь. Вдалеке по берегу в их сторону шел рыбак с удочкой. Рядом с ним бежала собака, держа в зубах большую корягу.

– Наше время истекло. Поехали, пока машина не превратилась в тыкву, – почему-то грустно улыбнувшись, сказала Диана.

– Главное, чтобы мы теперь сами ни в кого не превратились и остались теми же, кем были, – ответил Иван и начал складывать вещи в машину.

Глава 24

Этот остров достался Доктору Кауперману почти полвека назад. В то время по всему миру колонии освобождались от своих старых хозяев. Как всегда бывает в таких случаях, вакуум власти в них сразу же заполняли бандиты разных окрасок, которые быстро доводили свой и без того бедный народ до крайней нищеты. Чтобы продержаться на троне пару лишних дней, жадные царьки готовы были продать все что угодно: природные ресурсы, территории, людей.

Кауперман свел тогдашнего монарха с руководством Советского Союза. За обещание построить в своей стране социализм, вождь получил кредиты, машины, оборудование и, самое главное, покровительство и защиту. Ну а сам Доктор за посредничество получил этот райский остров.

«Тогда с Советами я много дел провернул по всему миру. А теперь и там, как когда-то в Африке, все растащили такие же жадные, ленивые, бестолковые бандиты. Надо подумать, что делать с этими двумя... Чернухой и Горемыкиным. Свою задачу они выполнили и больше не нужны. Да и вообще, пришло время полностью сменить власть в России. Может, есть смысл разделить страну на более мелкие части. В таком виде стало трудно ей управлять. И лучше поставить там на руководство кого-нибудь со стороны: местные все зажрались и окончательно отупели, став похожими на африканских диктаторов. Но этим я займусь позже... –

Все это суэта и томление духа», – вспомнил он чье-то красивое высказывание.

Доктор Кауперман потянулся на шезлонге и сделал маленький глоток апельсинового сока с прожилками мякоти из запотевшего бокала. На этом острове ему нравилось любоваться закатами в полнеба и размышлять о бренности человеческой жизни. Кауперман невнимательно слушал доклад своего помощника о том, что теперь почти все медиакомпании Генри Мидаса выкуплены и находятся под их полным контролем.

Доктора больше интересовал маленький крабик, который то высовывался из норки под пальмой, то прятался обратно. Ему, наверное, очень хотелось в море, ласковые и нежные волны которого шуршали совсем рядом по белому песку. Но в небе кружили чайки и крабик боялся, что не успеет спрятаться в воде до того, как голодные птицы его заметят.

«Или сожрешь ты или сожрут тебя – главный закон жизни», – подумал Кауперман и неожиданно вспомнил Фридриха Уотсона. Он был последней серьезной угрозой.

Но сегодня, нежась под теплым солнышком, воевать с ним Доктору не хотелось. «Неужели умные люди не способны договориться? Ведь все можно поделить. На двоих-то этой планеты нам точно хватит».

Он посмотрел на двух красивых молодых мулаток, стоявших чуть поодаль в ожидании каких-либо его распоряжений. Кроме набедренных повязок на них ничего не было. Точе-

ные молодые груди прикрывали лишь красные коралловые бусы и ожерелье из ярких желтых живых цветов.

«Смотреть на реальных островитянок гораздо интереснее, чем любоваться ими на картинах Гогена. Хотя картины стоят миллионы, а настоящие – чуть больше миски риса, – Кауперману вдруг захотелось погладить, поцеловать и даже понюхать их гладкую темную кожу. – Юность всегда пахнет восхитительно, – подумал он, – и ни в каком компьютерном «Раю» это не воспроизвести».

«А Америка моей молодости – это лучшее, что случилось с миром за все время. Доступный секс и доступные кредиты – простая формула счастья. А совсем не всеобщее равенство. Если бы нас тогда с Джоном не высадили с того товарняка и не вправили мне мозги, все могло бы быть другим.

Врач пообещал, что сможет обеспечить долгую жизнь, но он ничего не сказал о том, останется ли желание жить. Как найти стимул вставать каждый день? Одеваться? Завтракать? Вот если бы доктор смог вернуть возможность любить! Не справлять похоть с помощью вызванной стимуляторами эрекции, а именно любить».

Кауперман еще помнил, что такое любовь.

«I got you to hold my hand
I got you to understand...»

Низким волнующим голосом пела девушка из маленькой колонки у бара. Когда-то он чуть не сошел с ума от любви к этой сумасшедшей черноволосой красавице. Но она смот-

рела сквозь него своими колдовскими глазами, не замечая ничего. Потому что так же безумно любила своего маленького Юношу, своего Литл Мена.

«I got you babe, I got you babe...» – повторяла она раз за разом.

Кауперман снял с головы широкополую белую панаму, протер платком морщинистую голову с несколькими клочками седых волос и большими коричневыми бородавками над ушами. Потом встал, сделал несколько неуверенных шагов к воде? и резко вернувшись к столу, прервав доклад помощника, приказал:

– Я хочу поговорить с Фридрихом Уотсоном. Найдите мне его и соедините. Срочно!

Кауперман и сам не понял, почему он после такого долгого перерыва решил поговорить с человеком, которого ненавидел и которому завидовал всю жизнь. Когда-то, очень давно, он уже пытался сойтись с ним поближе, но наткнулся на такое явное презрение с его стороны, что потом старался даже не вспоминать о его существовании. Но последние события: отложенный проект, механизм которого Кауперман до конца не понимал и поэтому боялся; обещание врача найти возможность продлевать жизнь без этих фантастических методов; легкая победа над Мидасом вселили в Альберта Каупермана новые силы и надежды. Поэтому Доктор достал из закров памяти свою мечту – заслужить внимание и ува-

жение Фридриха Уотсона.

«Почему бы двум самым могущественным людям планеты не найти возможности для сотрудничества? Сейчас в моих руках самое мощное оружие – страх. В сущности, мне уже не нужен сам вирус, ведь используя медиаимперию Генри, я могу лишь с помощью одного только страха перед ним контролировать весь мир. И то, что я предложу ему поделить эту власть над миром на двоих, он должен воспринять как подарок. В конце концов, ведь я могу и по-настоящему выпустить этот вирус на свободу, а не только создавать панику с помощью медиаресурсов. А вакцина от вируса тоже есть только у меня».

Когда Фридриху Уотсону доложили, что с ним хочет поговорить Доктор Кауперман, ему показалось, что он будто бы ждал этого звонка, хотя все мысли сейчас были заняты совсем другим. События последних трех дней привели чуть ли не к полной остановке всей экономики Китая.

Слух о новом неизвестном смертельном заболевании распространялся, несмотря на опровержения со стороны китайских властей. Тысячи ученых и сотни лабораторий пытались выявить у людей какие-то новые болезни вызванные неизвестными вирусами или бактериями, но ничего необычного не находили. Все было, как и в прежние годы. Но панику остановить не удавалось. К этому добавилась опасность, что эту панику кто-то может использовать в целях дестаби-

лизации политического режима в стране, что может привести к полному краху экономики.

Фридрих Уотсон вел постоянные консультации с китайским руководством и, чтобы избежать политических волнений, было принято решение ввести в стране серьезные ограничения свобод. Населению необходимость этих жестких мер объяснили опасностью вируса, на самом деле еще пока никем и нигде не найденного.

Что Фридриха Уотсона всегда восхищало в Китае, так это размах и великолепия организованность. Вечером этого же дня были закрыты на полный карантин многомиллионные города. Жителям было запрещено покидать квартиры, а доставку еды осуществляли мгновенно созданные специальные службы. Китайская армия блокировала целые районы с населением больше, чем проживает в большинстве европейских стран. То, что вчера казалось невероятным и невозможным, было выполнено практически без усилий за одну ночь. Огромные регионы превратились в концентрационные лагеря по месту жительства. Грандиозная операция поразила даже Уотсона.

«А ведь это великолепный способ управлять народом в экстренных ситуациях, – подумал он. – Последние события показали, как легко людей можно сбить с толку. Хорошо, что мы вовремя приняли меры. А если бы нашлись те, кто захотел бы и дальше раскачивать ситуацию? Огромную страну за неделю можно было бы погрузить в полный хаос.

И это в организованном Китае! А что было бы в Европе или Америке?»

Фридрих Уотсон окончательно признал, что страх, а не призывы к сознательности, лучший способ удержать людей от всяких соблазнов. Он уже было хотел отдать распоряжение подготовить детальную программу использования его в чрезвычайных ситуациях, но в этот самый момент ему доложили, что с ним очень хочет поговорить Доктор Кауперман.

Даже себе Альберт боялся признаться в настоящей причине этого звонка. В последние годы жизни он очень остро чувствовал свое одиночество. И причина была не в отсутствии семьи. Поднявшись на вершину власти, он испугался абсолютной ледяной пустоты вокруг себя. Вокруг крутились кучи прихлебателей, льстецов и завистливых лицемеров, но не одного близкого человека.

В глубине души он надеялся пусть не на дружбу, но хотя бы на признание его Фридрихом Уотсоном. Принятия его, Доктора Каупермана, в свою лигу – ради этого он и был готов пожертвовать частью своей власти. Но уже с первых секунд телефонного разговора оба поняли, что этот мир на двоих не делится и их задачи абсолютно противоположные.

Со стороны все выглядело как беседа старых знакомых. Вспомнили умерших общих знакомых. Пожаловались друг другу на одинаковые болезни. Фридрих Уотсон даже пригласил

сил Доктора приехать в гости в Китай. Но Кауперман понимал, что Уотсону от него нужна лишь информация.

Фридрих знал, кому отошла империя Генри Мидаса, и понимал, что обладая огромными информационными ресурсами, у Каупермана появилась возможность из любого человека, из любой страны сделать прокаженного, а значит мирового изгоя за несколько часов. И реализовать это теперь было очень просто. Взять любой продукт из приговоренного государства или любого человека приехавшего из выбранной для наказания страны и объявить, что в них найден смертельный вирус. Подконтрольные СМИ разнесут информацию за минуты.

Чтобы никто не смел даже подумать о побеге из чумного барака, напуганный народ соседних стран сам натянет вокруг государства-изгоя колючую проволоку и поставит по его периметру вышки с автоматчиками. Не помогут ни танки, ни самолеты с ракетами. Через пару месяцев после обрушения экономики власть в этом государстве перестанет существовать и все ценное в нем можно будет купить за пригоршню долларов. Противопоставить этому будет нечего. Так можно легко управлять всем миром: показательно, быстро и сурово наказывая неудобных и сопротивляющихся.

Единственная надежда сохранить независимость в такой ситуации – это возможность долгого автономного существования без взаимодействия с другими странами. Но в современном мире это могут себе позволить единицы. Поэтому

Фридрих Уотсон подумал о необходимости создать группу государств во главе с Китаем, которые способны будут вместе выстоять в этой войне. Создать свой блок и противопоставить его Доктору Кауперману.

Но этого окажется недостаточно, если не ограничить доступ людей к враждебной информации. Страх – самое мощное оружие. Он лишает людей разума и порождает панику, которая может снести любое государство, как тропический ураган сносит фанерный домик. Те, кто захочет уничтожить страну руками самих жителей, сделают все возможное, чтобы внушить людям, что во всех их бедах виновато действующее руководство.

«Вирус сначала появляется в головах, а потом уже, может быть, где-нибудь еще. Но тот вирус, который в голове, гораздо опаснее: его почти невозможно вылечить и он разрушает не только здоровье конкретного человека, но и здоровье всего государства».

Поэтому после разговора с Кауперманом, Фридрих Уотсон сразу поручил подготовить предложения для китайского правительства о блокировке иностранных СМИ на территории страны в чрезвычайных ситуациях. Нет интернета – нет эпидемии. На уровне министерства обороны должны быть созданы свои собственные центры по захвату влияния в глобальных социальных сетях.

«Ведь эти социальные сети – оружие обоюдоострое и действует во всех направлениях», – подумал Уотсон.

Но все это было после разговора. А во время него старички обсуждали подагру и несварение желудка. Лишь в самом конце Уотсон, как бы невзначай, задал главный вопрос:

– А что же все-таки везли эти двое из России?

Кауперман, уже понимая, что его мечта о дружбе не осуществима, хотел отомстить и сказать, что там был тот самый смертельный вирус, но неожиданно для себя сказал правду:

– Они везли пустые контейнеры и передавали их местным оппозиционным идиотам. Все это обычный блеф и мистификация. Но, похоже, весь мир мне поверил...

После этого телефонного разговора Кауперман вернулся на пляж и рухнул в шезлонг. Он привычно утешил себя мыслью, что если бог дает что-то полезное, то что-то обязательно берет взамен. Бог дал ему власть и деньги, а без любви и близких друзей Доктор как-нибудь проживет.

Но для восстановления привычного состояния этого утешения ему было мало. Поэтому он немедленно позвонил Горемыкину и Чернухе, и объявил им, что они свою задачу выполнили отвратительно и надежды на то, что они смогут когда-либо исправиться не осталось. Поэтому он больше в их помощи не нуждается, и они могут быть абсолютно свободны.

«Уверен, что эти пауки сожрут друг друга сами, – с наслаждением подумал Кауперман. – Да и без Уотсона я как-нибудь обойдусь. Сам прибежит. Когда обвал мировой эконо-

мики после карантина закончится, понадобятся деньги на ее восстановление. Вот тогда мы и предложим миру новый план Маршалла с огромными процентами за наше посредничество...»

Пока Доктор Кауперман раздумывал на ком еще можно сорвать свою злость, к нему подошел секретарь и протянул телефон.

– Что еще? – недовольно спросил Альберт.

– Это тот человек, для которого вы всегда на связи.

Человек, похожий на мумию фараона, имени которого Кауперман так за все эти годы и не узнал, был как всегда лаконичен.

– Зря вы, Доктор Кауперман, закрыли проект «Рай». Это не ваша компетенция.

– Я не закрыл, я лишь заморозил, – начал оправдываться Альберт.

– Теперь это уже не важно. Необходимость в вас полностью отпала. Сейчас к вам прибудет человек для подписания необходимых бумаг. Не принимайте все близко к сердцу. То, что должно произойти, все равно произойдет. Никто не в силах этого изменить. Вы можете только выбрать свою роль в этом. Вы выбрали роль краба – не туда, не сюда. Ваш остров остается в вашем распоряжении. Но вам с него перемещаться запрещено.

Кауперман увидел, что крабик наконец решился и выбежал из своей норки под пальмой. Быстро перебирая сразу всеми

ножками, он неуклюже боком понесся к воде. Когда он уже нырнул в волну и решил, что дело сделано, она предательски откатилась обратно и прилетевшая чайка мгновенно подхватила клювом оказавшегося опять на суше бедолагу.

В это время недалеко от пляжа на воду приземлился небольшой самолет. А из колонки, будто с насмешкой, низким обволакивающим голосом пела девушка:

«Little man, when you stand by my side
Then I know I don't have to hide from anyone...»

Глава 25

Диану разбудил телефонный звонок. Она нащупала на тумбочке телефон и, с трудом открыв глаза, взглянула на экран: «Дедушка». Она скинула ноги на пол и села на кровати, мгновенно вспомнив все события вчерашней ночи. Иван спал рядом.

– Да, дедушка! Доброе утро, – бодро ответила внучка, будто давно уже проснулась.

– Как ты там, моя принцесса? – услышала она родной голос и сразу поняла, что он чем-то очень расстроен.

– Очень скучаю, – совершенно искренне ответила Диана, почувствовав как дорог ей этот старенький человек, который сейчас так далеко от нее.

– Ну значит лети домой.

– А как же твое поручение? Я ведь так ничего и не сделала.

– Ты ничего и не могла сделать. Вы гонялись за призрака-

ми, у которых ничего нет.

– Вот как... – растерянно произнесла Диана. Она уже окончательно проснулась, но все равно ничего не поняла.

– Дианочка, очень тебя прошу, вылетай побыстрее. Графицы могут закрыть.

– Хорошо, дедушка, я вылетаю немедленно.

Иван тоже проснулся и невольно слушал разговор. А еще он перебирал события вчерашнего дня, но пока не мог дать им оценку. В любом случае этот ранний телефонный звонок изменил их возможное развитие. Утро после первой проведенной вдвоем ночи или все перечеркивает, или является началом дальнейших серьезных отношений. Фридрих Уотсон невольно вернул их в реальность, не дав утреннему томлению перейти в возбуждение и секс. Поэтому оба почувствовали неловкость.

– Ты лежи, а я сварю кофе и принесу сюда, – предложила Диана, стараясь преодолеть смущение. И тут же у неё пронеслось в голове: «Для того, чтобы сделать мужчине утром кофе, мне не обязательно было заканчивать два университета».

Она вспомнила, что вчера ей хотелось больше всего на свете целиком и без остатка принадлежать этому человеку и ей стало не по себе. В тот момент ее не интересовали интересы семьи, и она готова была отдать все, лишь бы он был рядом. Она испугалась. Ведь всю жизнь она внушала себе: интересы семьи – главный приоритет. А Иван он хороший,

но он чужой.

– Давно пора вставать, – сказал Иван.

Он вышел на террасу. Был уже почти полдень. Сегодня совсем не было облаков и привычной дымки над морем. Видимость была великолепная. Мост, который вчера с пляжа почти не было видно из-за густого тумана, сейчас был как на ладони. Сзади подошла Диана и, неловко взглянув из-под ресниц, протянула ему чашку.

Оба почувствовали, что вчерашнее искушение кончилось. И неожиданно от этого обоим стало легче.

Иван вздохнул и медленно облегченно выдохнул, как после какой-то тяжелой работы. Оглянулся в поиске своей одежды и как бы между делом спросил:

– Извини, я случайно услышал: ты летишь домой, в Китай?

– Дедушка сказал, что у этих русских, за которыми мы гнались, ничего не было.

– Вот как, – спокойно сказал Иван, будто речь шла о каких-то мелочах. – Ну и хорошо. Тогда я отсюда в Берлин. Там пиво вкусное.

– Я могу тебя туда отвезти, – предложила Диана.

Оба старались показать друг другу, что эта ночь была случайной и никак не повлияет на их деловые отношения.

– Да зачем тебе крюк делать? – Иван уже стоял на одной ноге, стараясь одеть джинсы. – Отсюда до Гуанчжоу напрямую через океан гораздо быстрее.

Он сам не знал, почему сказал про Берлин. Но сейчас у него появилось огромное желание попросить Машу тоже туда прилететь. Удивительно, но он не чувствовал никакой вины. Может быть, потому что вчерашняя ночь сейчас уже казалась каким-то сном, и этот сон сейчас кончился. А может потому, что только сейчас понял, как Маша важна для него, а все, что случилось вчера, было необходимым для того, чтобы это понять.

Через час они молча завтракали на террасе. Диана, как хозяйка, чувствовала необходимость что-то сказать, но в голову кроме банальностей ничего не приходило.

– О чем задумался? – наконец спросила она.

– Как ты считаешь, если мы хотим за кого-то отвечать, мы делаем это для себя, получая от этого какое-то удовольствие, или действительно переживаем за того, за кого пытаемся нести ответственность? – неожиданно серьезно ответил Иван на дежурный вопрос.

– Я думаю, что та красивая фраза про ответственность за тех, кого приручили – это просто красивая фраза. В реальной жизни это превращается в чрезмерную и бесполезную опеку, которая утомляет и одного, и другого, – Диана сказала это так уверенно, что не было сомнений, что этот вопрос для нее давно решен. – Прикрывшись этой фразой, родители пытаются найти утешение в запоздавшей заботе о детях, пытаюсь опять обрести смысл жизни. Отвергнутые любовни-

ки все никак не могут смириться с тем, что они не нужны и пытаются купить любовь опостылевшими ласками. И конечно, есть самовлюбленные люди, считающие, что без них и их нудных и бесполезных советов весь мир не сможет существовать ни одного дня. Будет замечательно, если каждый научится отвечать хотя бы за самого себя, а не пытаться осчастливить весь мир.

– Значит, по-твоему, родителей надо уносить умирать повыше в горы, как в «Легенде о Нараяме»? А бывших возлюбленных через суд обязывать переезжать подальше, в другие города?

– Ну нет, конечно, – Диана улыбнулась, вспомнив, что скоро они будут на разных континентах. – Наверное, просто не нужно никому ничего обещать, тогда не придется и нести чужую ношу. Ведь в Нагорной проповеди Иисус сказал: «Ни головою твоей не клянись, потому что ни одного волоса на ней не можешь сделать белым или черным».

– Тут я с Христом не соглашусь, – рассмеялся Иван. – Легко поменять цвет волос с белого на черный и даже с розового на голубой. Тот вчерашний старичок на маяке сказал, что человек становится человеком, а не безликим существом, только когда хотя бы пытается что-то преодолеть, а не плывет по течению.

– У меня уже не получится быть безликим существом в силу происхождения, – с грустной улыбкой, вздохнув, ответила Диана. – Для меня самое важное – быть достойной

своих предков и сохранить ту великую империю, которую они создали.

– Это очень хорошо, что ты это знаешь. Наверное это и есть счастье – чувствовать что ты где-то кому-то нужен.

Все телевизоры в международном аэропорту Сан-Франциско показывали грандиозный пожар в районе Кастро. Одновременно там начались грандиозные беспорядки, которые пыталась остановить Национальная гвардия США. Изумленные пассажиры, глядя на экраны, не могли поверить, что все это происходит у них дома, а не где-нибудь в Африке.

Из аэропорта Иван позвонил Марии и попросил ее прилететь в Берлин.

– А я думала: ты меня бросил, – ответила Мария. – Если тебе еще нужна, то я буду там раньше тебя.

Иван вспомнил, как светилось ее лицо, когда они встретились в первый раз. В тот день она объяснила это ярким солнцем, но он и тогда уже знал, что это горели те самые искорки, которые вспыхивают между людьми, когда они находят друг друга.

Раньше Ивана она прилететь не смогла. Ее рейс только вылетел из Питера, когда Иван уже вышел из нового Берлинского аэропорта и был сразу же задержан службой внешней разведки Германии.

Первое, что испытал Генри Мидас, когда увидел фильм о себе, который сейчас транслировали все ведущие информационные каналы, это жуткое бешенство. Он еле-еле, трясущейся от злости рукой, налил виски в бокал и быстро выпил двумя большими глотками. Поднял глаза на экран телевизора и, не удержавшись, метнул в него бутылкой. Она попала в самый край, и угол стал радужного цвета, но на другой части все также транслировались новости и два комментатора, перебивая друг друга, рассказывали о мерзостях, которые творил он, Генри Мидас.

Вчерашний повелитель мира без сил упал на стул, положил руки на стол и опустил на них голову. Ему хотелось забиться в какую-нибудь щель. Казалось, что сейчас через огромное окно на него смотрит весь мир и смеется над его унижением. Слушать комментаторов он больше не мог. Генри встал, нашел пульт и выключил телевизор. Потом поднял с пола не разбившуюся бутылку и вылил остатки в свой бокал.

«Нужно успокоиться. Должен же быть выход... Одно вранье вокруг. Никому нельзя верить в этом мире. И этот мир создал я, – он горько улыбнулся, оценив ситуацию. – Сколько жизней уничтожили по моему приказу так же, как сейчас уничтожают мою... Одна лживая фраза, брошенная в социальную сеть и растиражированная компьютерными ботами, и нет человека. Информация о тебе дойдет до всех. О тебе узнает туземец из африканской деревни, получивший деше-

вый планшет с гуманитарной помощью и парень в Гонконге, живущий на сотом этаже стеклянного небоскреба. Распространяя интернет и контролируя информацию, ты строил свою империю так, чтобы никто не смог от нас спрятаться. Ты действовал как наркодилер: подсаживал людей на бестолковые картинки с сортирным юмором, на гламурные сплетни и грязное белье знаменитостей, на порно всех видов. Твои программы подбирали все индивидуально для каждого человека, исходя из его запросов и интересов. И все это только для того, чтобы, встав утром, он шел не в ванную умываться, а в твой интернет. Где в нужный момент ему незаметно объясняли: что такое хорошо, что такое плохо. Кто в этом мире несет добро, а кто олицетворяет мировое зло. За кого голосовать на выборах и что покупать на распродажах. Но теперь все это вернулось ко мне».

Генри сделал маленький глоток.

«А я думал, что делаю мир лучше. Даю людям знание. Когда-то это было главной моей целью. Где я свернул не туда?»

Он встал, подошел к окну. Глубоко внизу в ущелье тонкой серебряной змейкой ползла река.

«Хорошо, что это окно не открывается, – усмехнулся Генри. – А то могла бы прийти идея проверить умею ли я летать. Но пока я еще жив, можно все начать сначала. Сейчас у меня есть и опыт, и деньги... Я могу поменять имя... внешность... Это даже интересно – начать новую жизнь с нуля».

Он вдруг приободрился и повеселел.

«Но это потом. В крайнем случае. А сейчас надо ехать в город. Здесь ничего не высидишь. Надо куда-нибудь ехать. Поговорить с мэром, губернатором, президентом: все они мне должны. И есть же суд, в конце концов. У меня десятки лучших адвокатов. Они посоветуют, что делать. У меня есть деньги. А деньги в этой стране кое-что еще значат».

Обрадовавшись вдруг появившейся надежде, он опять захотел выпить, но бокал был пуст. Генри прошел в бар и достал еще бутылку. Отвинтил пробку и передумал.

«Не надо откладывать. Не надо пускать слюни и напиваться. Надо ехать немедленно!»

Он прошел в гараж, расположенный в одном из гротов пещеры и сел в автомобиль, поставив открытую бутылку на бетонный пол рядом с машиной. Тот самый классический Porsche 911, представленный Фердинандом Порше-младшим на Франкфуртском автосалоне в 1963 году. Эту машину Генри купил у внучки знаменитого конструктора. Если бы не юношеская мечта обладать этим красавцем, может быть и не стал бы Генри Мидас тем, кем он есть.

«Хорошо, когда есть мечта, – подумал Генри, – плохо, когда ты ее осуществил».

Он опять почувствовал страшную слабость. Открыл широкую дверь машины и, не выходя, дотянулся до оставленной бутылки. Налить было не во что и он начал пить из горлышка. То, что не попадало в рот, стекало по щеке, по шее и попадало на живот. Сделав несколько больших глотков, он

опять поставил бутылку на бетонный пол и захлопнул дверь автомобиля. Вспомнил о пикете на улице.

«Они еще вчера еле дали мне проехать, что же там будет сегодня? Все меня ненавидят. А я хотел, чтобы им жилось лучше».

Генри завел автомобиль и услышал привычный рокот мощного мотора. Он посмотрел на две трубы вытяжки, уходящие в скалу.

«Если их отключить, – подумал он, – то через двадцать минут все кончится. Не будет ни этого пикета, ни этого позора. Не надо будет никуда ехать, а можно будет забыться вечным сном в этой пещере».

Он еще раз посмотрел на трубы вытяжки. Открыл дверь, с трудом выбрался и, покачиваясь, подошел к щитку электропитания.

– Ну, раз так... – пробормотал Мидас и решительно выключил все автоматы.

Шум от вентиляторов стих и выключилось освещение. Лишь круглые фары работающего автомобиля освещали стену напротив. Генри вернулся к машине и, подобрав бутылку, сел на сиденье. Глубокое мягкое кресло как будто шепнуло: «Отдыхай, все это ерунда». Потянувшись, он включил музыку. Любимый Боб Дилан пел:

«Now you don't talk so loud

Now you don't seem so proud

About having to be scrounging for your next meal...»

– Да, жизнь не более чем шутка, – повторил он за Диланом, засмеялся и закрыл глаза.

Глава 27

Ивана задержали на стоянке такси аэропорта. Двое мужчин, в почти одинаковых серых костюмах, представились сотрудниками внешней разведки Германии, показали удостоверения и попросили проехать с ними. Иван успел запомнить, что одного звали Курт Шифт.

Их невзрачный серый минивэн «Фольксваген» стоял неподалеку. Агенты вдвоем расположились на переднем сиденье, а Ивану предложили место в задней части, отделенной от водительской кабины железной перегородкой с маленьким окошечком. Больше окон в кузове фургона не было. Но и глядя в это единственное крохотное окно, Иван определил, что они едут не в центр города, а на окраину в промышленный район.

Через тридцать минут остановились у небольшого нового полицейского участка. Ивану показалось это очень странным: зачем внешней разведке связываться с полицией.

Внутри все было забито шумными беженцами. Несколько дежурных офицеров пытались с ними что-то делать, но по их усталым замученным лицам было件нятно, что полицейские давно считают свою работу бесполезной.

Два агента, которые его привезли, показали какую-то бумагу старшему офицеру. Тот посмотрел на них, не скрывая

презрения. Было очевидно, что и полиции не нравилось это взаимодействие. Это тоже было странным. Офицер, несмотря на это, показал куда идти и распорядился их пропустить.

Они спустились вниз по железной винтовой лестнице, прошли по длинному коридору и оказались в подвале. Если здание наверху было явно построено совсем недавно, то подвалу было лет двести. Сложенный из натуральных больших камней, он выглядел очень мрачно. Это жуткое место навело Ивана на мысль, что все двести лет здесь без сомнения была тюрьма. И уж точно тусклые фонари обтянутые проволокой в низком узком проходе повесили под потолком еще во времена рейха.

«Похоже, здесь не очень любят новые дизайнерские решения, – рассудил Иван. – Ну а что? Немецкие традиции надо сохранять».

У последней двери слева они остановились. Один из сопровождающих достал из пиджака ключ, открыл дверь и предложил Ивану пройти. Ни один, ни второй ничего не сказали, но потому, как они прятали глаза, он понял, что ничего хорошего его не ждет. Он сделал два шага в комнату, и они сразу же захлопнули за ним дверь.

Как Иван и думал, комната оказалась обычной тюремной камерой, но почему-то лишь с одной железной койкой и двумя здоровыми парнями, без сомнения, приехавшими с российского Кавказа. Один стоял к Ивану спиной и нагнувшись, делал вид что поправляет подушку. Вторым, двух-

метровый перекаченный кабан в черной майке, широченной спиной прислонился к стене и улыбался, глядя на гостя. Иван представил, что с такой же беззлобной улыбкой парень режет баранов к празднику.

В это мгновение у Ивана в голове запел Владимир Семенович: «Ударил первым я тогда – так было надо...»

Он улыбнулся в ответ амбалу и сразу же, без лишних церемоний, рубанул ему в шею резким прямым ударом правой прямо под подбородок. Шея у парня была очень короткой и вся, как лианами, оплетена мышцами. Надежда, что удар пройдет куда надо, была маленькой, но бить куда-то в другое место было бы уж совсем бесполезно. Поэтому Иван сделал единственное, что возможно было сделать в этой ситуации. И сразу же, не дожидаясь результата своей атаки, переключился на второго.

Пока тот выпрямлялся и разворачивался, Иван пробил «двойку» ему в голову и отскочил к двери. «Двойка» не прошла. Левый кулак проскользнул по затылку, а правый, будто столкнувшись с бетонной стеной, воткнулся в низкий лоб без всякого результата. Краем глаза Иван заметил, что амбал стоит неподвижно, выпучив глаза, обеими руками держась за горло и пытается поймать воздух.

«Значит все-таки попал», – понял Иван и неожиданно ему стало весело.

Второй парень, явно не ожидавший такого поворота событий, расставив руки, как борец на ковре, шел на Ивана. В го-

лове всплыла фраза из какого-то фильма: «Это вам не лезгинка, а твист». И Иван опять пробил мощную «двойку» в ничем не защищенный нос. То, что он попал куда хотел, было видно по разлетевшимся в стороны брызгам крови, но на парня это не произвело никакого впечатления. Он лишь чуть повыше поднял руки в надежде поймать Ивана.

«Ваня! Ноги! Что они у тебя как деревянные!» – закричал в голове у Ивана голос его старого тренера.

Иван кинулся влево, вправо и проверил реакцию кавказского борца длинным прямым левым. Тот легко отбил его рукой.

«Научись бить «двойку» – выиграешь район, «тройку» – область, сможешь пробить серию хотя бы из четырех – ты чемпион страны», – услышал Иван опять голос тренера.

Чемпион Дагестана по вольной борьбе Алик Умалатов не предполагал, что кто-то может бить так быстро. Все четыре удара попали куда надо. Два первых в нос, один в губы, выбив два передних зуба, и еще один, последний, в челюсть чуть ниже мочки уха. Алик услышал, как хрустнула его челюсть и отключился.

Иван выдохнул и повернулся к другому. Тот по-прежнему опирался спиной на стену, все еще пытаясь вздохнуть.

– Заценил скорость? – спросил Иван задыхающегося парня. – Жаль, ты был единственный зритель. Тебе страшно? А как ты хотел – на войне как на войне. Не ссы, до свадьбы заживет.

Иван постучал ногой в дверь и через пару секунд она открылась. За ней стояли те двое, которые привезли его сюда и Иван понял, что ничего не кончилось. Агенты были удивлены.

– Выходи! – приказал Курт Шифт и посторонился.

– Говорил тебе: надень наручники, – раздраженно сказал другой.

От неожиданности они заговорили, уже не обращая внимания на то, что Иван все понимает. Они опять прошли по коридору, поднялись по лестнице. Шифт что-то сказал дежурному. Тот вскочил и визгливо закричал:

– Про это в вашей бумаге ничего нет! Что мне теперь с ними делать? В больницу везти?

Курт не стал отвечать. Они с напарником надели Ивану наручники, грубо схватили за локти и вывели на улицу. Там стоял тот же микроавтобус «Фольксваген». Конвоиры открыли боковую дверь и уже без всяких церемоний запихнули туда Ивана. Потом сами сели в машину и молча поехали. По их сосредоточенным лицам Иван понял, что они приступили к «плану Б».

Он осмотрел фургон, но с первой поездки ничего в нем не прибавилось. Не было даже какой-нибудь щетки. Иван подвинулся к маленькому окошку в перегородке. Они выехали из города и помчались по трассе куда-то на юг. Через километров десять свернули на узкую пустую дорогу с разбитым асфальтом, проходящую по красивому густому еловому ле-

су.

Иван услышал прерывистые звуки клаксона: кто-то истошно сигналил сзади. «Кто-то куда-то очень опаздывает». Автомобиль с нетерпеливым водителем обогнал их, резко прибавив газу. И буквально через секунду Иван стукнулся о перегородку, а потом, не удержавшись, упал на пол. Их машина, завизжав тормозами, во что-то врезалась.

– Идиот! Сумасшедший! – услышал он крики своих конвоиров.

И сразу все стихло. Через несколько секунд дверь фургона распахнулась и он увидел того самого человека, которого отпустил в Испании – Владислава Садовского.

– Выплыл, значит? – с нескрываемым удивлением произнес Иван.

– Я же говорил, что Берингов пролив, если надо, под вражеским огнем... – шутливо ответил Садовский.

Потом расстегнул наручники и потянул растерянного Ивана из машины.

– Пошли быстрее. Сейчас сюда примчатся.

Они быстро перешли в его машину. Иван обернулся и посмотрел на «Фольксваген» – два конвоира сидели в своих креслах с простреленными головами.

– Дилетанты. Совсем разучились работать... Я тебя с аэропорта веду, – пояснил Влад, когда они уже мчались от этого места. – На трассе пересядем в другую машину, а пока надо сматываться.

– Если ты меня с аэропорта ведешь, то почему раньше не вмешался?

– Где? В городе? Я знал их план, потому что слушал все время. Тебя хотели в камере грохнуть руками наших же россиян. Чтобы можно было списать на разборки русских между собой.

– Да они такие же русские, как я немец!

– Из России, значит русские, – коротко ответил Владислав.

– А если бы они меня действительно грохнули?

Садовский посмотрел на Ивана и весело подмигнул:

– Значит судьба у тебя такая.

– Ясно, – кивнул Иван. – Вообще-то там такие два быка были, – он вздохнул. – Их там, на Кавказе, наверное, чем-то специальным кормят.

– Водку они там не пьют, вот и здоровые... Как там в камере все прошло? Выживут?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Ну и то хорошо.

– А откуда ты узнал, что меня в Берлине встретят? И вообще...

– Европа маленькая. В России воров много, а хороших исполнителей нет. А те, кто остался, все мои хорошие знакомые. Вот мне и шепнули про тебя. Кто-то в России немцам денег дал. А те, чтобы самим не пачкаться, опять наших же наняли...

– А куда эти двое меня сейчас везли?

– Да собственно никуда. Там дальше карьер заброшенный.

Туда, наверное. Деньги же надо отрабатывать.

– И кто же меня заказал?

– Свои, Ваня, свои. Точно не знаю, но, кажется, не из Конторы. Сейчас у каждого паршивого жулика своя охранная служба из наших же бывших сотрудников. Наверное, кто-то из них.

– А сейчас мы куда едем?

– К твоему начальству, Ваня. К Вахромееву.

– Он здесь в Берлине?

– Здесь.

– А ты его откуда знаешь?

– Оттуда же, откуда и твоего отца. Мы же все в одной группе учились.

Глава 28

Владислав привез Ивана к небольшому бежевому домику на окраине Берлина. Дом почти весь зарос диким виноградом и если бы не ухоженные аккуратные цветники перед входом, то можно было подумать, что он давно заброшен.

– Не буду вам мешать, – сказал Владислав. – Думаю, тебе есть о чем поговорить с Вахромеевым.

– Ты мне сегодня жизнь спас, а я даже не поблагодарил как следует, – Иван на секунду представил, что мог бы сейчас валяться в заброшенном карьере чуть присыпанный песком,

и ему стало не по себе.

– Долг платежом красен, – ответил Влад. – Теперь ты понимаешь, что я тогда в Испании чувствовал.

– Да уж, паршивое ощущение, – поежился как от холода Иван.

– Тем более, когда знаешь, что это свои...

Дверь открыл сам Сергей Андреевич Вахромеев. Он был похож на немецкого пенсионера: теплый серый джемпер с большими пуговицами и вытянутыми карманами по бокам, очки в роговой оправе, поднятые на лоб, и домашние парусиновые туфли со смятыми задниками.

– Проходи, Ваня, – пригласил он и сильно закашлял. – Извини, я что-то простыл, – он пошел по коридору, шаркая ногами как старый дед.

В небольшой гостиной, обставленной старой гэдээровской мебелью, горел камин.

– Вроде лето, а дом отсырел. Решил немного протопить, – пояснил Вахромеев, усаживаясь в кресло. Он не смотрел на Ивана, думая о чем-то своем.

– Сергей Андреевич, вы не хотите мне что-нибудь объяснить?

– Спрашивай, я попробую, – сдержанно ответил Вахромеев, ковыряя кочергой в камине.

– Неделю назад руководство отправило меня гоняться не пойми за кем, искать не пойми что. Пока я пытался что-то

сделать, меня сначала обвинили в измене, а потом вообще попытались ликвидировать. И все это замечательные начинания организывает кто-то из своих. Хотелось бы услышать какие-нибудь объяснения.

– Ты умный парень... Что ты хочешь услышать? Все ты не хуже меня знаешь. Помнишь как у Николая Васильевича: «Эх, Русь... Птица-тройка, куда несешься ты?» А никуда она не несется... Потому что запрягли в эту тройку, Ваня, рака, лебедя и щуку... И все в свою сторону тянут. Сгнило всё. Толкни, мы и осыплемся, как трухлявое дерево, – Вахромеев по-прежнему смотрел на огонь. Говорить это ему тяжело.

– Понятно, Сергей Андреевич, – ответил Иван. Он так и не сел и стоял у двери в гостиную. – Ну что же, меня это больше не касается. Вируса нет. Это главное, что я хотел доложить. А второе... считайте, что я уволился. Рапорт вышло сегодня по почте.

– Вирус есть, – устало возразил Вахромеев.

– Вирусы, – резко прервал его Иван, – есть всегда. Всегда были и всегда будут. А еще есть много всего, от чего люди умирают каждый день. И атомные бомбы с ракетами никуда не делись. Кто-то кнопку нажмет и вся планета через полчаса – радиоактивная пустыня. Почему это никого не волнует, а все гоняются за какой-то химерой?

– Может потому, что это сейчас самое важное?

– Для кого важное? Сами говорите: все сгнило.

Генерал смотрел на огонь в камине и не отвечал.

– Мне кажется, Сергей Андреевич, что самое важное сейчас то, что российские пацаны мечтают стать чиновниками, чтобы брать взятки у своих соотечественников. А еще лучше – деньги бюджетные разворовывать. Девочки из провинции видят себя эскортницами-проститутками, высасывающими у этих чиновников наворованные денежки. И при этом все хотят жить в Лондоне, а не в какой-нибудь Рязани.

На лице Вахромеева появилась улыбка.

– Вы не смейтесь, Сергей Андреевич. Воровство, как национальная идея – это и есть самый страшный вирус. Когда одна часть страны ворует, а другая часть мечтает занять их место. И эта болезнь на такой стадии, что уже не лечится.

– Тоже мне открытие... Эта болезнь, Ваня, у нас лет двести-триста как не лечится. Или сейчас ни «Ревизора», ни «Историю одного города» в школе не читают? А люди лучше не становятся.

– Кто мешает нам немного поработать докторами? Дел-то на неделю.

– Не все так просто. Начать легко, остановиться трудно. Один раз уже попытались... Чуть под корень сами себя не зачистили, – Вахромеев постучал кочергой по прогоревшему полену и оно, рассыпавшись на крупные угли, подняло вверх кучи искр.

– То есть другими словами сделать с этим ничего нельзя. Вот поэтому я и увольняюсь! – громко и раздраженно произнес Иван.

Он сделал несколько шагов от двери и остановился посреди комнаты. Ему стало неловко за то, что он грубо разговаривает с взрослым человеком, которого очень уважал. Но Вахромеев, казалось, не обращал на это внимания.

– Думаешь, если мы пару миллионов опять отправим в лагеря, то придут другие люди: светлые и честные? – генерал встал с кресла. – И в 17-ом году и в 91-ом почему-то не пришли, а наоборот, уехали подальше, – он говорил ровным и спокойным голосом, продолжая смотреть на камин. – Что бы в России не произошло, сколько бы революций не случись, весь выбор всегда будет между Чернухой и Горемыкиным... Но это еще в лучшем случае. Ты, конечно, во многом прав. Ну что же делать? Сдаться? Опять на княжества делиться? Может, конечно, тогда лет через пятьдесят где-нибудь в Пскове или в Челябинске граждане будут жить как в Швеции или в Дании? А может и нет. Но море крови русской прольется точно. Сейчас местные князьки, которые у себя в регионах давно уже ОПГ сколотили, хотя бы немного нас побаиваются. А если центральной власти не будет, они там такое будут вытворять... Подумать страшно. И никто их остановить не сможет. Так что может и Пскова с Челябинском не останется.

Вахромеев прошаркал к столу у окна.

– Чаю хочешь? – вдруг спросил генерал Ивана. – Наверное, остыл уже. Сейчас подогреем, – потом немного сморщился, как будто от зубной боли, и вернулся к разговору:

– У каждого, Ваня, своя собственная линейка жизненные ценности измерять. Но даже пчелы и муравьи защищают свой дом. Тысячи пчел погибают, отбивая атаку шершней на свой улей. И муравьи не раздумывают, когда защищают свой муравейник. Знают, что погибнут, а ведь не бегут. А мы же люди! Что же, мы хуже насекомых?

– Один старичок мне на днях сказал что хуже, – вспомнил Иван незнакомца на маяке. – Хотя бы тем, что те убивают только из-за необходимости, а люди иногда убивают просто так... Да еще и с благословения своих богов и вождей, – Иван отошел в сторону, не выдержав пристального взгляда генерала. – Да ведь даже из ваших примеров следует, что у насекомых с простыми инстинктами мораль и нравственность гораздо лучше, чем у человека с его культурой и религией.

– Вот я тоже иногда так думаю, – усмехнулся Сергей Андреевич. – Но ведь у них инстинкт, а у человека, вроде как есть свобода воли, свобода выбора, – он вернулся к камину и сел опять в кресло. – И знаешь, Ваня, что я понял? В сущности, мне абсолютно неважно, как живут другие люди, какие у них цели или идеалы. Каким богам они поклоняются. Для меня важнее всего, что я сам, Сергей Андреевич Вахрамеев, о себе подумаю. Чтобы мне перед самим собой стыдно не было.

– То есть доказать самому себе, что вы не хуже насекомых умеете родину любить?

Вахрамеев на секунду растерялся, а потом захохотал.

– Ну получается что так, – сказал он сквозь смех. – Вот именно так: прожить жизнь, чтобы перед насекомыми стыдно не было. Порадовал ты меня.

Вахромеев резко встал, взял на столе небольшую вазу с конфетами и пошел на кухню.

– Пойдем, Ваня, чаю выпьем. Я тебе еще главное не сказал.

Генерал поставил чайник на плиту, и они сели около маленького круглого столика с клетчатой скатертью.

– Нашли мы их лабораторию. Она здесь, под Берлином, – как о чем-то постороннем сказал Вахромеев. – Это отделение старейшего в мире фармакологического концерна. У них огромный опыт исследования вирусов, ядов, бактерий, эпидемий. Не брезгливые ребята. На узниках концлагерей опыты проводили.

Засвистел чайник. Вахромеев взял с полки коробку с чаем. Положил в две чашки по пакету и залил кипятком.

– Чтобы ты понимал значимость этой лаборатории: она находится на территории американской военной базы. Но подчиняется все это не немцам, не НАТО и даже не США, а совсем другим людям.

– Каким другим? Кому это надо?

– У кого деньги – у того и власть. Банковскому капиталу, промышленному или медийному – не важно. Да и для большинства людей никакой разницы. Цель у них одна – заставить людей работать больше за меньшие деньги и под пол-

ным контролем. А красивые слова и объяснения, для того, чтобы выдать обычную жадность и властолюбие за заботу о людях, найти не сложно. Кстати, Россия в этой игре лишь еще один актив, который можно прибрать к рукам.

Иван вспомнил Диану. Вспомнил разговор с Фридрихом Уотсоном в Китае. И почему-то фантастический мост, уходящий в океан.

– А может, в этом и нет ничего плохого, в одном хозяине для всего мира? Меньше будет войн и больше порядка.

– Может быть. Не знаю. Но я уверен, что в том мире, хороший он будет или плохой, России уже не будет совсем. Потом перепишут историю, и твои дети останутся без родины. Будут они дети Ивана, не помнящие родства. Инкубаторские. Как оно тебе?

– У меня пока еще нет детей, так что... Сергей Андреевич, а зачем вы мне все это рассказываете?

– Рассказываю потому, что надеюсь на твою помощь.

– Я уже помог и за это...

– Брось, Ваня, – перебил Вахромеев. – Ведь пойми – все очень плохо. На краю мы. У деревни Крюково и разъезда Дубосеково. И если здесь сейчас не упремся, то кончится тысячелетняя страна.

– Мне кажется мы в Берлине и до Москвы еще две тысячи километров. А эта уютная гостиная с камином не очень похожа на промерзший окоп, – иронично заметил Иван.

– Да пойми ты: другое время. Война теперь везде: где сто-

ишь, там и есть твое поле Куликово.

– А за что воевать? – уже не в силах удержаться вскрикнул Иван.

– Я сказал все что мог и все что знаю. Если в тебе самом понимания нет, значит это и правда не твоя война, – Вахромеев тяжело вздохнул и добавил: – Только знай – мир изменится очень быстро. Будет другая Нагорная проповедь, другие заповеди. Людей легко перепрограммировать и за десять лет можно создать совсем другого человека, с другими моральными принципами. Ты молодой и все это увидишь и оценишь. Если сам к этому времени не станешь каким-нибудь приложением к программе....

Генерал Вахромеев вынул из чашки пакетик и сделал несколько глотков. Потом, выбрав из вазы конфету, стал разворачивать фантик. Для себя он все уже решил и спор он считал законченным.

– А может и хорошо, что мир изменится, – тихо сказал Иван. – Может быть, люди перестанут воевать. Будут любить. Рожать детей. Мне кажется все давно уже устали от вождей, жрецов, фанатиков и их безумных идей, – он говорил, будто убеждая сам себя. – Людям хочется радоваться, веселиться и смеяться. Смешные картинки, милые котики и красивые собачки лучше чем ненависть ко всему миру. Мне милее сумасшедшие веселые чудаки и клоуны, чем твердолобые убийцы, – Иван нагнулся над столом, пытаясь заглянуть в глаза Вахромееву. – Сергей Андреевич, не стоит воевать за

дым давно сгоревшего отечества. Даже если этот дым сладок и приятен. Того отечества давно уже нет.

– Может ты и прав, – послушно согласился генерал и улыбнулся. – Но насекомые-то есть. Они смотрят на меня. И мне не хочется признавать, что они победили.

– Ну, вы воюйте со своими тараканами, а я займусь любовью, а не войной. Я ухожу. Прощайте.

Иван встал, дотронулся до плеча Сергея Андреевича. Тот развернул конфету и разочарованно смотрел на нее.

– I want you to make love, not war, I know you've heard it before... – фальшиво пропел генерал. Потом встал, взял одной рукой Ивана за локоть, а другой поймал его кисть и крепко пожал ее. – Я рассчитывал на тебя. Но если веры нет, то прощай.

Глава 29

Берлин был последним городом, куда должны были приехать Чернуха с Горемыкиным по первоначальному плану. Там, в отеле, и застал их звонок Каупермана.

– В наших услугах он больше не нуждается! – прокричал Эдуард Горемыкин, услышав в трубке короткие гудки. – Как будто мы шлюхи привокзальные! – он раздражено бросил телефон на стол и стал нервно ходить по комнате из угла в угол. – Мы же столько для них сделали, а они нас как использованные гондоны в мусорное ведро...

Михаил Чернуха смотрел в окно и внешне никак не реа-

гировал. Окна отеля выходили на Фридрихштрассе. Именно здесь когда-то находился знаменитый КПП в Берлинской стене, которая разделяла мир на два лагеря, на две идеи: капиталистическую и советскую социалистическую. Здесь друг в друга упирались пушками танки двух военных блоков. И одно случайное неловкое движение могло привести к уничтожению человеческой цивилизации за несколько часов. Сейчас о том времени напоминали сохранные для туристов две караульные будки с флагами СССР и США.

– В лучшем случае мне нужен будет только один из вас, – повторил Горемыкин слова Каупермана. – Что ты на это скажешь? Миша, что ты молчишь? Надо что-то делать.

Очень быстро раздражение у Горемыкина исчезло. Его обычное высокомерное всезнающее выражение лица сменилось на жалкую, затравленную гримасу.

– Выпей, Эдик, и не мельтеши, – наконец повернулся от окна Чернухин. – Я видел в баре твое любимое виски. Что ты ноешь? И так паршиво.

– Я ведь что подумал: если мы Кауперману не нужны, мы и дома станем не нужны и из неприкасаемых превратимся в обычных смертных. На нас же тогда всех собак повесят.

– Ну, уедем сюда, в Европу. Когда-нибудь все равно бы пришлось. Не для того я столько работал, чтобы в России жить.

– А ты не боишься, что без крыши Каупермана мы и здесь станем не нужны? Да здесь еще быстрее все отнимут, а нас

в кутузку отправят.

– Ну что ты раскаркался... В кутузку, так в кутузку. От сумы и тюрьмы не зарекайся, – Чернуха делал вид, что его не пугают перспективы остаться без крыши Каупермана, но в голове он быстро прокручивал варианты, что делать дальше.

Горемыкин по совету приятеля взял из бара виски и налил в бокал.

– Ты будешь? – спросил он Михаила, показывая бутылку

– Нет, пока не хочется. Да и не люблю я виски, ты же знаешь. А ты пей, Гера, а то на тебе лица нет.

Горемыкин залпом выпил и, чуть поморщившись, спросил:

– А что же мы тогда целую неделю таскали по всему миру? Для чего им все это надо было?

– Понятно для чего, – Чернуха подошел поближе к приятелю и пристально посмотрел на него. – Система зашла в тупик, – продолжил он говорить спокойно как о чем-то очевидном, – развития нет, народ недоволен. И вирус как раз тут очень вовремя.

– Ты о чем? – не понимая, спросил Эдуард.

Выпитое виски подействовало на него очень быстро. Появилась легкость и приятная расслабленность. Горемыкин налил еще, чтобы быстрее усилить эти приятные ощущения. Он уже почти не слушал ответ Чернухи.

– На вирус можно списать все провалы в мировой эконо-

номике. Отвлечь людей от мысли, почему здесь, в Германии, дворники сто евро в день получают, а в некоторых странах инженеры сто евро в месяц. Попробовали границы приоткрыть и сами испугались. Все бездельники рванули в сытые страны. Кому это надо? Зачем здесь это быдло? Раньше было пугало в виде СССР с ядерными бомбами. Можно было отгородиться «Железным занавесом», – Чернуха показал рукой в окно на плакат с советским солдатом у бывшего КПП, – а теперь пугала нет. Вместо него появился вирус – новая священная корова империализма. С ним проще недовольный народ напугать и запереть по домам в своих странах. Ну и естественно, заработать на липовых лекарствах хорошие деньги, – Михаил, посмотрев, как приятель пьет второй бокал, опять отошел к окну. – Фармакологические компании приносят прибыль в сотни раз больше наркокартелей, причем вполне официально. А теперь им еще и ноги за это целовать будут...

– Все это хорошо, – нетерпеливо перебил Горемыкин, – но нам-то что делать? – от страха и нервного напряжения он быстро запьянел, глаза у него заблестели. – Надо срочно искать новую крышу. Может под Китай лечь?

– Ты, Эдик, и впрямь говоришь как шлюха, – засмеялся у окна Михаил. – Китай нас проглотит и не подавится.

– А ты что предлагаешь?

– Надо опять самим подниматься. Как после Великой Отечественной. Тогда в сторону СССР криво посмотреть боя-

лись, а сейчас ноги вытирают все кому не лень.

Теперь рассмеялся Горемыкин.

– Ты совсем рехнулся. Тогда идея была, а теперь, – он в сердцах махнул рукой, – что ты людям предложишь? Заработаем нашим олигархам и чиновникам самые большие яхты в мире?

– Придумаем чего-нибудь, – спокойно и уверенно ответил Чернуха. – Поставим нового вождя из оппозиционеров. Лучше бабу молодую и красивую с горящим взглядом. Пусть обещает молочные реки, кисельные берега... Народ у нас доверчивый, поверит как всегда. Да нам его много и не нужно, миллионов тридцать хватит. И желательно не местных. Завезем с Азии работающих и неприхотливых. Ту землю, что денег не приносит, соседям продадим... вместе с народом. Они давно все мечтают. Так что проживем как-нибудь.

– Только может так получиться, что этот доверчивый народ нас раньше на Лобном месте четвертует, сожжет, а что не сгорит, зарядит в Царь-пушку и пальнет. Чтобы даже праха от нас не осталось.

– Может и так... – согласился Михаил. – Но вариантов у нас не много. Пойду-ка я в ванную схожу. Полежу, погреюсь. Сыро у них здесь везде. Экономят на всем.

Чернуха пошел в ванную, а Горемыкин, оставшись один, налил себе еще виски и с бокалом подошел к окну. С плаката под советским флагом на него с укором смотрел молодой пограничник с дембельскими аксельбантами.

«СССР он вернуть захотел, – усмехнулся Эдуард. – Да нас каждого к высшей мере можно приговаривать раз по десять... И будет справедливо. Соседям продадим... Чушь какую-то несет. Никакие соседи с нами договариваться не будут. Поздно уже. Тем более покупать. Раздавят нас скоро как клопов. А то, что им надо будет, так заберут. Земля, люди... Кому это все сейчас нужно? Одна обуза...»

Через несколько минут из ванной донесся голос Чернухи:

– Э-э-ди-и-чка-а, – протяжно кричал он.

– Утонул бы ты там что ли... – недовольно пробормотал Горемыкин. – Ну что тебе? – спросил он, приоткрыв дверь.

– Принеси водки, пожалуйста. Что-то тоже выпить захотелось.

Горемыкин принес из комнатного бара бутылку и большой стакан и поставил на край ванны из розового кварца с желтыми прожилками в форме открытой ракушки.

– Я все-таки думаю, что нам делать, – Горемыкин в нерешительности остановился у двери. Ему хотелось, чтобы старый приятель успокоил его.

– Да не переживай. Придумаем что-нибудь. Проведем еще одну приватизацию, отменим пенсии и всякую другую лабуду. Вклады в банках заморозим. Образование, медицину – все сделаем за деньги. Все рекомендации МВФ выполним, – Чернуха рассмеялся, – за гарантии нашей безопасности.

– Их гарантии ничего не стоят. Ты же сам говорил.

– Да ладно. Разберемся, – Михаил выпил, и несколько раз

довольно поцокал языком. – А помнишь наш первый миллион? Мы же его вывели из пенсионного фонда, которым твой дядя тогда командовал. А дядя теперь в Лондоне. Вот что значит старая школа. Главное, не жадничать. Заработал немного и хватит. Дай другим. В Англии его королева скоро в рыцари примет и пэром сделает.

– Он же татарин, какой он пэр.

– Он миллиардер. А когда ты миллиардер, ты уже не татарин и не русский, и даже не еврей. Ты миллиардер. И соплеменники у тебя другие миллиардеры. А ты дожил до седых лет и самых простых вещей так и не понимаешь.

Чернуха высунул одну ногу из ванной.

– После водочки хорошо. А виски – это самогон. И вредно для желудка...

– Чего я не понимаю? – спросил Горемыкин.

– Натуры ты человеческой не понимаешь. За деньги любую королеву можно купить, не только английскую, – Чернуха стряхнул от воды руки, достал из пачки, лежавшей на полу, сигарету, прикурил, глубоко затянулся и выпустил к потолку струйку дыма. – Помнишь на втором курсе ты за Юлькой бежал. Забыл как ее... Такая вся интеллигентная и высокомерная. Ты даже жениться мечтал. У меня пиджак на свидание брал... Помнишь?

– Ну и что?

– А то, что я ее на этом пиджаке возле метромоста на Ленинских горах за скамейкой под деревом на следующий день

за пузырек духов трахнул как козу драную.

Горемыкин резко побледнел. Растерянность в глазах исчезла, и появилось бешенство.

– Как же ты мог! – вскрикнул он визгливо. – Ты же знал что, она мне нравится.

– Да в этом же и есть весь интерес, – Михаил самодовольно улыбался, разгоняя рукой пену. – Так бы она мне даром не нужна. Только чтобы тебя позлить. Спортивный азарт, наверное.

– Что же ты же мне тогда не рассказал?

– Не знаю почему. Жалко тебя стало что ли. Ты тогда ходил за ней как потерявшийся щенок. А может, потому что мне нравилось слушать, как ты мне про любовь к Юльке рассказываешь и вспоминать ее натертые травой коленки.

– Хочешь еще посмеяться?

– Ну...

– Я тебе в водку яд налил и через пять минут ты сдохнешь, – с ненависть выпалил Горемыкин.

– Ну что же, видно судьба у нас такая, – неожиданно спокойно ответил Чернуха. – Я через пять, а ты к вечеру в страшных муках. Опять я тебя, Эдик, обманул: тебе мучиться больше. опередил я тебя с ядом.

– Когда ты это сделал? Ты не шутишь?

– Такими вещами не шутят. В бутылку твою еще до звонка Каупермана подсыпал. А ты оттуда уже пол-литра выпил.

– Но я же пошутил, – испуганно прошептал Горемыкин.

– Потому что болтливый дурак. А я не шучу. Остаться должен один, это и без Каупермана было ясно.

Горемыкин подлетел к ванной. Сначала несколько раз попытался ударить Чернуху бутылкой по голове, но тот отбивался руками. Тогда Эдуард отбросил бутылку на пол, схватил приятеля за горло и стал душить, пытаясь одновременно держать его под водой. Чернуха пытался выбраться. Семеня ногами, но никак не мог упереться ими в скользкую поверхность ванной. Через пять минут он затих. Горемыкин встал на ноги и нервно попытался вытереть мокрые руки о такие же мокрые штанины брюк. Потом не удержался и посмотрел на мертвого приятеля. Ему показалось, что тот смотрит на него из-под воды своими выпученными глазами со злорадной усмешкой.

Осознав, что произошло, Эдуард отшатнулся в сторону и сразу упал на пол, поскользнувшись на выплеснувшейся пене. Он не стал вставать, а подобрался на коленях к унитазу и засунул пальцы в рот, пытаясь вызвать рвоту. Как назло ничего не получалось. Он в чем был выскочил на улицу и домчался до больницы. Страшные боли начались через час. Горемыкин так мучился, что врачи ввели его в искусственную кому. Больше они сделать для него ничего не могли.

Но кома не спасла Эдуарда от его снов. Горемыкину снились пауки. Они лезли ему в рот и по пищеводу сползали в желудок. Спустившись, они начинали жрать там все, что попадалось. Печень, почки... Прогрызали в кишках новые

ходы. Когда еда у них кончалась, пауки начинали драться между собой. Во сне Горемыкин визжал от ужаса и боли несколько часов, не в силах пошевелить даже пальцем.

Умер он только на следующий день.

Глава 30

Когда Иван попрощался с Вахромеевым, он был уверен, что теперь все сомнения позади. Но как только сел в такси, вся его решимость исчезла. Он пытался себя убедить, что все сделал правильно. Уволиться он хотел еще до этой неожиданной кругосветки. Теперь причин для этого только прибавилось. Но ощущение вины не уходило.

Маша прилетела в Берлин, сняла квартиру в центре и давно его ждала.

К трехэтажному старинному домику, в котором она остановилась, шла короткая липовая аллея вымощенная булыжником. На первом этаже жила сама хозяйка, которая сдавала квартиры. Маша забронировала комнату на самом верху на мансарде под черепичной крышей. Хозяйка в свои окна видела всех, кто уходит и приходит. И сейчас за бордовыми занавесками и геранью Иван заметил, как мелькнуло ее лицо.

Маша в свое маленькое окошко тоже увидела, как он подъехал, и ждала на верхней площадке деревянной лестницы у открытой двери. Это было неожиданным. И Иван немного растерялся.

– Попался! – повисла Мария у него на шее, поцеловала

и, отодвинувшись, изучающе посмотрела в глаза. Убедившись в чем-то для себя важном, поцеловала еще раз и, схватив за руку, потащила в комнату.

Как только Иван увидел Машу, из головы сразу вылетели все тяжелые мысли. Все стало проще, спокойнее и понятнее. Было ощущение, что она привезла с собой частичку дома. Даже в этой снятой квартире Иван почувствовал себя уютно. Она довела его до кухни и усадила в уголок у стола.

– Сиди здесь, отдыхай, не мешай. Сейчас будем праздновать, – радостно объявила она и начала что-то разогревать, что-то сразу выкладывать на тарелки.

Ивану каждую секунду хотелось до нее дотронуться, но она бегала по кухне, не давая себя поймать.

– Хорошо, что я осталась в Питере в твоей квартире, – рассказывала она. – Не чувствовала себя брошенной. Когда приходили люди с обыском, то хотели меня с собой увести, но потом куда-то позвонили и оставили.

– Не надо было тебе у меня оставаться.

– Что значит «не надо»? Уже гонишь? К маме в деревню? Я тебе так быстро надоела? – облизывая ложку с чем-то вкусным, засыпала вопросами Маша, остановившись около Ивана. – Сейчас вот этой ложкой по лбу. Я и так от мыслей чуть с ума не сошла. Ваня, это из-за того случая в кафе?

– А может нам и правда в деревню уехать? – эта мысль показалось Ивану не такой уж и плохой.

– Я хоть сейчас. Мама счастлива будет. Ты пойдешь участ-

ковым работать или в школу физруком. Хотя школу, наверное, скоро закроют...

– А что ты в деревне будешь делать?

– Любить тебя и там, и здесь, и везде...

– Везде? Всегда? А здесь? А сейчас? – Иван поймал ее за руку и притянул к себе.

Маше уже не хотелось ни есть, ни пить. Ей хотелось целоваться. Она освободила руку, но только за тем, чтобы снять длинную футболку, под которой ничего больше не было.

Можно в спортзале на тренажерах сделать себе шикарное тело: плоский красивый живот, впечатляющие ягодицы. В конце концов, можно закачать в грудь силикон. Можно на станке натренировать растяжку и гордую осанку. Но гибкость, пластичность и та особая грация, которая притягивает мужчин как магнитом, бывают только врожденные.

После первых месяцев знакомства есть такой момент, когда влюбленные изучили большинство родинок, знают, на какие ласки тело любимого человека откликается охотнее и быстрее, но еще не догадываются, что будет в следующую минуту и как все закончится.

Прижимая Машу к себе, Иван подумал, что ее тело будто создано под него. Бедра, грудь, плечи, как специально вылитые, ровно ложились в ладонь. Он легко поднял ее на руки и отнес в спальную.

– Теперь можно покушать? – довольно потягиваясь на еле

уцелевшей от их натиска древней деревянной кровати с высокой спинкой, спросила Маша.

– А я что-то уже и не хочу, – Ивану не хотелось ни есть, ни вставать. Он смотрел на скошенный низкий потолок мансарды, обшитый не крашенными потемневшими от времени досками и мечтал о деревенском доме, который он построит в деревне на берегу Онежского озера. – А у тебя печка есть?

– Какая печка? – не поняла Маша.

– В доме. В вашем доме в деревне печка есть?

– Ну конечно, – улыбнулась Маша. – Только ее не топят. У нас газ уже давно. Но печка огромная стоит. Одно время ее хотели разобрать: очень места много занимает. Но потом решили оставить. Мама сказала: «Пригодится, не дай бог». Там и лежанка есть, и полати. Мы там можем спать, и я тебе буду сказки рассказывать.

– А ты знаешь сказки? – улыбнулся Иван.

– Конечно, у меня же бабка поморка, она мне их каждый вечер рассказывала.

– Я был бы сейчас не против послушать хотя бы одну...

– Правда? – Маша повернулась на бок, облокотила голову на ладонь и, чуть подумав, начала рассказывать:

– Ну слушай: в некотором царстве, в некотором государстве...

– Жили старик со старухой, – подхватил Иван. – Сказка будет про нас?

– Мы же с тобой еще не старик со старухой, – улыбаясь, от-

ветила Маша. – Не перебивай. Так вот: жили в этом царстве три Ивана. Иван-царевич – царский сын. Иван-попович – поповский сын и Иван-дурак – сын крестьянский. Были они все богатырями: сильными и красивыми. Но случилась в царстве их беда. Через речку Смородинку, через чистый Калинов мост повадились на землю русскую ходить Змеи лютые. Людей в плен брать, а вокруг разорять и огнем жечь...

Иван уснул. Маша умиротворенно улыбнулась, примостила голову рядом с ним и счастливая закрыла глаза.

Разбудил Ивана притягивающий запах жареного мяса, идущий с кухни. Под одеялом было хорошо, но аппетит был сильнее. Через пару минут он уже сидел на кухне в своем углу за столом.

– Я вчера уснул и сказку не дослушал, – сказал он.

Маша ножом подцепила на сковородке большой подрумянившийся сочный кусок, положила Ивану на тарелку и неожиданно сказала:

– Ваня, ты должен знать: если еще раз изменишь, я тебе член отрежу, мелко порежу и скормлю рыбкам в речке.

Иван растерялся. На секунду подумал, что так даже лучше и приготовился искать слова для покаяния. Но Маша не выдержала и рассмеялась.

– Молчи. Ничего не хочу знать. Я пошутила, – она нагнулась и поцеловала его в щеку. – Нет, что отрежу, не пошутила, – она покрутила ножом, который так и держала в руке. –

Пошутила, что что-то знаю. Хотя, наверное, измену не скроешь, – Маша смотрела на него, чуть прищутив глаза и с улыбкой на лице. – А ты ведь чуть не раскололся.

– Тебе следователем работать! Я чуть было во всем не признался, – выдохнул Иван. Он задумывался: стоит или нет рассказывать Маше о Диане, но сейчас решил, что уже поздно.

– Значит, есть в чем признаваться? – спросила Маша, пристально и все еще улыбаясь, глядя на него.

– Дай-ка подумать...

– Стоп, стоп, стоп! – Маша замахала руками. – Ничего не хочу знать. Раньше я тебя не предупреждала, и ты отвечал за свои дела только перед собой. С этой минуты знай – наказание неизбежно.

– Хорошо. Со мной разобрались. Ну а что ты делала эти дни? – Иван облегченно принялся за мясо на тарелке.

– Валялась на кровати. Смотрела наши фотографии, вспоминала и думала, думала, думала... О тебе... О нас... Даже всплакнула один раз...

– Не надумала от меня уйти?

– Да что ты меня опять куда-то гонишь! Куда же я от тебя?

– Не знаю. Может обратно на Васильевский остров?

– В жизни вторых попыток не бывает. Стоит немного пройти по другой дороге и вернуться уже не получится, только заблудишься.

– А ты бы смогла мне изменить? – как бы между прочим

спросил Иван, рассматривая насаженный на вилку аппетитный ломтик.

– Не слишком много серьезных вопросов на завтрак?

– Ты первая начала.

– Из похоти или для самоутверждения переспать с соседом или коллегой – точно нет. Это удел закомплексованных неудачниц и озабоченных тетушек.

Мария сразу же подумала, что сама встретилась с Иваном, когда была замужем.

«Значит, ты и есть закомплексованная неудачница? Но я же решила, что брак не удался еще до встречи с Иваном. Но никому не сказала, – рассуждала она сама с собой. – Надо было сказать мужу сразу, если знала, что все кончилось. А теперь, наверняка, за это придется платить. За все надо платить».

– А как могла бы? – вернул ее в реальность Иван.

– Если бы твердо знала, что старые отношения кончились и их не вернуть. Но сначала я скажу об этом тебе, – Мария села к Ивану на колени и, обняв одной рукой, добавила: – Мы можем расстаться только когда я перестану видеть картинку из нашего будущего, где мы старенькие ковыляем под ручку по осеннему парку.

– Другими словами, клятву вечной любви ты мне не даешь? И мосты не сжигаешь?

– Я-то даю, – засмеялась Мария и опять встала к плите перевернуть поджарившийся бифштекс, – но есть еще ко-

е-кто...

– Я что-то пропустил? – Иван перестал жевать.

Мария подвинула стул и села напротив него.

– Когда я тебя ждала, то познакомилась с интересным человеком, – начала она, заметно волнуясь. – Я обнаружила, что в каждом из нас живет еще одно существо. Я назвала его – человек первичный. Такой базовый вариант. Исходник.

– Ты осторожнее с такими открытиями, а то можно и до сердечного приступа довести, – улыбнулся Иван.

– И мне кажется, – продолжила Маша, – большинство важных решений в нашей жизни принимает именно он.

– Прямо-таки вмешивается в наши дела?

– Да. Почти всегда. Манипулирует с помощью отлаженной системы кнута и пряника. Сделал хорошо – получи дофамин или серотонин. Зашел в опасную зону – страх, паника и выброс адреналина. Значит надо бежать и прятаться.

– И чьи решения лучше? Человека первичного или разумного?

– За ним миллионы лет эволюционного опыта выживания, а за нами – окультуренными – лишь пара тысяч лет условной цивилизации и пока не видно, что она в чем-то положительно на нас повлияла.

– Ну а он что приобрел за миллион лет? Что в его понимании хорошо и что такое плохо?

– А в базовой версии человека всего-то две программы: самосохранение и воспроизводство. И он рассматривает все

поступки, исходя из этого. Может это и есть тот самый голос сердца, еще не смешавшийся с расчетом и выгодой.

– Вот и мой знакомый тоже считает, что инстинкты часто управляют миром лучше всякого разума, – Иван вспомнил тяжелый вчерашний разговор с Вахромеевым. Чтобы опять все это не ворошить, шутливо спросил: – Я вот уверен, что этот твой внутренний друг говорит, что мужчине надо любить не только до свадьбы, но и после. А то рассказывают, что у некоторых женщин, как замуж выйдут, голова начинает часто болеть. И забота о мужчине перестает быть главным приоритетом.

– Мой внутренний друг, – улыбнулась Мария, – постоянно предупреждает, что самое страшное наказание для женщины – прожить всю жизнь с больной головой по ночам.

– Кстати, еще не так давно в Индии жен, после смерти мужа, сжигали вместе с ним на костре, – вспомнил Иван.

– Может и правильно, – вдруг совершенно серьезно сказала Маша. – Что она будет мучиться неприкаянная.

– Да нет, – немного опешил Иван от такого ответа. – Есть же еще дети, внуки...

– Дети – это уже новая семья, новая жизнь. Мать там нужна только когда со внуком посидеть некому.

– Так вот о чем ты думала, когда была одна дома?

– Да. И еще о том, что такое счастье, – тихо сказала Маша.

– Ничего себе! Ну и темы у тебя. И что решила?

– Счастье – это когда знаешь, для чего живешь.

«Это ты права, а не болтаешься как говно в проруби», – вспомнил Иван о своих сомнениях.

– Но ведь ты говоришь, – уже вслух произнес он, – что любовь может кончиться. Через год, через три, через десять... И картинка будущего растворится.

– Если это любовь, то она не кончается. Чем больше отдаешь, тем больше остается.

Маша смотрела на Ивана и ей казалось, что она видит все на много лет вперед. Она улыбалась. Потому что ей нравилось то, что она там видела.

* * *

Через несколько часов они решили пойти погулять. На бульваре под каштанами, платанами, липами и рябинами прятались от солнца ухоженные немецкие старички, молодые влюбленные парочки и большие веселые компании. Вокруг было много уличных музыкантов и актеров: клоунов, жонглеров, акробатов. Было ощущение, что они попали на праздник, который здесь никогда не кончается.

– Не ожидала, что Берлин такой многонациональный город, – заметила Маша.

– Тебе это не нравится?

– Мамин брат, дядя Миша, которого я трезвым никогда не видела, считает, что вокруг России живут чурки поганые и обезьяны, которые вчера еще по пальмам скакали. Да еще наши вечные враги: американцы с немчурой, которые по-

следнее время совсем охамели и надо бы их опять поучить.

– Квасной патриот? – усмехнулся Иван.

– У нас половина деревни таких патриотов.

– А ты в какой половине живешь?

– Уже и не знаю. Вот смотрю вокруг и кажется, что немцы лет на двести впереди нас. Наверное, это всегда было и теперь уже так и останется навсегда. Кто поумнее, с петровских времен предпочитали за границей жить, а уж сейчас тем более.

– Значит, домик будем здесь присматривать, а не в твоей деревне? – спросил Иван с улыбкой.

– Ванечка, да мне неважно где, мне важно с кем... то есть с тобой. А в Берлине или еще где – это тебе решать.

– Не верю, что тебе все равно.

– Мне хочется сказать, что дома лучше, потому что там и стены родные помогают... Но я как вспомню этого дядю Мишу, который по два раза в неделю к матери приходит денег на выпивку просить... Да еще и упрекая, что мама якобы его обманула, когда бабкино наследство получила. И после этого хочется жить где угодно, лишь бы подальше от родной деревни... Давай не будем об этом.

Они вышли на набережную и перешли мост через Шпрею.

– Ты сегодня какая-то необычная.

– Почему-то мне кажется, что сегодня что-то решится, как в то утро, когда мы встретились.

– Где решится? Кем? Твоим первичным человеком?

– Нет. Где-то там... – Маша показала рукой на облака, – на небесах.

– Да что же такое! – весело вскрикнул Иван. – Получается, у меня нет никакой свободы воли. Или решает кто-то внутри меня или кто-то на небесах. А отвечаю за все поступки почему-то я один!

– Нет-нет. Отвечаете все трое.

– Это утешает. Что не одному отдуваться.

К берегу причаливали прогулочные катера. Справа был большой парк.

– Как в тот день. Река, парк...

– Только здесь все очень большое и не такое уютное, как у нас.

Они свернули от реки на тихую аллею и через несколько минут вышли к бронзовому солдату со спасенной девочкой на руках.

– Может не так уж и далеко они от нас ушли? – помрачнев, спросил Иван.

– Миллионы погибших из-за нескольких сумасшедших, мечтающих о мировом господстве. И после этого мы говорим о культуре и цивилизации, – грустно сказала Маша.

– Думаешь, если бы слушались твоего первичного человека, этого бы не произошло?

– Конечно нет. Самосохранение – главный закон жизни.

– А пчелы, погибающие защищая свой дом? Получается что у них другой главный закон? Выживание улья?

Они прошли по дорожке до монумента и поднялись по широкой белой лестнице. Вход внутрь был закрыт. Через решетчатую дверь были видны живые цветы на полу и часть надписи на стене с большой красивой мозаикой, чем-то напоминающей древние картины с библейскими сюжетами. Маша прислонилась лицом к решетке и прочитала: «...советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию...» Потом повернулась к Ивану, который стоял на краю лестницы, и спросила, положив руки ему на плечи:

– Мне кажется, что тебя что-то очень сильно беспокоит.

– Один очень хороший человек вчера попросил меня ему помочь, а я отказал.

– Почему? Это опасно?

– Наверное. Но отказал не поэтому. А потому, что не понимаю, за что буду рисковать.

– Когда рискуешь жизнью, надо знать за что.

– Да. Они точно знали, за что рискуют, – Иван смотрел на бронзовых солдат, скорбно преклонивших колена под гранитным красным знаменем. – Но вряд ли у них был выбор.

– Иногда мне кажется, что выбора вообще нет. Все решается в детстве, когда ты открыл свою первую книжку. Если она была хорошая и ты дочитал до конца, то твой выбор сделан, – сказала Маша.

– Если попалась дрянь, то тоже сделан. Ты помнишь свою первую?

– Книжку – нет. Но я помню много сказок и колыбельных.

– А я помню. На первой странице была страшная картинка: удав проглотил хищного зверя.

– Та книга была хорошей?

– Говорят, одна из лучших.

– Тогда вряд ли у тебя есть выбор. Да еще ведь вот в чем дело: если ты в какой-то момент жизни всего один раз не сделаешь то, что должен или где-то немного оступишься, то вся жизнь и до, и после этого может потерять смысл.

К дому они вернулись почти не разговаривая, держась за руки, каждый думая о своем. Перед самым входом в дом Иван заглянул в хозяйское окно. Неожиданно женщина за геранью показала рукой вверх, потом недвусмысленно показала головой. Иван понял, что дома их ждут, и резко потянул Машу в сторону. Они почти бегом выскочили на дорогу, пытаясь остановить такси.

– Ты была права: иногда кто-то решает за нас. Домой нам нельзя – добрая хозяйка убрала с окна цветов.

– Какой цветок? Ты о чем?

– Это я пытаюсь шутить. Домой нельзя. Нас там ждут плохие люди.

– А зачем они нас ждут?

Иван на бегу взглянул на непонимающие растерянные глаза Маши. И в этот момент ее сбил старенький «Гольф». Она отлетела в кусты, а машина, проехав еще метров десять, резко затормозила. Из нее выскочили два парня. Один

подбежал к Ивану, доставая пистолет, но выстрелить так и не успел. Иван бросился ему навстречу. Одной рукой схватил его за руку с оружием, а другой, в которой оказался маленький кухонный нож, который он на всякий случай прихватил утром со стола, сделал на лице нападавшего несколько длинных порезов, из которых мгновенно хлынула кровь. Продолжая держать руку с пистолетом, он направил её на второго и нажал на курок.

Иван оглянулся. Оглушенная Маша продиралась через кусты на дорогу. Он подбежал к ней и взял за плечи.

– Ты цела?

Пока она соображала, как ответить, Иван сам ее всю осмотрел, ощупал и понял, что им повезло: она отделалась лишь синяками и царапинами. За эти несколько секунд он ясно осознал, что важнее ее в его жизни ничего нет. Иван схватил Машу за руку и посадил в «Гольф». Она с ужасом взглянула на стоявшего на коленях парня, который держал ладонями окровавленное лицо.

– Кто это? Зачем они это делают?

– Не знаю. Но напав на тебя, они сделали большую ошибку, поставив под угрозу сразу обе мои главные программы: самосохранение для воспроизводства вместе с тобой наших маленьких детёнышей, – Иван уже мчался по Шлезисше Штрассе. – Мой первоначальный демон в гневе.

– Человек, Ваня, первоначальный человек.

– Сейчас это не человек.

«Все, что должно произойти, все равно произойдет. Это изменить невозможно. Мы можем только выбрать свою роль в этих событиях, – вспомнил Иван слова странного старичка с маяка. – А можем ли?..»

Глава 31

– Ты? – удивился Вахромеев, увидев на пороге своей кухни Олега Калгана, – Кого-кого, но тебя-то я здесь не ждал увидеть! «Да уж! Вот это профессионал, – с восхищением подумал он, – там и сигнализация, и замки. Да и пистолет у меня в ящике кухонного стола, а у него под мышкой. Старая школа – обыграл меня как пацана...»

Сергей Андреевич Вахромеев и в молодости немного завидовал Калгану. Всегда элегантно одетый, высокий худошавый блондин, он до сих пор выглядел очень молодо. За что бы он ни брался, все у него получалось. И получалось лучше всех. При своем очень тяжелом характере Олег, если это было нужным, мог выглядеть очень милым человеком и умел смотреть на собеседника так, что тот чувствовал неподдельный, искренний интерес. Это особенно нравилось женщинам. Он мог их слушать, не прерывая, лишь вовремя вставляя восхищенные реплики. Поэтому поклонниц у него было много.

Но Вахромеев знал, что сам Калган любит лишь одну женщину – свою жену, с которой расписался еще курсантом училища. Погибла она в конце декабря девяносто первого. В Бе-

ловежской пуще, упившиеся до скотского состояния новые президенты, уничтожили СССР, а она ехала на дачу с новогодними подарками. Ее белая «восьмерка» пробила ограждение моста на Ярославском шоссе и упала в реку. У Михаила Калгана остался сын, ради которого он и жил все эти годы.

– У тебя там в ванной два человека лежат, а воды в ней нет, – сказал Калган, разглядывая кухню.

– Я за хлебушком вышел... Вернулся, а они здесь, – спокойно ответил Вахромеев. – Твои ребята?

– Сами в ванную залезли? – спросил Калган, пропуская мимо ушей вопрос товарища.

– Хорошо бы если сами. А так еле дотащил: здоровые боровы. Похоже, это еще один привет из дома, – усмехнулся Вахромеев. – А ты сюда, в Берлин, по какому делу?

– Знаешь от кого привет? – поинтересовался Михаил, продолжая игнорировать вопросы.

– Да мало ли в Бразилии Педро... – усмехнулся Сергей Андреевич.

– Слух пошел, что ты решил здесь войну начать.

– Ну а тебе-то что? Это не твоя война. Или хочешь меня остановить? – Вахромеев подошел к столу и открыл ящик.

– Ты с пистолетиком-то аккуратнее. Я помочь тебе приехал. Подумал, один не справишься.

Калган подошел ближе и протянул генералу Вахромееву руку.

– А он не один, – сказал кто-то у него за спиной.

Михаил оглянулся – на лестнице на второй этаж стоял Садовский.

– Влад? – опешил Калган. – Не думал что вы вместе.

– Надеюсь, я уже на том свете рыбок в Средиземном море кормлю?

– То, что ты тогда в Испании выжил, я знал. Не думал, что здесь тебя встречу.

– Почему мы должны тебе верить? – холодно спросил Владислав.

– А что вам остается?

– Пристрелить тебя и положить там в ванной к другим, – Садовский не верил Калгану. Он считал его причастным к покушению на себя.

– Владислав, не горячись, – вмешался Вахромеев. – Понимаешь, Миша, об этом доме и тем более о нашем плане никто не знал.

– Если секрет знает один человек, то это секрет. Если двое – знают полмира.

– Если трое – весь мир, – закончил пословицу Влад.

– Вот-вот, – согласился Калган. – Хотел бы помешать – не стал бы разговаривать. Ты же знаешь мое правило: сначала стреляй, а потом разговаривай.

– Если ты с нами, то это хорошо, – Вахромеев решил, что, наверное, Калган прав: если бы он решил их остановить, то остановил бы. – Мы надеялись, что у нас есть еще неделя, но если о плане знаешь ты, то знают и другие. Так что начнем

завтра рано утром.

– Может, все-таки расскажешь, зачем тебе-то это надо? – недоверчиво спросил спустившийся с лестницы Садовский.

– В двух словах не получится.

– А ты не в двух.

– Сомнения у меня, Владик, появились: не зря ли я это небо копчу. Вот и решил кое-что себе доказать.

Калган не хотел откровенничать. После развала страны, которой присягал, и смерти жены, он пообещал себе, что сделает все возможное, чтобы вырастить сына так, чтобы им могла бы гордиться погибшая жена. Для него это стало смыслом жизни. Но с каждым годом он все больше убеждался, что не может оказывать на сына никакого влияния и парня интересуют лишь его деньги и связи. Михаил уговаривал себя, что все наладится и, повзрослев, сын найдет себя. Но после инцидента с Иваном в кафе, Калган окончательно понял, что воспитал обычного бездельника и мерзавца. А дальше неизбежно пришлось признать, что жизнь потрачена зря. Он уже хотел пустить себе пулю в лоб, но узнал о планах Вахромеева...

– Давайте тогда перекусим и чайку выпьем, – предложил Сергей Андреевич.

В этот момент в дверь кто-то постучал.

– Свои, – успокоил Вахромеев, посмотрев из-за занавески в окно. Потом прошаркал по коридору и впустил Ивана с Машей.

– На съемной квартире нас ждали, – объяснил свое появление Иван.

– Значит, времени совсем нет, – генерал забыл про чай и пошел в гостиную, жестом пригласив всех за собой.

– На что нет времени? – Иван настороженно посмотрел на Калгана. – Товарищи генералы, может расскажите мне, что вы все-таки задумали?

– Атаковать базу НАТО, – не поворачиваясь, ответил Вахромеев.

– А чего сразу не Пентагон? – засмеялся Иван, но никто даже не улыбнулся и он притих.

Все расселись вокруг большого круглого стола в гостиной и Сергей Андреевич Вахромеев, будто на совещании в родной Конторе, начал докладывать:

– Мы обнаружили здесь, под Берлином, лабораторию, проводящую биологические исследования над различными вирусами и их воздействия на человека. Объект находится на территории военной базы блока НАТО. Но сама лаборатория не подчиняется ни одной стране, ни одной официальной международной организации. А значит юридически это незаконное секретное предприятие, изготавливающее оружие массового поражения. Поэтому наш план очень простой: атаковать и уничтожить.

– Куда уж проще. Не сложнее, чем соседский сарай поджечь, – пробурчал Калган.

– Но нет же никакого вируса! – вскрикнул Иван. – И никто его не распространял. Да не думаете же вы на самом деле, что кто-то хочет с помощью какого-то вируса уничтожить миллиарды людей и получить власть над миром? Это бред.

– То, что в этот раз те контейнеры, которые ты, Ваня, не очень удачно преследовал, были пустыми, не значит, что в них ничего не будет завтра или через год. В этой лаборатории в обход всех международных законов без всякого контроля производят неизвестные вирусы, а это оружие массового поражения. Какая еще нужна причина для ее уничтожения? Не для того, Ваня, кто-то все это все это начинал, чтобы теперь обратно отыграть. Не надейся. Сами они уже не остановятся.

– Это как сделать каминг-аут. Обратно уже не отыграешь, – с усмешкой пояснил Садовский.

– А нельзя их закрыть через ООН? – спросила Маша.

Вахромеев поморщился, но видимо понимая, что девушку сейчас уже деть некуда, ответил:

– Во-первых, пока мы будем согласовывать, ее могут перевести в другое место или, что еще хуже, начнут атаку прямо сейчас. А во-вторых, нет уверенности, что все эти международные организации не подчиняются тем же структурам, которые и управляют этой лабораторией.

– Вы о чем вообще? Что за секретное мировое правительство? – недоверчиво усмехаясь, спросил Иван.

– Подумай сам, – вмешался Садовский, – лаборатория на-

ходится на территории и под прикрытием базы НАТО. Но по факту военные только вахтеры – лаборатория, занимающаяся разработкой биологического оружия, им не подчиняется. Значит, по всем международным законам этот объект необходимо рассматривать как террористический. И поэтому его уничтожение наш долг, – Влад нервно барабанил пальцами по столу и смотрел перед собой. – Ваня, ты пойми: только с помощью страха за несколько дней удалось уничтожить основы стабильности всего мира. Во всех странах обрушение экономики. Люди в панике. По всему миру вводятся бессмысленные карантин и запреты. Любую страну могут объявить изгоем без всяких доказательств. И это все на пустом месте. Что будет, если появится настоящая угроза? Какая она будет? Мы даже не знаем точно, какие вирусы и бактерии там разрабатываются. В любом случае, это оружие. И завтра или через пару лет его обязательно применят. И организовали это очень серьезные структуры. Это не безмозглые фанатики без денег и без мозгов. Очень немногие могут заставить Германию разместить у себя подобную лабораторию, а в охранники поставить американскую армию.

– Может они хотят управлять миром, чтобы сделать его лучше? – спросил Иван, вспомнив разговор с Фридрихом Уотсоном.

– Сколько этих красивых целей уже было, – напомнил Калган. – Благими намерениями вымощена дорога в ад. Мечтать о построении идеального общества и построить его – это

совершенно разные вещи. В России эти эксперименты стоили жизни миллионам.

– Но ведь можно будет сделать другую лабораторию, – опять вмешалась в разговор Маша.

– В этом то и цель нашей атаки: показать, что не все так просто, – продолжил Вахромеев. – Знаешь, почему в двадцатом веке ядерной войны не случилось? Да потому что и СССР, и США знали, что возмездие будет неизбежным, а ущерб от него будет неприемлемым. А сейчас, кажется, про это забыли. Вот руки и зачесались.

– Все равно я не понимаю, какая у тех людей конечная цель.

– Конечная? – Сергей Андреевич улыбнулся, как будто рассказывал о воскресной рыбалке. – Для начала спровоцировать финансовый кризис с мощным обвалом всей экономики и обнищанием народа. Затем организовать несколько военных конфликтов в разных регионах. Это неизбежно приведет к голоду и эпидемиям. Другими словами, к апокалипсису. Дальше на белом коне появляются те, кто все это затеял. Чтобы спасти мир они попросят полный контроль над каждым человеком, над каждым государством. И они это получают. Приблизительно как-то так, но в точный сценарий я не посвящен.

– Ну и почему нормальный законопослушный человек должен этого бояться? – не унималась Маша.

– Чтобы остаться человеком, – коротко ответил ей Калган.

– Разве это можно отнять? – удивился Иван.

– Легко, – Влад встал, подошел к окну и, посмотрев на улицу, пояснил: – Уже сейчас по поисковым запросам в интернете с помощью специальных программ на каждого человека уже сформировано полное досье. В нем есть то, в чем ты даже самому себе боишься признаться, – он, как и Вахромеев, говорил о пугающих вещах так обыденно, что Иван не мог воспринимать это серьезно.

– Но просто все знать о тебе – это мало. Главное, иметь возможность тобой управлять. И не только через зомбирование в социальных сетях, но и напрямую с конкретными запретами, указаниями и наказаниями.

– У меня мама говорит, что скоро нам всем чипы поставят, – усмехнулась Маша.

– Чипы, не чипы, – Владислав сел обратно. – Можно все сделать проще и без лишнего шума. Все данные о человеке можно фиксировать на обычный электронный паспорт. Якобы для твоего же блага. К примеру, данные о твоём здоровье вместо больничной карты.

– Ну и что плохого? Мало ли, сердечный приступ... меньше формальностей и быстрее можно оказать помощь, – ответил Иван, пожав плечами.

– В этом же паспорте все данные о твоих близких, потом не очень близких, потом о всех с кем ты контактировал и как контактировал. А потом в какой-то момент тебе приходит обязательное предписание с кем можно контактировать,

а с кем нельзя. С кем встречаться, о чем говорить, с кем выпивать, с кем заводить детей. С ежедневной автоматической отчетностью, – Влад улыбнулся, посмотрел на Ивана и добавил: – А еще отчет сколько раз ты с женой сексом занимался, как исполняешь супружеский долг. Выполняешь ли норму. Доставили ли друг другу удовольствие. Видео и фотофиксация для доказательства. И как ты понимаешь, половые акты без жены тоже будут фиксироваться. Вся жизнь под колпаком.

– Да что вы смеетесь? – оборвал смех Вахромеев. – Все это серьезно и уже давно существует. Я-то точно знаю. Все это уже вчерашний день. Информации уже полно.

– А что же дальше? – не унимался Иван.

– А дальше сделают из тебя нового человек – человека-насекомого, – усмехнулся Садовский. – И твои дети, внуки будут насекомыми-сантехниками, насекомыми-официантами, насекомыми-таксистами... Навсегда. Без единого шанса выбиться в другую касту.

Иван вспомнил, что именно это хотел сделать Фридрих Уотсон.

– А разве сейчас уже не так? – спросила Маша. – Не думаю, что сейчас у многих есть свобода выбора своего будущего.

– В общем-то, вы правы, – согласно кивнул Владислав, – но есть одна маленькая тонкость. В реальности свобода понятие мифическое. Ее не существует. Но всегда есть надеж-

да. И это очень, очень важно. Есть мечта. Мечта, что если не ты, то твои дети смогут вырваться из нищеты в другой волшебный мир. А эту мечту у тебя отнимут.

– Разве можно отнять мечту? – Маша недоверчиво пожала плечами и, ища поддержки, посмотрела на Ивана.

Садовскому меньше всего хотелось рассказывать этой красивой милой девушке вещи, которые для него были очевидными, и в которые она все равно не поверит.

– Сначала ограничат возможность получать образование. Это можно сделать не явно. Кому хочется штудировать физику и биологию, если есть смешные картинки в интернете? Дети будут только «за», если вместо законов Архимеда, Ньютона или Бойля-Мариотта им разрешат рассматривать фотки в инстаграме. А потом, когда они перестанут понимать происходящее, можно немного подправить их природу с помощью генной инженерии. В принципе, все не очень сложно и не очень долго. Лет через тридцать мир будет совсем другим.

– Да кому и зачем это надо? – вскрикнул Иван.

– Владислав тебе сказал, – резко ответил Вахромеев. – Тем, кто решил, что этот человек тупиковая ветвь эволюции и надо делать человека нового. Сделать людей приложением к станку. Бессловесным приложением. И для этого нужен кнут. А лучший кнут – это страх. Людям лишь напомнили, что они смертны и что смерть – это больно и совсем некрасиво. И люди перепугались. Бросились умолять: «Перестаньте

нас пугать, верните нам спокойствие, мы готовы для этого встать на колени и молиться очередному богу, на которого вы укажете. Только не пугайте нас больше...» Слово «террор» и переводится как страх и ужас, – продолжил Вахромеев. – И террористы – это не только те, кто взрывает метро. Главные террористы ходят в дорогих костюмах, выступают в ООН, трясут там какими-то пробирками, а потом уничтожают целые страны, загоняя целые регионы в хаос и средневековье. Ковровыми бомбардировками убивают миллионы и делают голодающими сотни миллионов. И при этом рассказывая на трибунах красивые сказки. Вот кто главные преступники. А теперь они хотят сделать всех обычными биороботами, а весь мир скотным двором.

– Скоро только в глухой тайге, как старообрядцы Лыковы, можно будет спрятаться, – недоверчиво сказала Маша и посмотрела на Ивана. – Так что придется к нам в деревню ехать.

– Но неизбежно будут и те, кто не захочет быть как все. Кто будет сопротивляться, – Вахромеев ходил из угла в угол, сам распаясь от своих слов. – Что с ними делать? Опыт есть: концлагеря с последующей ликвидацией и утилизацией. Были нацистские и гулаговские. Теперь туда загонять противников унификации, тотального контроля и всяких предписаний. И все для нашего же блага, – Вахромеев усмехнулся и уже немного успокоившись, продолжил: – Человека делает человеком возможность выбора. Этим мы и отлича-

емся от животных, которые подчиняются лишь инстинктам, и именно это хотят у нас отнять. Сделать однотипных программируемых зомби. Это и есть фашизм.

Сергей Андреевич сделал паузу, посмотрел на Машу, понимая, что она не верит во все это.

– Какая бы прекрасной не была новая идея, – сказал он очень мягко, как будто обращаясь к ней одной, – она не сможет переделать человека. Миллионы лет эволюции и жесткой борьбы за выживание создали современного человека. Все попытки накинуть на него поводок кончались тем, что он вместе с поводком стряхивал с себя все, что ему мешает и оставался таким как есть. Свободным.

– Первичный человек, – тихо прошептала Маша.

Все замолчали. Калган что-то рисовал на листе бумаги. Маша смотрела на задумавшегося Ивана, пытаясь понять, что он решил.

– Поэтому, – твердо прервал молчание Вахромеев, – главная цель нашей операции – показать, что мы существуем. Чтобы те, кто играет жизнями миллионов людей, знали, что за все придется отвечать.

– Спасение мира – цель, конечно, благородная, – нерешительно согласился Иван, – но мы-то здесь причем? Наша задача – свою страну защищать, Россию.

– А никаких России, Германий или Индий больше не будет. Не сразу конечно. Но Россия как раз первая в списке на ликвидацию, – подытожил Калган.

– Почему такая честь? – спросил Иван недоверчиво.

– Потому что за всеми красивыми словами всегда можно разглядеть чье-то желание хорошо заработать. Россия притягивает ресурсами, молодой человек, природными ресурсами и слабым народом, который потерял свои корни, свою идею существования и поэтому не готов их защищать.

– А зачем людям умирать за то, что принадлежит десятку жуликов? – пожал плечами Иван.

– А есть ли у тебя право решать, кому и за что умирать? – спросил Калган.

– Вы меня извините, – резко перебила его Маша. – Я девушка деревенская, простая. Вы тут моего любимого просите своей жизнью рискнуть, чтобы страну спасти. А есть ли смысл защищать такую страну, в которой воры-чиновники живут во дворцах с золотыми унитазами, а миллионам людей зарплаты хватает только чтобы с голоду не сдохнуть? Какая простым людям разница, каким бандитам принадлежит нефть? Немецким, американским, еврейским или русским. Хуже жить они все равно не будут. Потому что хуже некуда. Если ты думаешь, как прокормить детей, то у тебя нет времени думать о чем-то другом. Тем более, что у бедных всего мира одна национальность.

– Вы правы, Маша, – ответил Вахромеев. – Но так у страны появится шанс. Людям нужен хороший пример, вера в то, что они не одни и не все потеряно. А воспользуется им кто-то или нет – это уже другое дело.

Все замолчали. Каждый думал о своем, понимая, на что они идут.

– У нас мало времени, – напомнил Вахромеев. – Надо обсудить план действий. Так что прошу принять решения.

– Сергей Андреевич, последний вопрос, – Иван даже встал. – Какие у них мотивы? Ведь не ради денег? Кто эти люди?

– Я не психиатр, – рассеянно ответил генерал. – Обычные люди, когда-то кем-то в детстве обиженные: не взяли в футбольную команду, девушка отказала, мама модные кроссовки не купила, папа из дома к любовнице ушел. Комплексы неполноценности приводят к болезненному тщеславию. А себе, естественно, можно внушить, что стараешься для блага людей.

– Поэтому эти попытки и кончаются одним и тем же, – добавил Садовский. – Когда такие благодетели видят, что люди не хотят счастья по их замечательным рецептам, то очень обижаются. И решают, что тех, кто не желает перековываться, надо заставить. Для перевоспитания строят концлагеря, а для активных противников – гильотины и газовые камеры.

– А мы сами здесь не пытаемся улучшить мир по нашему рецепту? Может это у нас болезненное тщеславие? – спросил Иван.

– Это уж ты сам решай, – ответил Вахромеев усмехнувшись. – Но времени на раздумья больше нет.

– Я с вами, – решительно ответил Иван и посмотрел на

Машу.

Мария поняла, что Ивана уже не остановить, но все равно спросила, обращаясь к Вахромееву:

– Если все так очевидно, то почему люди во всем мире не объединятся и не остановят это? Почему только вы?

Вахромеев улыбнулся и, переглянувшись с Калганом, ответил:

– Как бы они не ругали правительства своих стран, они все равно им верят.

– Почему?

– Потому что если перестаешь верить своей власти, а тем более если начинаешь понимать, что миром управляют закомплексованные мерзавцы, то становится очень одиноко и страшно. Поэтому верить проще.

* * *

После этого разговора все немного перекусили бутербродами и заварили чай в большом белом чайнике с голубыми цветами. План атаки готовил Садовский, он и рассказал о деталях.

– Чтобы было понятно: я на территории этой базы десять лет учился в школе. Когда-то это была наша советская воинская часть. Отсюда поехал поступать в училище. Отец этой части всю жизнь отдал и умер здесь же. Не вынес позора, когда нас отсюда ссаными тряпками в чистое поле под Волгоградом выгнали. В этот день наш вечно пьяный клоун-пре-

зидент, еле стоя на ногах, дирижировал немецким оркестром здесь в Берлине. Так что у меня свои счета.

– Но американцы, которые сейчас здесь, не виноваты, – тихо произнесла Маша.

– Они нас выгнали, чтобы самим здесь разместиться. Если ты ставишь вокруг мой страны ракеты, нацеленные на мой дом, то будь готов за это ответить. Я ту капитуляцию не подписывал. А здесь – солдаты. На войне как на войне, – ответил Садовский. – Мы атакуем прямо по центру, – он разложил на столе карту объекта и показал карандашом, где все будет происходить.

– Замечательный у тебя план! У них там бетонный забор, блоки поперек дороги, КПП с двумя ДОТами по бокам. Все простреливается, – не удержался от замечаний Калган.

– Не перебивай, – попросил Влад. – Замечания потом. Вот здесь у КПП мы ставим грузовик со взрывчаткой. Сами укрываемся вот за этой насыпью. После взрыва там ни КПП, ни забора не останется. ДОТы у них, естественно, не в боевой готовности. Их еще мы строили и тоже только для начальства, – Садовский поморщился, вспомнив что-то неприятное. – Дальше сразу прорываемся к бывшему штабу. Захватываем его и держимся, сколько сможем.

– Так себе план, я бы сказал, – рассмеялся Калган.

– Но нам же нужна лаборатория. Зачем нам штаб? – подержал его Иван.

– Потому что нас так учили: главное взять штаб, – про-

должал шутить Калган, – и поднять флаг Веселого Роджера.

– Наша задача не прорваться в лабораторию, – серьезно ответил Садовский.

– А какая тогда?

– Отвлечь внимание и вызывать огонь на себя.

– Нас же за пять секунд перестреляют как куропаток, – возразил Калган, перестав смеяться.

– Тебя Родина готовила столько лет и кучу денег потратила не за тем, чтобы тебя за пять секунд как куропатку пристрелили, – сухо ответил Влад.

– Ладно, ты о себе думай, – огрызнулся Калган. – А что с лабораторией?

– Когда мы здесь их всех у штаба соберем, Иван сможет проникнуть в лабораторию. Там охраны мало, будет хороший шанс прорваться.

– А как же он туда попадет? Через всю часть? Даже если учесть, что большинство будет нами заниматься.

– Я помню, что он на вертолете отлично летает, – улыбнулся Владислав. – Есть у меня для него подарок. Достался по случаю. Такого, как тогда в Испании, я не нашел, а вот маленький Robinson R-22 нас ждет. Справишься?

– Без проблем, – ответил Иван. – А план лаборатории есть?

– Есть план всего объекта. Но он мало поможет. Там под землей целый город. Еще фашисты до войны строили, а мы немного усовершенствовали. Танковая дивизия могла

спрятаться и авиационная эскадрилья с ремонтной базой на случай ядерного удара. Американцы все законсервировали: в нас они соперника не видят, поэтому им без надобности. Вот, внутри, предположительно вот здесь, – Влад обвел одно из подземных помещений, – лаборатория и находится. Но точно неизвестно. В вертолете тоже будет взрывчатка. Твоя задача – заминировать и подорвать. Придется действовать по обстановке.

Через полчаса все пошли спать по комнатам.

– Подъем через пять часов. Надо выспаться, – сказал Вахромеев. С ним в комнате расположился Михаил Калган.

Когда легли и погасили свет, Калган спросил:

– Со мной ясно, я грехи свои хочу закрыть. А ты зачем лезешь? Ты ведь прекрасно знаешь, чтобы ты здесь завтра не сделал, наши Чуки и Геки все продадут своим хозяевам.

– Знаю, конечно. Поэтому и делаю. Может после этого им это сделать чуть посложнее будет. Ну и грехов у меня не меньше чем у тебя. Мы в наследство получили великую страну и на блюдечке отдали ее всякой сволочи. Так что... спи. Я надеюсь, ты понимаешь, что шансов выжить у нас нет.

– Может, я за этим сюда и приехал... В молодости мечтаешь о легкой жизни, а к старости начинаешь мечтать о легкой смерти.

– А уверен, что смерть будет легкой?

– В любом случае лучше, чем в больнице в обосранных

памперсах.

– Ты, главное, завтра здесь не обосрись.

– Попробую, – усмехнулся Калган. – Умереть в Берлине, штурмуя американскую базу... Это мне подарок от бога.

– Его еще заслужить надо. Спи, Миша.

Калган помолчал минуту и тихо добавил:

– Жены не должны умирать раньше своих мужей.

– Завтра мы им об этом скажем, – пообещал Вахромеев.

– Ты точно уверен, что нужно рисковать жизнью? – спросила Маша Ивана в соседней комнате.

– Не хотелось бы, чтобы нам навязывали, кого любить и с кем жить, – улыбнулся он в темноте.

– А разве это можно сделать?

– Ничего сложного. Соберут все наши данные: здоровье, образование, привычки и социальное положение. Анкеты загрузят в компьютер и упрс – получите результат. Вот ваш избранник. Все очень просто. За невыполнение предписания пожизненный запрет на размножение. Ибо нечего плодить незнамо кого. В Индии такие запреты веками действуют. Кастовое общество. И не только там...

– То есть, ты решил бесповоротно? – Маша сейчас больше всего хотела оказаться с Иваном в своей деревне.

– Я солдат – они генералы, а приказы не обсуждаются.

– Делай как должен, но я полечу с тобой, – решительно сказала Маша.

– Даже не думай.

В дверь постучали.

– Быстро! Подъем!

Иван открыл дверь. На пороге стоял Владислав.

– Окружают нас. Так что уходим немедленно.

– Куда?

– Мы все-таки не зря в Германии сорок лет стояли. Под домом тоннель. Берлин – это наш город.

Глава 32

Через несколько минут все спустились в подвал. За железной дверью начинался узкий тоннель.

– После взрыва дом обвалится и все здесь завалит, – пояснил Садовский. – Пока раскопают, мы уже далеко будем.

Освещения в тоннеле не было. Шли, подсвечивая дорогу телефонами. Только у Вахромеева был большой фонарь. Слышно было, как где-то рядом прогремел поезд метро. Минут через пятнадцать путь перегородила другая дверь. За ней был похожий подвал и лестница. По ней они поднялись наверх и оказались в доме, который был почти копией предыдущего. Задерживаться в нем не стали. Во дворе стояли два неприметных автомобиля. В один сели Калган с Вахромеевым, а в другой – Садовский, Маша и Иван. Очень быстро выехали из города и по загородному шоссе, ведущему на юг, домчались до небольшой деревни.

Остановились у большого дома на окраине. Первый этаж

с маленькими низкими окнами был выложен из огромных серых валунов, а второй – из почерневших толстых бревен. Дом казался бы мрачным и неухоженным, если бы не нарядные оконные карнизы с яркими веселыми цветами.

– Это что, отель? – спросил Иван у Садовского.

– В каком-то роде да, – ответил тот с улыбкой. – Сейчас все сам увидишь.

Оставив машины перед домом, они прошли внутрь. Весь первый этаж занимала огромная гостиная напоминающая трактир в охотничьем домике. Чучела животных на стенах и на полу. Большие деревянные грубо отесанные столы и стулья. Камин, в котором можно было бы поджарить целого кабана. В доме никого не было.

– Располагайтесь, – пригласил Владислав. – До лаборатории отсюда несколько минут езды. Мы планировали сюда приехать прямо перед атакой, чтобы не светиться, но вышло чуть по-другому.

Вахромеев устало опустился в коричневое чуть потертое кожаное кресло перед камином. Было видно, что ему трудно дается такое ответственное решение.

– Вот что я думаю, ребята, – начал он, – раз все так вышло, мы не будем ждать и приступаем прямо сейчас. Но перед этим надо кое-что сделать.

Вахромеев поднялся. За несколько секунд он изменился. Это был уже не сутулый сомневающийся пожилой человек с шаркающей походкой, похожий на немецкого бюрге-

ра, а офицер, который участвовал в сотне боевых операций. В нем изменилось все, даже прежняя одежда выглядела совсем по-другому. Глаза излучали решительность и волю.

– Первое: Маша, вам надо немедленно уехать. Берите машину у входа. Возвращайтесь в Берлин и первым же рейсом домой. Второе...

– Не получится, – перебила его Маша. – У меня прав нет, и ездить я не умею. Но не это главное. Я Ивана одного не оставлю и это не обсуждается. Или ваша операция отменяется, или я иду с ним.

– Ну, я так и думал, – не стал с ней спорить Сергей Андреевич. – Тогда предложение к Ивану и всем остальным: сейчас еще можно отказаться и уйти. Решайте быстро, пожалуйста.

Все молчали.

– Понятно, – Вахромеев внимательно посмотрел на каждого. – Я надеялся вы все откажетесь, и мы пойдем пить пиво, – сказал он с улыбкой, – но не судьба. Напомню: то, что мы делаем, это обычная контртеррористическая операция. У каждого из вас за спиной не одна такая. Учить вас нечему. Десять минут на сборы. Экипировка в комнатах на втором этаже. Ваня, задержись на минутку.

Когда все ушли, Вахромеев подошел к Ивану и попросил:

– Думаю, что девушку свою ты сейчас уже не переубедишь, но все-таки попробуй еще раз. Потому что задача у тебя очень сложная. Мы, как простые быки, пойдем напролом и с нами все ясно. А ты ищешь иголку в стоге сена. Попробуй

приземлиться как можно ближе к тому месту, которое указал Садовский. Тогда дальше все просто, – Вахромеев грустно улыбнулся, – найти эту лабораторию, заминировать, подорвать и как можно быстрее улететь. На словах все просто.

– Я понял, Сергей Андреевич. Сделаю.

– Если ты сейчас с Машей уедешь – я пойму. Может у нас без тебя не получится их остановить, но мы точно привлечем внимание к этому делу.

– А может, не привлечете.

– Ну уж нет. Нападение на военную базу не заметить невозможно.

– В соседних деревнях может и заметят. А если прессе прикажут молчать – никто больше об этом не узнает. У прессы свободы не больше, чем у оплаченной проститутки. Поэтому кроме шума нужен результат.

– Тогда через десять минут здесь.

Ровно через десять минут все вышли во двор дома. Уже рассвело и из-за леса, окружавшего деревню, яркими лучами вошло солнце.

– Хороший будет день, – посмотрев на небо, сказал Калган.

– Иногда один день стоит всей жизни, – Вахромеев дружески подтолкнул Михаила к большому амбару во дворе дома. – Пошли. Время не ждет.

Садовский уже открывал деревянные ворота в сложенном из таких же серых валунов амбаре. За ними стоял обычный

пятитонный белый грузовичок. В него забрались Вахромеев, Калган и Садовский. А за амбаром покачивал лопастями элегантный синий вертолет со стеклянной кабиной.

– Мы выезжаем немедленно, – сказал Ивану Вахромеев. – Отсюда ты все услышишь. После того как бабахнет, засекай пять минут и вылетай. Надеюсь, за это время мы соберем на себя всех...

– Сергей Андреевич, я постараюсь найти побыстрее... После этого вам можно будет отойти...

– Да, да... – сказал генерал, думая уже о своем.

– Машу береги! – крикнул из окна автомобиля Владислав. – Прощай!

Когда грузовик отъехал, Иван с Машей забрались в вертолет. Иван пощелкал тумблерами, и лопасти начали медленно вращаться. Он решил сделать еще одну попытку:

– У нас есть еще время, я могу отвезти тебя подальше за лес и посадить у какой-нибудь автобусной остановки.

– Ты же не уедешь со мной. А одного я тебя не оставлю.

Иван посмотрел на Машу и понял как ей страшно. Вспомнил, как она боялась лететь с ним в тот день, когда они познакомились. Он прекрасно понимал, что Маша не поверила тому что говорили генералы и сейчас здесь она только ради него.

«Может пока не поздно надо все бросить? Вместе с Машей вернуться домой, а там домик на берегу озера... Но если сделать так сегодня, то завтра ты будешь стыдиться себя

самого».

– Есть еще вариант: ты останешься здесь, – опять предложил Иван, – дождешься меня. Я скоро вернусь.

– Я не могу, – ответила Маша и, немного помолчав, пояснила: – Понимаешь в чем дело. Ну уйду я сейчас, а с тобой там что-нибудь случится. И что мне потом делать? Я и сейчас без тебя жить не могу... А если... Да я же из тебя святого сделаю. И всю оставшуюся жизнь на тебя молиться буду. Приму добровольный постриг на дому. Буду ходить с немывыми не стриженными волосами, как старая ведьма. Мной детишек будут пугать. Нет. Мне это не нравится. Так что заводи свой звездолет.

Через несколько минут вертолет тряхнуло, и за лесом поднялся грибовидный выброс черного дыма, подсвеченный снизу алыми всполохами.

– Началось, – Времени для раздумий больше не осталось. – Надеюсь, наши дети не будут такими упрямыми как ты.

Иван увеличил мощность двигателя и через несколько секунд вертолет поднялся в воздух.

То ли охрана военной базы сбежала, потому что приняла взрыв на КПП за начало крупномасштабной войны, то ли воевать вообще не входило в их планы, но в миг опустевший штаб Вахромеев с товарищами вошли без единого выстрела.

Светло-серое трехэтажное здание с четырьмя мощными

белыми колоннами перед входом, построенное в классическом немецком стиле времен третьего рейха, не менялось при всех своих хозяевах. В советские времена в нем тоже располагался штаб и Владислав, который маленьким пацаном часто прибегал сюда к отцу, знал в нем все закоулки.

На первом этаже в конце коридора раньше была комната связи. Лучше места для обороны было не найти. Узкие окна выходили на три стороны и местность вокруг из них хорошо просматривалось. По узкой аварийной лестнице, которая находилась в этом крыле здания, можно было сменить позицию, поднявшись этажом выше. В дальнем конце коридора и у входа поставили несколько заградительных радиоуправляемых мин.

– Я думал, будет как-то не так, – разочарованно сказал Калган.

– Это тебе не Голливуд – это НАТО, – усмехнулся Садовский.

– Как думаешь, что они будут делать? – спросил Вахромеев.

– Как обычно все делают, – ответил Влад. – Согласовывать. Сейчас связались с Пентагоном. Пентагон с Президентом. Президент с Госсекретарем. Госсекретарь с канцлером Германии.

– А канцлер-то им зачем?

– Будут разбираться, чья это юрисдикция. Американцы постараются втянуть Германию. А немцем это даром не надо.

В конце концов, найдут крайних. Местных полицейских для начала. А потом поднимут какую-нибудь эстонскую группу антитеррора со снайперами и те нас попробуют прихлопнуть издалека, – как о чем-то обыденном рассказал Владислав.

– А эстонцев откуда возьмут? – недоуменно спросил Калган.

– Из Эстонии конечно. Они же члены молодые, надо отрабатывать оказанное им высокое доверие. Американским дембелям здесь кишки разбрасывать не положено.

– А где сейчас эти дембеля? – не унимался Михаил.

– Да в казармах сидят. Прячутся.

– Если ты все знал, то почему сразу не сказал?

– Да это я предполагаю, – рассмеялся Влад. – Может у них есть другой план на такой случай.

– А конверт с этим планом должен быть в сейфе начальника штаба, – подытожил Калган. – А в штабе мы. Тупик. Значит, будет самодеятельность.

– Все как у нас, – рассмеялся Вахромеев.

В этот момент из-за угла соседнего здания показался военный «Хаммер». Чуть проехав, он остановился за старой лиственницей и из крупнокалиберного пулемета, установленного на его крыше, по штабу пробарабанила длинная очередь. Где-то на третьем этаже разбилось стекло, и осколки упали на газон перед зданием.

– Точно как у нас, – покачал головой Калган. – Послали на разведку самого ненужного.

– Я могу подняться на третий этаж и оттуда его заглушить. Они даже не поймут где мы, – предложил Садовский.

– Ждем. Не отвечаем, – приказал Вахромеев. – Пусть вы-ползают. Нам их выманить надо. Попрячутся – придется ка-зармы штурмовать.

«Хаммер» сдал назад и спрятался за здание.

– Ну теперь готовьтесь: если все как у нас, то сейчас они пехоту в лоб пошлют. Никого ждать не будут, – сказал Вахромеев. – У них свои генералы без орденов – зачем им с эс-тонскими новобранцами славой делиться.

– Сейчас за тем зданием напротив нас у них инструк-таж, – поддержал Калган. – Какой-нибудь толстобрюхий ге-нерал рассказывает позеленевшим от страха бойцам, как он силами одного полка Кабул брал.

– Думает сколько людей послать в разведку боем: взвод или сразу роту. А когда начнется бойня, он вместо того что-бы сразу отступить, пошлет на нас все что есть. Обратного пути у него не будет: на щите или под щитом, – Вахромеев с горестью вспомнил, сколько раз российские генералы дей-ствовали таким же образом. – Ну... Началось.

Из-за здания опять выполз зеленый «Хаммер». Второй та-кой же автомобиль осторожно высунулся с другой стороны площади.

– Влад, пока нас полностью не окружили, бери РПГ и в ок-но. Займи позицию за теми деревьями. Поддержишь нас от-туда. Рано не начинай. Пусть к нам поближе подойдут. Тогда

ты их с фланга...

Садовский молча пожал руки Калгану и Вахромееву и быстро ушел.

– Теперь до небес одна ступенька осталась, – сказал Вахромеев Калгану.

– А ты уверен, что до небес? Может до сковородки у чертей?

– Скоро узнаем.

* * *

Иван летел, почти касаясь колесами вершин деревьев. По столбу дыма от взрыва он ориентировался, где находится КПП. Ему нужно было залететь на базу с другой стороны и по возможности так, чтобы его не заметили.

Очень характерный бетонный забор по периметру напомнил, что когда-то здесь стояли советские войска. Территория части была не просто огромной – она была размером с большой город. Иван вдалеке увидел хорошо сохранившуюся взлетную полосу с заброшенными капонирами для самолетов по бокам.

Часть зданий на территории части почти развалилось. На черных битумных крышах бесконечных ангаров выросли кусты и березки. Из открытых или оторванных ворот выглядывала ржавеющая военная техника. В одних боксах стояли так и не пригодившиеся ГАЗоны, ЗИЛы и Уралы, а из других торчали пушки танков и БМП. На подъездных железно-

дорожных путях стояли тепловозы, которые больше никогда не поедут, потому что рельсы кончались сразу под ними. Кое-где осталась фанерные щиты с наглядной агитацией. Было ощущение, что люди уходили в большой спешке, бросив все, как при грандиозном отступлении, больше напоминающем позорное бегство. Полное отсутствие здесь людей делало пейзаж каким-то постапокалиптическим.

Чем ближе к центру базы приближался вертолет, тем больше целых домов было под ними. И наконец Иван увидел то, что искал. Здание, которое на карте Садовского было указано как вход в подземный город. Отделанное новыми голубыми фасадными панелями, одноэтажное сооружение было пустым внутри и его единственной функцией было спрятать огромный проход в подземные укрытия части, которые, как говорил Садовский, разместились почти под всем военным городком.

Иван облетел здание вокруг и увидел, что огромные ворота в торце здания открыты. Он завис невдалеке и увидел длинный проход уходящий вниз. Людей не было. То ли они все были сейчас там, откуда доносились автоматные очереди и какие-то взрывы, то ли вообще постоянная охрана здесь была не предусмотрена.

Из тоннеля выходили две железнодорожные колеи. Иван решил, что размера вполне достаточно для его вертолета. Подлетев поближе, он еще раз оценил ширину и высоту и осторожно нырнул внутрь. Тоннель казался бесконечным.

Кое-где он был освещен висевшими у потолка плафонами, где-то было абсолютно темно, и спасал лишь прожектор вертолета. Они медленно пролетали мимо ответвлений в стороны от основного прохода и больших залов с платформами для разгрузки вагонов. Но конца видно не было.

– Иголлка в стоге сена, – повторил Иван слова Вахромеева.

– Не похоже чтобы здесь было что-то работающее. Может он ошибся? – спросила Маша.

– Где-то же эта лаборатория должна быть.

Наконец они уперлись в такие же огромные ворота как в начале тоннеля. Створки были прикрыты и пришлось приземлиться.

– Сиди здесь, а я на разведку, – сказал Иван и спрыгнул на землю.

Ворота не были заперты. Он с трудом чуть сдвинул одну из створок. За ней был огромный ремонтный цех с рядами станков, прессов, подъемников и прочего оборудования. Иван попробовал открыть ворота, но это было нереально: их толщина была такой, что они должны были выдержать ядерный удар, а теперь, заржавев, они заклинили навсегда. Он вернулся к вертолету.

– Дальше нелетная погода. Придется пешком.

Иван забрал из самолета автомат и сумку с взрывчаткой

– Не укачало? – спросил он. – Ну теперь не отставай.

За ремонтным цехом тоннель продолжился. Он был почти не освещен и был гораздо уже и ниже, чем предыдущий.

У двери на рельсах стояла маленькая вагонетка с прицепленной платформой. Иван поднялся на нее и нажал несколько кнопок. Что-то щелкнуло, загорелась и сразу погасла красная лампочка. Он еще что-то подкрутил, а потом резко дернул за небольшой рычажок. Раздался хлопок, и запахло бензином.

– Ну-ка, ну-ка...

Он еще раз дернул за рычаг и двигатель на вагонетке застучал цилиндрами.

– Работает, – удивился Иван и опустил тумблер, заглушив сильно коптящий мотор.

– Не очень похоже, что там дальше что-то может быть, – предположила Маша. Ей было страшно и больше всего хотелось сейчас сесть обратно в вертолет и улететь подальше от этого места.

Они зашли обратно в цех. В этот момент в нем загорелся яркий свет и Иван увидел, что в приоткрытую створку ворот, через которые они сюда попали, проскользнуло несколько человек. Он потянул Машу обратно в тоннель.

– Кажется, нас обнаружили. Значит и вертолет тоже.

– А если уехать на том вагончике? – предложила Маша.

– Тогда обратной дороги уже не будет.

– А есть другие варианты?

– Тогда вперед, пока кондукторы не прибежали.

Иван приклеил к двери в цех два брикета взрывчатки, запрыгнул на вагонетку, завел двигатель, повернул ручку,

и они тронулись. Маше казалось, что вагонетка еле едет. Когда от цеха их отделяло метров сто, открылась дверь в ярко освещенный цех, и мгновенно гроыхнул взрыв.

– Этот поезд быстрее не может? – испуганно спросила Маша, оглядываясь назад.

– Думаю, сейчас начнут стрелять и нам бы лучше сойти.

И сразу после его слов им вдогонку прозвучали автоматные очереди. Несколько пуль ударились в железную платформу позади них.

– Ваня! – крикнула Маша и показала пальцем на темный коридор, уходящий в сторону от рельсов.

– Прыгаем, – взял ее за руку Иван и они, соскочив с вагонетки, которая поехала дальше, забежали в коридор.

– Ванечка, ты сумку забыл, – напомнила на бегу Маша.

– Черт! – Иван резко остановился. – Женщина на корабле...

– Да-да, вали все на меня, – потянула его за собой Маша. – Бежим уже. Все равно взрывать нечего.

Те, кто их преследовал, тоже добежали до коридора и выпустили в него несколько очередей.

– Они пойдут за нами?

– Думаю, да, – на бегу ответил Иван.

– Мог бы и обмануть.

Иван и рад был бы ее обмануть, но он понимал, что они попали в ловушку и из этого коридора вряд ли есть выход наружу.

* * *

У штаба все происходило, как и предсказывал Вахромеев. Первая атака быстро захлебнулась. Два «Хаммера», пулеметы которых должны были прикрыть нападавших, были легкой мишенью и сейчас горели, выпуская клубы черного дыма. Потери нападавших были большие. Атаковать в лоб через площадь – была идиотская идея.

Калгану сильно посекло лицо осколками стекла и камней.

– Давай перевяжу, – предложил Вахромеев. Травмы были не опасные, но на лице было много крови.

– Не нужно. Да и времени нет, – сказал Калган, промокая кровь сложенным бинтом. – Уйти отсюда нам уже не суждено, так что давай переберемся на самый верх. Оттуда отстреливаться поудобнее. А по дороге посмотрим по комнатам какое-нибудь оружие.

Вахромеев посмотрел в окно в ту сторону, где был Садовский. За стриженными кустами начинался идеально ровный газон. Он вспомнил, что у себя на даче как ни пытался, все равно не смог сделать ничего похожего. Даже дом не достроил.

– Да, ты прав. Пойдем наверх, – ответил он Калгану.

Владислав удержался и не вступил в перестрелку, чтобы не обнаружить себя раньше времени, понимая, что его поддержка пока не нужна. Он расположился в конце аллеи около чудом сохранившегося памятника советским солдатам, по-

гибшим в Великой отечественной войне. И сейчас суровый воин из красного гранита надежно прикрывал собой Садовского.

– Ваня, здесь дверь! – Маша остановилась тяжело дыша.

Иван дернул ручку железной двери, но она не открылась.

– Подвинься! – крикнул он и выпустил одну очередь в темноту коридора, а вторую в дверной замок. Потом разбежавшись, врезался в неё плечом.

Дверь распахнулась. Луч фонарика высветил большой зал перед ними. Иван пошарил около двери. Найдя тумблер выключателя, поднял его вверх и ошеломленно выругался матом от удивления.

В центре зала, освещенный прожекторами, сверкая красной как новый автомобиль на Франкфуртском автосалоне, стоял самолет СУ-27 с красными звездами на крыльях.

– Ваня, это что?

– Пока не знаю, но очень надеюсь, что это ковер самолет и обратный билет домой.

Он открыл дверь и еще раз вслепую выпустил в темный коридор длинную очередь.

– Откуда он здесь? – спросила Маша, удивленно разглядывая самолет.

– Купили у каких-то наших бывших друзей. Может, хотели что-то исследовать, изучить, разобрать. Но, наверное, руки не дошли. Да это сейчас неважно. Главное, что у него

с аккумуляторами и топливом. Немцы аккуратные, не должны подвести.

Говоря все это, Иван подкатил к кабине стремянку, поднялся наверх, открыл фонарь кабины, запрыгнул на сидение и защелкал тумблерами и выключателями. Все это он мог делать с закрытыми глазами. Точно такой же красавец был у них в училище и он провел в его кабине сотни часов, раз за разом повторяя порядок запуска двигателя.

Через несколько секунд приборы ожили. Иван соскочил по лесенке вниз и подбежал к воротам капонира, за которыми должен был быть выход наружу. Рядом с ними в сером монтажном щитке было несколько кнопок. Иван, почти не дыша, нажал на большую красную в центре. Загудела сигнализация и над воротами замигал проблесковый желтый прожектор. Но главное, ворота сдвинулись и поползли вбок.

На секунду Иван засомневался, что делать дальше. Можно было прямо сейчас выбежать на улицу и попытаться скрыться где-нибудь на территории. Он оглянулся. Ему показалось, что самолет, этот огромный красавец, как верный конь, не понимал, какие могут быть в нем сомнения.

– Давай в кабину, – крикнул он Маше.

– Мне вперед или назад? – спросила она, забравшись на стремянку.

– Назад, солнышко, сегодня назад, – ответил Иван, осматриваясь вокруг и стараясь ничего не упустить.

– Ваня, здесь шлемы на сиденье. Нам нужны или сбро-

силь?

– Нужны, конечно, – он тоже заскочил в кабину. – Надевай, садись в кресло и пристегивайся. Попробуем запустить.

Маша, ничего больше не спрашивая, протянула один шлем Ивану, а второй взяла себе. Прыгнула на сиденье и стала пристегивать ремни так уверенно, будто это ее сотый вылет.

Иван сел вперед. Черные круглые приборы на светло-изумрудной панели были живыми и показывали полную готовность. Он осторожно перевел переключатель запуска двигателей в положение «Запуск», установил рычаг управления двигателем на малый газ. Прикоснулся к двум кнопкам и, закрыв глаза, сделал глубокий вдох, нажал на первую «Запуск Лев» и почти сразу на вторую «Запуск Прав». Сначала услышал заработавший турбостартер. Потом, как взвыли оба двигателя и на них начали уверенно увеличиваться обороты.

Иван открыл глаза. Стрелки приборов были там, где им положено. Нарастающий шум дошел до установленной нормы и загредел радующим оглушающим звенящим знакомым рокотом. Иван захлопнул фонарь, прибавил газа и самолет двинулся с места. Осторожно управляя передним колесом и отклоняя педали, он выехал из капонира, доехал до взлетной полосы и включил стартовый тормоз.

– Готова? – спросил он Машу и услышал в наушниках дорогой голос.

– Мы еще кого-то ждем? Или как?

Иван еще раз проверил работу систем. Подтянул плечевые ремни и начал плавно увеличивать обороты двигателей. Когда они достигли максимальных, растормозил колеса, его мгновенно вжало в кресло и самолет начал разбег. Он включил форсаж. Через пару мгновений почувствовал, как оторвалось от земли переднее колесо, и самолет взлетел.

– Ваня, посмотри вправо, – услышал он Машин голос.

Но он уже ничего не видел, кроме голубого неба перед собой. Самолет уверенно набирал высоту.

– Что там? Я не успел посмотреть, – спросил Иван.

– Там было новое здание и около него несколько грузовиков. Очень похоже, что в них что-то загружают.

– Сейчас посмотрим.

Иван убрал шасси и, сделав резкий вираж, зашел на второй круг. Он летел максимально медленно, чуть слева от взлетной полосы, чтобы можно было разглядеть то, что увидела Маша.

Наконец он увидел: новенькое стеклянное трехэтажное здание было огорожено железным забором со своим отдельным КПП. На территории стояли грузовики. Под навесом хранились десятки разноцветных металлических бочек. Было очевидно, что здесь действующее производство. Последние сомнения исчезли, когда Иван увидел очистные отстойники. От всех сооружений в лес шли толстые трубы, которые попадали на еще одну закрытую территорию. Там располагались несколько бетонных резервуаров круглой и пря-

моугольной формы и два приземистых здания из красного кирпича. Прямо под ними начинался канал, вода из которого попадала в заросшие пруды.

Через секунду Иван пролетел над штабом. Он заметил, что за двумя зданиями под прикрытием трех БМП сосредоточились несколько групп готовых к атаке. Он включил систему управления вооружением. Приборы показали, что самолет снаряжен вооружением настолько это возможно.

– Вот это то, что нужно, – обрадовался Иван. – Сейчас мы поддержим ребят с воздуха.

Он выбрал подходящий для случая тип ракет, установил засечки целей и ушел на еще один круг. В этот раз он поднялся повыше в небо, чтобы сделать все максимально точно. Поднявшись на высоту почти два километра, он начал пикирование, выбрав главной целью лабораторию. Он видел, как из-под самолета ушли ракеты. В то мгновение, когда взрывы начали сносить все, что было под ним, он ушел на горизонтальный полет и прошел над площадью перед штабом. За самолетом вверх поднималась ярко-алая стена огня.

– Хотели апокалипсис – получите, – пробормотал Иван. – Жаль нельзя прислать пару ракет в форточки к заказчикам.

– Ваня, а что дальше? – спросила шокированная Мария.

– Дальше домой, – спокойно ответил Иван.

– Куда домой?

– Надеюсь, до Калининграда топлива хватит.

Маша посмотрела вниз. Они летели над Берлином. От то-

го, что произошло за этот день, от перегрузок ей было плохо. Почему-то хотелось плакать. И когда слезы уже повисли на веках, она услышала, как Иван запел:

– Черный ворон, черный ворон, Зря ты вьешься надо мной, Ты добычи не дождешься...

Маша улыбнулась сквозь слезы и поддержала:

– Черный ворон, я не твой...

Эпилог

Новый катер Иван решил опробовать на Ильин день. На Онежском озере хороший катер вещь жизненно необходимая. Маша составила маршрут первого путешествия и рано утром они отчалили.

Такая замечательная погода здесь на Онеге за все лето случается всего пару раз. При полном безветрии вода будто застыла. На зеркальной глади отражалось бескрайнее голубое небо, по которому очень высоко скользили два ленивых маленьких облака.

Когда они добрались до первого пункта своего маршрута – Андома-горы, раздался телефонный звонок .

– Привет, мореплавателям! – услышал Иван знакомый голос Владислава Садовского и от неожиданности чуть не выронил телефон.

– Жив? – вскрикнул Иван и, показывая пальцем на телефон, радостно сообщил об этом Маше: – Это Влад Садовский! – Ты где? И откуда ты знаешь, что я мореплаватель?

– Ваня, Ваня, – засмеялся Садовский. – Если ты бросил Контору, не значит, что Контора бросила тебя. Но это сейчас неважно. Я от тебя не так далеко. Так что жду в гости прямо сейчас.

– Но я же на катере.

– А ко мне только на катере и можно. Записывай координаты...

Через полтора часа Маша, как настоящий капитан, осматривающий горизонт в большой бинокль, закричала:

– Вон этот остров! И новая церковь на самом берегу!

Вскоре они увидели Владислава, встречающего их на маленькой пристани.

– Две атаки мы отбили. Потом подогнали БМП, минометы... Минут двадцать стреляли по штабу и по мне из всего этого. А потом опять атака. Штаб почти весь разнесли по кирпичикам. Вахромеев с Калганом уже не отстреливались. Хотя я уже не очень-то смотрел по сторонам: меня так прижали, что голову высунуть не мог. Так что точно не знаю. Сам не видел и нигде не слышал, что их тела нашли. Когда ты первый раз пролетел, я сначала не поверил, – Садовский замолчал, вспоминая события того дня. – Потом увидел, что ты на второй заход пошел и догадался, что сейчас будет... Когда все началось, у меня несколько секунд и появилось... Там недалеко люк в бомбоубежище, я его в детстве вдоль

и поперек излазил. По нему можно выйти в любом месте части. Так я и ушел.

– Я думал шуму от нашей операции будет больше, но везде тишина.

– Тишина – это хорошо. Значит те, кто надо, все увидели и все поняли. Поэтому забились в щели и молчат. И всем своим дали команду молчать.

Садовский очень изменился за два месяца. Будто бы он наконец нашел то, что искал всю жизнь. В глазах появился необычайная восторженность и искренний интерес ко всему вокруг. Будто он очнулся после долгой болезни.

Остров, на котором они находились, от берега отделял узкий пролив. Сейчас, в последние теплые дни, несколько человек наводили через него мост. Место было неглубокое. На темной прозрачной воде плавали большие листья кувшинок с желтыми и белыми цветами. Все сваи уже были забиты и соединены между собой. Сейчас делали деревянный настил и перила. Рядом с новым мостом кое-где торчали из воды почерневшие столбы от старого моста. Рядом с ними в прогретой солнцем мелкой воде у коричневого торфяного дна гоняли друг друга мелкие рыбешки.

– Вот, решили мост восстановить, а то мы здесь у себя на острове большую деятельность развернули. Коров уже больше сотни. Овцы, козы, – с нескрываемой гордостью говорил Садовский. – Сыр, творог молоко, мясо. Без моста никак.

– Влад, я что-то не пойму, у вас здесь монастырь или колхоз? – спросил Иван.

– Ну, наверное, не совсем монастырь, – Владислав откинул рукой со лба длинные волосы. – Скорее община по интересам. Есть у нас два храма. А на соседних островах скиты и часовни, но общего устава монастырского для всех нет. Многие из соседних деревень к нам приезжают просто на работу. И им никто ничего не навязывает. Могут ходить в церковь, могут нет. Могут верить, могут нет. Я же тоже не так давно верующим стал.

За разговором они подошли к роднику с небольшой часовенкой. Они выпили по кружке холодной воды и сели на скамеечку рядом.

– Все-таки я не пойму, как ты таким стал? – спросил Иван.

– Каким?

– Ну вот, – он показал рукой на восстановленную церковь на берегу и на часовню, – верующим...

– Да собственно, благодаря тебе, – улыбнулся Садовский и посмотрел Ивану в глаза.

– Как же у меня это так получилось?

– Я в жизни две клятвы давал и оба раза у того гранитного памятника в воинской части под Берлином. Один раз, когда меня в пионеры принимали в третьем классе. А второй, когда я за этим солдатом себе место выбрал, где умереть. Я уже с жизнью распрощался и только молился, – Садовский говорил тихо, глядя на порхание бабочек и стрекоз у род-

ника. – Умирать, Ваня, все-таки очень страшно. Вот и просил боженьку мне жизнь спасти. Обещал я ему... – Влад на несколько секунд задумался и глубоко вздохнул, – много чего обещал... И тут ты на «сушке» с красными звездами... После этого, Ваня, трудно атеистом остаться...

Садовский неожиданно поднялся и немного отошел в сторону. Иван, глядя на него, подумал, что, наверное, не все спокойно и гладко у него на душе.

– Ну и не только это конечно, – продолжил Владислав. – Когда начинаешь понимать, что людей, которые тебя понимают, с которыми ты говоришь на одном языке почти не осталось... – он оглянулся, посмотрел на Ивана с Машей, – значит, пора начинать готовиться...

– Думаешь, мы неправильно там сделали? – неожиданно для себя спросил Иван.

– Правильно, не правильно, – Владислав нахмурился. – Исходя из той информации, из тех знаний, что у нас были на тот момент, нам казалось, что правильно, а пройдет лет двадцать...

Владислав так и стоял, уже не глядя на Ивана с Машей, думая о чем-то своем.

– Большинство тех событий, которые нам кажутся чем-то особенным, для природы незаметный пустяк. Но когда она почувствует реальную опасность, то у нее найдутся механизмы самолечения. Понадобится ей для этого убрать человечество – уберет и ничто тогда нас не спасет. Вирус, не ви-

рус. Потепление, похолодание. Тот, кто этот мир создавал, так все хорошо продумал, что на каждую хитрую гайку, есть свой болт с нужной резьбой.

– Это ты о чем? – спросил Иван.

– Появится, к примеру, человек, решивший что он хозяин мира, и вдруг, когда его мечта почти сбылась, какой-нибудь неказистый рязанский Ванек-дурачок вдруг упирается насмерть в двадцати километрах от Москвы и ломает все планы... А спроси того мужика: «За что ты здесь костями ложишься?» Не ответит. Так что природа на глобальном уровне разберется сама, – улыбнулся Влад. – А вот, что нам в своей стране делать, надо думать.

– И ты знаешь, что?

– Да откуда?.. Я же не Моисей: со мной бог из горящих кустов не разговаривает. И дорогу из египетского плена не указывает.

– А мы-то думали, что ты сейчас нам скрижали принесешь! Ну или берестяные грамоты, исходя из нашей местной специфики, – попробовал пошутить Иван. – А то как же мы без дороги?

Садовский не обратил внимания на иронию. Он уже не мог стоять на одном месте и взволнованно ходил перед Иваном и Машей, которые продолжали сидеть на скамейке.

– Мне кажется, для большинства людей не важно, куда ведет дорога, а важно, чтобы она была. Потому что если ее нет или она потерялась, то ее приходится искать самим...

Думать... А от этого становится страшно.

– Это понятно. А ты сам-то понимаешь куда идти?

– Если в уравнении все данные известны, то результат можно посчитать, – Садовский немного успокоился, опять присел на скамейку и говорил уже спокойно: – Очевидно, что смутных времен не избежать, а после смуты и безвременья придется все восстанавливать. Собирать обратно. Для этого нужны точки опоры. Может такие места смогут ими стать.

– Я что-то не поняла. А что восстанавливать? – спросила Маша, которая до этого молча внимательно слушала.

– Империю, – пожал плечами, ответил Садовский.

– А нужна ли она? Тысячу лет здесь империя, а в маленькой Швеции, по соседству, народ живет гораздо лучше... Может, потому что вовремя отказались от ненужных амбиций?

– Может и не нужна, но что теперь сделаешь... – Садовский с грустной улыбкой посмотрел на Машу. – Если бы моя мама уговорила папу и меня отправили в музыкальную школу, то я бы, может, стал музыкантом. Только папа отправил меня на самбо и в стрелковый тир. И я пошел в военное училище... Россия в другом формате существовать не сможет.

– Ну вам мужчинам виднее, – не стала спорить Маша.

– А получится опять империя? – спросил Иван.

– Если народ захочет сохраниться, то его остановить невозможно. А если народу наплевать, то это не народ. Стаду баранов империя не нужна, им загон нужен с кормушкой.

– Я бы, кстати, поела, – решила прервать этот разговор Маша, – Мы же с утра ничего не ели.

– А у нас сегодня как раз братчина, – вспомнил Садовский. – День Ильи-пророка и мост мы закончили. Люди со всей округи собрались. Я вас, собственно, поэтому и пригласил посмотреть.

На самом красивом месте, на высоком берегу острова, откуда были видны соседние острова, рядом со старинной деревянной, недавно восстановленной церковью, стоял длинный ряд накрытых столов. Чуть в стороне, в двух громадных котлах, подвешенных над кострами, что-то варилось. За столами на лавках и у костров прямо на земле сидели люди. По лицам было видно, что у них веселое праздничное настроение. Многие были с детьми.

Влад подвел их к уличной кухне, где им положили в тарелки вареной баранины и рассыпчатой молодой картошки. На накрытом белыми скатертями бесконечном столе стояли подносы и миски с пирогами, блинами и караваем. В кувшинах была медовуха и пиво, морсы и квас.

– У вас здесь настоящий праздник, – заметила Маша, уплетая пироги, – а у нас дома такая депрессивная деревня... Как у вас это получилось? Людей увлечь?

– Надо совсем немного: всего лишь сделать так, чтобы люди поверили в то, что они нужны. Без веры все пустое...

– А кому они поверили? Вам?

– Друг другу. Может быть, тому, что у них есть родина.

– А что такое «родина»?

– Я, Маша, об этом каждый день думаю и пока нет точного ответа. Одно точно: Родина – это не территория, не история, которую можно крутить как угодно, и даже не идея. Все это не стоит того, чтобы за это умирать...

– А что тогда?

– Нас же миллионы. Поэтому что-то для каждого свое. Может в генах что-то, но скорее в первых детских ощущениях. В запахах, звуках, голосах...

– Я до того, как в школу пошел, ничего не помню, – скептически сказал Иван.

– Даже если мы что-то не помним – это все равно внутри нас.

Садовский повернулся к Маше с Иваном.

– Вот я и сейчас ощущаю табачный запах деда, солдата-ветерана. Запах водки и лука на его поминках. А это было сорок лет назад. Помню прелый запах весеннего березового леса, когда первый раз пришел туда за соком.

– А звуки? – спросил Иван.

– Помню, как лежал на верхней полке и слушал стук колес плацкартного вагона на мосту через Волгу, когда отец повез меня на Байкал.

– А я точно никогда не слышала, – задумчиво сказала Маша, – но отлично представляю, как свистит метель над забором с колючей проволокой. И как глухо ударяется топор

о плаху на лобном месте. Как катится голова по окровавленным доскам...

– И это тоже... – согласился Садовский. – И звуки счастливого материнского смеха, когда у тебя получилось сделать первый шаг и не упасть... И родной всем голос в скрипящих динамиках: «Поехали», – он налил из кувшина полную кружку клюквенного морса, выпил, поморщился и добавил: – Или ты это чувствуешь или нет. Как любовь: если нет, то не пришьешь. Как говорила моя бабка: «Не к рукам баба, так хуже лаптя дырявого».

Когда они прощались на пристани, Садовский попросил: – Приезжайте почаще и берегите друг друга, – потом помолчав, добавил: – Жизнь как лестница. Пока ты лезешь по первым ступенькам, есть куча страховочных веревочек, которые тебя поддерживают. Родители, потом друзья, потом любовь, дети... Потом веревочек становится все меньше. Последнюю ступень ты всегда проходишь один без страховки и без чьей-то помощи. Один. И тут без веры нельзя.

На обратной дороге они опять остановились у Андомского мыса. Солнце уже наполовину спряталось за горизонт и раскрасило все вокруг в фантастические цвета. На бледно-голубой эмали куда-то плыли длинные нежно-желтые облака, подсвеченные снизу заходящим солнцем. Розовое небо на горизонте смешалось с водой и от этого казалось, что лод-

ка висит внутри огромного шара. На другой стороне, где уже начинало темнеть, появилась луна и если приглядеться, то можно было увидеть несколько ранних звезд.

Иван заглушил мотор, и они медленно дрейфовали вдоль высокого обрывистого берега.

– Я ему немного завидую, – сказал Иван, вспоминая разговор. – Он знает что хочет, видит свою цель.

Маша легла на сиденье, закинула ноги на борт, а голову Ивану на колени.

– К сожалению, на одного такого подвижника десяток жуликов и миллион равнодушных. Поэтому на самом деле скиты строили не для того, чтобы империи воссоздавать, а чтобы от империй прятаться. Но островов на всех не хватит.

– Ты просто очень большой скептик, – улыбнулся Иван и погладил ее волосы.

– Я, конечно, женщина необразованная, но может и действительно не нужны границы и государства. Кому надо, могут и так объединиться: без вождей и их сказочных обещаний. Для того, чтобы остаться русским, китайцем или татаринном не нужны ни цари, ни президенты. Мне хватило бабушки-поморки.

– Тебе может и не нужны. А тем, кому самому думать не хочется, нужно чтобы кто-то показал дорогу.

– Вожди не показывают дорогу. Они учат по ней маршировать строем. Учат кого любить, кого ненавидеть... Кого убивать. Да и эти... которые думать не хотят, не так про-

сты... Мне кажется, им так легче: «не мы такие – жизнь такая» и «моя хата с краю».

– Вообще-то, ты, наверное, права. Но если не будет своих вождей, будут вожди чужие. Пока вокруг столько равнодушных без этого никак. Поэтому я не верю, ни в мир без границ, ни в империю. Все это для того, чтобы было удобнее стричь свое стадо.

Маша подняла подбородок, чтобы посмотреть на Ивана.

– А зачем тратить жизнь на бесплодные попытки найти волшебный мир справедливых эльфов? Можно создать свой мир, свою страну, свою родину, где ты царь и президент. Сам утверждаешь законы, раздаешь ордена и сам отправляешь в вечное изгнание.

– А сколько человек будет в твоей стране? – спросил Иван, глядя вниз на Машу.

– Если ты не один, то это уже победа.

– Да ты у меня, милая, наверное, и в бога не веришь?

– С богом я еще не определилась, но то, что никакого рая на небесах нет – это точно.

– Почему это?

– Потому что если не будет боли, то как ты поймешь что такое счастье? Каждый человек – это мир. Каждое мгновение – это вечность. Наверное, мы все разучились это понимать и ценить.

– И что же делать?

– Любить и радоваться каждому дню. Человек сам себе

устраивает из жизни рай или ад. Все, что с нами происходит, делаем мы сами и сами должны за это отвечать.

Мария подумала, сейчас сказать, что беременна или подождать немного и не решила.

– А неплохо мы с тобой поем? – вспомнила она. – Кроме «Черного ворона» в твоём репертуаре еще что-то есть?

Иван закрыл глаза и запел:

– Ой, да не вечер, да не вечер. Мне малым мало спалось...

– Мне малым мало спалось, – подхватила Мария, – да во сне привиделось...

Тут и сказки конец.